ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Научно-образовательный центр «Музей и культурное наследие»

ЭТЮДЫ КУЛЬТУРЫ – 2009

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
(Томск, 24 апреля 2009 г.)
Ч.1. Музеология и культурное наследие

Под редакцией Э.И. Черняка

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2009

УДК 069.01
ББК 79.1
Э 94

Редакционная коллегия:
Н.М. Дмитриенко – д-р ист. наук, профессор
Ю.В. Петров – д-р филос. наук, профессор
О.М. Рындина – д-р ист. наук, профессор
Э.И. Черняк – д-р ист. наук, профессор (отв. редактор)

Э94 **Этюды** культуры – 2009: Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Томск, 24 апреля 2009 г. Ч. 1: Музеология и культурное наследие / Под ред. Э.И. Черняка. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 152 с.

ISBN 978-5-7511-2020-X

Сборник является первой частью публикации материалов Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых вузов Москвы, Ярославля, Владимира, Челябинска, Барнаула, Кемерова и Томска.

Для студентов, аспирантов, соискателей, преподавателей гуманитарных дисциплин, а также всех интересующихся проблемами сохранения и изучения культурного наследия.

УДК 069.01
ББК 79.1

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ проект № 08-01-64110 а/Т «Развитие музейного дела как практика социокультурного освоения Сибири (по материалам истории музейной отрасли на территории Томской области в 1920-2000 гг.)»

ISBN 978-5-7511-2020-X

©Авторы статей, 2009
© Томский государственный университет, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Агафонова Е.А. Владспецреставрация»: к вопросу об основных направлениях деятельности 6

Аксенова Е.С. Музей и туризм. Как эти понятия, к счастью, близки, как, к сожалению, далеки 9

Алексеева Е.С. Берестяная утварь восточных хантов в коллекциях музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета 14

Андреева К.Н. Время, культура, музей, или Селькупская коллекция Кая Доннера 18

Антонов М.А. Отмена крепостного права в исторических экспозициях музеев Ярославской области 23

Артамонова Ю.С., Афанасьева Е.А. Маркетинговые технологии в продвижении информации об историко-культурном наследии Алтая 30

Арсенина О.В. Участие владимирских фотографов в «поездке особой важности» 35

Воробьева Л.А., Игнатова Т.Ю., Лебедкина А.Ю., Назарчук Д.В., Монгуш А.А., Муруг О.В., Сафронова И.В., Семенова М.А. Южное кладбище в Томске как объект историко-культурного наследия 38

Горохова Е.Е., Гребенников И.Ю., Паршикова Т.С. Археологические выставки как способ популяризации культурного наследия Алтая 42

Ерохина С.В. Реставрация палаты дворца угличских удельных князей в 80–90-е гг. XIX в. 49

Кислицина А.С. Музей и люди с ограниченными возможностями 56
Корнева В.Ю. Гендерный аспект кулинарного кода в летней обрядности русских XIX–XX вв. 61
Курьянова Т.С. Этнографические источники по культуре шорцев в коллекциях Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ 65
Колесников Д.М., Леонов Е.Е. Внедрение новых коммуникативных моделей в культурно-образовательную деятельность вуза – школы – музея 70
Лозовая Л.А. Музеи томских вузов 1920–1930-х гг. в исторической литературе 76
Мавшенко Е.В. Обряд в культуре: к историографии проблемы 80
Малахатько У.В. Томская община международного общества сознания Кришны 87
Мамедова А.С. Источники изучения жизни старца Федора Кузьмича 92
Мануйленко О.В. Петр Иванович Макушин в Томске: предложения к экскурсионному маршруту 95
Морозова Л.А. Богородице-Рождественский монастырь во Владимире: история создания, становление, развитие 99
Непомнящих С.Е. Издательская деятельность Томского областного краеведческого музея 104
Ретюнская Е.Ю. Учебно-вспомогательные учреждения Императорского Томского университета в конце XIX – начале XX в. 112
Рогозникова И.А. Русская деревянная утварь в коллекциях Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского (МАЭС) ТГУ 115
Родионова Т.В. Потанинская коллекция в Музее истории книги Научной библиотеки ТГУ 121
Семенова К.А. Материалы по истории Томского здравоохранения в фондах Музея истории ТГУ 124
Сугак Е.С. История формирования коллекций Томского областного краеведческого музея в 2001 г. 128
Тимофеева М.С. История создания Бытового музея Сороковых годов (на основании новых архивных материалов) ... 138

Чернышёва М.В. Николай Алексеевич Клюев в советских периодических изданиях 1973–1988 гг.....145
Чиркова Е.А. Формирование профессиональных навыков специалистов-музееведов в процессе работы в педагогическом отряде «Пульс» 149

«ВЛАДСПЕЦРЕСТАВРАЦИЯ»: К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.А. Агафонова*

Изучение и восстановление богатейшего историко-художественного и архитектурного наследия земли владимирской было бы невозможно без собственной, сложившейся школы реставрационного мастерства. Сегодня лицом этой школы, по мнению специалистов и общественности, стало государственное научно-производственное предприятие «Владспецреставрация», которое возглавил заслуженный деятель искусства России, член-корреспондент Академии архитектурного наследия Александр Игнатьевич Скворцов. В структуре предприятия – архитектурная и художественная мастерские, центр реставрации редких книг. Выставки работ, организованные коллективами мастерских, – «Спасенные шедевры» и «Великое наследие» – показали яркие творческие достижении владимирских реставраторов и, как результат, возвращение к жизни ценнейших памятников старины. Трудом владимирских реставраторов сохраняются известные всему миру шедевры древнерусского зодчества, такие как Успенский и Дмитриевский соборы, церковь Покрова на Нерли, Боголюбово, фрески Рублева[1].

---

* **Екатерина Александровна Агафонова** – студентка 5-го курса кафедры музеологии исторического факультета Владимирского государственного университета. Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент В.В. Соловьева.

[1] *Скворцов А.И.* Великое наследие, реставрация памятников истории и культуры Владимирской области. М., 2001.

На переломе эпох в 1990 г. в сфере реставрации, как и в целом в стране, появились признаки надвигающегося экономического кризиса. Сокращалось финансирование, выделяемое на реставрацию памятников, встал вопрос о сокращении специалистов и о судьбе реставрационного дела в целом. Началась приватизация, затем акционирование, и в руководстве тогдашнего предприятия, объединяющего всех реставраторов города, оказались люди, далекие от реставрационных проблем, нарастали и внутренние противоречия в коллективе. Проведенная в последующем организационная реформа привела к ослаблению деятельности подразделений и к их неуправляемости, следствием чего стал раскол предприятия. Оно решает создать новое структурное подразделение, выделяющееся из научно-проектной конторы и наделяемое широкими командными полномочиями. Вот так из коллектива научно-проектной конторы выделилось самостоятельное государственное научно-производственное предприятие «Владспецреставрация». С 1991 г. началась его независимая, новая жизнь и история. Делопроизводство начиналось нелегко уже с момента своего основания.

На фоне всеобщего безденежья в области находилось более трех тысяч памятников. В Суздале рушился Рождественский собор, на грани исчезновения оказалась белокаменная резьба Дмитриевского собора во Владимире, разрушались фрески Рублева в Успенском соборе, музеи и библиотеки не могли восстановить самое необходимое для экспозиций и сохранности фондов. И мастера из-за нехватки денег проводили лишь консервационные работы. Средства на проведение работ собирались лишь усилием, талантом и верой в собственные силы, была создана специальная служба спасения белого камня, разработана новая методика укрепления белокаменной резьбы. Усилиями мастеров, реставраторов и руководства предприятия удалось сохранить и белокаменное зодчество, и уникальные соборы XII в.

Таким образом, для создавшегося нового сообщества реставраторов сохранение белокаменного зодчества, фресок, монументальной живописи[1] (церковь Бориса и Глеба в с. Кидекша, 1152 г. – реставрация фресковой живописи, Успенский собор XII в., реставрация фресковой живописи 1161, 1189, 1237, 1408 гг., середины

[1] *Скворцов А.И.* Исторический опыт сохранения памятников белокаменного зодчества Владимиро-Суздальской Руси// Зубовские чтения. Вып. 1. 2002.

XVII в., масляная живопись 1769 г.), декоративно-прикладного искусства, деревянной скульптуры, резьбы, металла, бытовых предметов, мебели, памятников учреждений культуры (Центр фольклора или центр изобразительного искусства во Владимире, художественный музей в Александрове), музейных фондов (реставрация экспозиции и интерьера картинной галереи в Муроме и Гороховце, русского дворянского портрета XVIII–XIX вв. в Александрове, экспозиция холодного и огнестрельного оружия в Коврове) стали ведущими направлениями в деятельности наряду с изменившимся подходом к реставрационному процессу, открытием и созданием новых методов по сохранению культурного наследия.

Особо стоит отметить деятельность «Владспецреставрации» по сохранению памятников на бумажных носителях[1]. Были найдены пути эффективного сохранения книжных раритетов. Сегодня реставрацию прошли сотни написанных и старопечатных книг, одни из них спасены от неминуемой гибели, другие от дальнейшего разрушения. Самые древние из них относятся к XV–XVI вв., но есть и более поздние (редкие книги и документы – рукописный «Синодик» 1587 г., старопечатное «Евангелие напрестольное» 1644 г., рукописный «Пролог» XVI–XVI вв., старопечатный «Апостол» 1684 г., «Пересмешник, или Славянские сказки» 1784 г.). Отделение реставрации книги рождалось трудно, сотрудники проходили обучение в Москве у ведущих специалистов, накапливалась производственная база, в итоге была создана специальная «служба быстрого реагирования», которая в чрезвычайных ситуациях принимает меры к спасению уникального культурного наследия в пределах центрального региона России.

Профессионалов «Владспецреставрации» пригласили оказать помощь в сохранении объектов бесценного мирового культурного наследия. В греческой библиотеке на полуострове Афон в мужском монастыре владимирские реставраторы помогали сохранять книги, некоторых из которых нет ни в одной библиотеке мира. В монастыре не знали о реставрации ничего, подновить книгу – могли, но что такое современная реставрация не представляли. Мастера «Владспецреставрации» не только помогли сохранить памятники культуры, но и систематизировать библиотеку.

[1] *Спасенные* шедевры / Государственное научное предприятие «Владспецреставрация». Владимир, 1997.

Достижения организации – колоссальны и переоценить вклад «Владспецреставрации» в охрану и сохранение культурного наследия края трудно, но самое главное то, что на владимирской земле есть уникальные реставраторы, которым не безразлична судьба национального достояния. Обойдя все инстанции и собрав все необходимые документы, научно-производственное предприятие добилось внесения в список ЮНЕСКО уникальных памятников белокаменного зодчества, расположенных на территории Владимирской области.

МУЗЕЙ И ТУРИЗМ. КАК ЭТИ ПОНЯТИЯ, К СЧАСТЬЮ, БЛИЗКИ, КАК, К СОЖАЛЕНИЮ, ДАЛЕКИ

Е.С. Аксенова*

Культурный туризм – полноправная форма музейной работы. И все же в большинстве российских музеев должного места он не занял. Музеи в большинстве своем продолжают оставаться изолированными от общего туристического пространства. Для многих музеев страны проблемы туристской практики являются еще не пройденным полем деятельности. Однако несомненно, что сотрудничество музеев с туризмом является наиболее обещающим направлением в ближайшей перспективе. Этот подход также очень важен и в связи с расширением хозяйственных форм музейной деятельности, возможным обеспечением экономической самостоятельности музеев. Сотрудничество музеев и туристической сферы связано не только с общими ресурсными основами для развития этих видов деятельности, но и опирается на современные тенденции как в совершенствовании музейной работы, так и в формировании туристского спроса.

*__Елена Сергеевна Аксенова__ – студентка 3-го курса кафедры документоведения и музееведения факультета книжного бизнеса, документоведения и музееведения Института документальных коммуникаций Челябинской государственной академии культуры и искусств. Научный руководитель – канд. пед. наук, доцент А.В. Лушникова.

Первой из них следует отметить тенденцию, выявленную в конце 1980-х гг. академиком Д.С. Лихачевым, – переход от исследования и сохранения памятников культуры и природы к изучению и сохранению наследия в его целостности и многообразии. Это тенденция, которая, как нам представляется, должна определять и другие аспекты социально-культурного развития начала нового тысячелетия. Культурологическая ценность такого подхода основана на переходе от охраны отдельных памятников к сохранению всего историко-культурного наследия, охватывающего сами объекты наследия, среду, в которой они существуют, человека как носителя наследия. Такая деятельность предполагает выявление всей совокупности наследия, включающей не только выдающиеся памятники истории и культуры, но и другие важнейшие элементы: народную культуру, традиции, ремесла и промыслы, исторические технологии, традиционные формы природопользования, историческую городскую среду, сельскую застройку и систему расселения, этнокультурную среду, природное окружение и пр.

Очень важным в настоящее время представляется восстановление забытых ранее страниц истории и имен, внимание к необъективно замалчиваемым историческим событиям. Но не менее важно, чтобы в рамках исторического наследия вспоминались не только фамилии выдающихся личностей, но и различных социальных групп: истоки крестьянских фамилий, имена горожан, ремесленников, купцов, учителей, врачей, которые сохранились в архивах или в памяти людей.

Четкое понимание единства культурного и природного наследия лежит в основе формирования системы историко-культурных и природных территорий. Под ними понимаются такие объекты, как малый исторический город с окружающими его старинными селами и природными угодьями; старинные усадебные или монастырские комплексы; островные уникальные территории (например, Кижи или Соловецкие острова), где природа, архитектура и человек составляют единое целое и т.п. Функцию объединения подобных территорий в настоящее время зачастую выполняют *музеи*. В Челябинской области к таким объектам следовало бы отнести комплекс Господского Дома (или Белый Дом) и отдельных заводских строений XVIII в. в г. Кыштыме, реконструкция которого ведется с

2000 г., объекты гражданского и промышленного значения в горнозаводской территории области (Катав-Ивановск, Касли, Сатка, Куса и др.). Тем не менее вопрос о придании им статуса охраняемых территорий, тем более статуса музеев-заповедников, не ведется, что обедняет культурологическую составляющую туристических маршрутов по Челябинской области. Историко-культурное и природное наследие должно выступать *как фактор социально-культурного и туристского развития отдельных районов.* Оно обеспечивает развитие территории именно на базе использования этого специфического присущего данному региону ресурса.

Структурные перемены четко прослеживаются в туристской сфере. Среди них следует выделить одну тенденцию, – это развитие сектора специализированного программного туризма. Начало этой тенденции ярко проявилось в 1980-е гг., она находит свое выражение в желании потребителя организовать для себя специализированный тур по своей заранее выбранной или составленной программе. Российские территории уже сталкивались с некоторыми видами специализированных туристских программ. В настоящее время специализированные туры могут стать самыми выгодными предложениями на туристском рынке, в том числе и на рынке российских производителей услуг. Привлекательными являются специализированные путешествия, связанные с программами изучения русской культуры, русского языка, знакомства с отдельными мемориальными местами русской истории. Как правило, во всех этих случаях наиболее востребованными являются музейные ценности и мемориалы, связанные с русской историей и культурой, достопримечательные места, легендарные события, особо охраняемые природные территории.

Музеям очень трудно организовать и обеспечить массовый туристский поток. Под силу это только некоторым музеям-заповедникам или отдельным музеям. Однако организация достаточно узкой специализированной туристской программы возможна практически для каждого музея. Она предполагает одновременно достижение нескольких целей:

– формирование постоянного туристского потока в музей. Поначалу это могут быть всего несколько групп в год (например, специалисты российских и зарубежных университетов, лица, интере-

сующиеся конкретной фигурой или конкретным событием русской истории). Однако в силу эксклюзивности оказываемой услуги она может и должна иметь совсем другую стоимость по сравнению с массовым туризмом. Поэтому одновременно специализированный туризм – это и фактор формирования новых источников дохода музея;

– формирование известности музея сначала среди специалистов, а с их помощью и среди более широких слоев потенциальных клиентов. На первых порах это будет, скорее всего, небольшой туристский поток специалистов или лиц, интересующихся русской природой, историей или культурой. Эта практика даст необходимый опыт, она позволит создать дополнительную рекламу музею, позволит подготовиться к возможным более интенсивным туристским акциям.

Для формирования программ специализированного туризма музеям предстоит решить несколько предварительных *задач*:

– определение туристской специализации. Многие регионы неизвестны (и поэтому неинтересны) как российскому, так и особенно зарубежному потребителю; имена известных в нашей истории лиц иногда ничего не говорят зарубежным исследователям. Скорее туристский рынок отреагирует на специализацию на каком-либо явлении (музей хлеба, музей чертей), на всемирно известном феномене или имени (музей Байкала, музей Распутина, Демидовский Господский дом в г. Кыштыме);

– грамотное составление туристской программы и маршрута. Собственно музей и его достопримечательности никогда не привлекут к себе такого внимания, как интересный маршрут с разнообразными объектами.

Решение вопроса о включении музея в туристические маршруты, востребованность его туристической сферой зависят и от качества музея. Легко рассуждать о музейном туризме применительно, скажем, к Лондону или Праге, Риге или Каунасу: красивые, чистые города с компактными по территории историческими центрами, прекрасное сообщение и все прочие прелести европейской жизни. Там гораздо проще организовать поток туристов, обеспечив экскурсантам впечатления, а музеям – прибыль. В нашей стране лидерами в сфере музейного туризма являются две столицы. Можно

еще назвать несколько городов с крупными музейными комплексами, к примеру Владимиро-Суздальский, Ярославский, Новгородский. Здесь дело тоже более или менее поставлено, и уже не первый год туризм является источником постоянной прибыли. Но список таких центров невелик.

Еще одной очень важной задачей является сочетание в рамках музея комплекса функций по организации туризма (прежде всего экскурсионной деятельности и размещения). Предоставление туристу ночлега в конкретном месте увеличивает доходность обслуживания на порядок; это своеобразный специфический туристский закон, и он должен быть применен и в организации музейного туризма. Конечно, легче всего это осуществить музеям-заповедникам, на территории которых возможно строительство гостиниц или приспособление под эти цели старых построек. Однако и в рамках музея возможна реализация такой идеи (устройство части усадебных корпусов, флигелей, приспособление квартир или этажей исторического здания).

Наконец, следует отметить еще одну важную задачу – создание рекламной информации, ее распространение. Самым важным условием является наличие максимальной и четкой информации о предполагаемом туре: географическая карта, транспортная доступность, подробная характеристика всех точек маршрута, мест ночлега, почасовое расписание каждого дня тура, а также четкое указание цены и возможных скидок.

Включение музейных коллективов в туристический бизнес будет способствовать расширению культурного влияния музеев, интенсификации потока посетителей, усовершенствованию внутримузейной структуры, появлению специалистов новых музейных профессий, активному вовлечению музеев в партнерские отношения с различными административными и предпринимательскими структурами и, как следствие, к большей финансовой самостоятельности и независимости музеев.

БЕРЕСТЯНАЯ УТВАРЬ ВОСТОЧНЫХ ХАНТОВ В КОЛЛЕКЦИЯХ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ ИМ. В.М. ФЛОРИНСКОГО ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА*

Е.С. Алексеева**

Исследование материальной культуры любого народа всегда актуально. Традиционная культура малых народов, в том числе и восточных хантов, во многом утрачена в бытовой сфере, и некоторые ее элементы сохранились только в музеях. Изучение берестяной утвари указанной этнической группы помогает лучше узнать народное искусство, так как именно на бересте проявились орнаментальные традиции хантов.

В статье характеризуются предметы хантыйской утвари, хранящиеся в МАЭС. За основу были взяты признаки, разработанные в Музее этнографии и археологии им. Петра Великого, номер коллекции, название предмета, фамилия того, от кого поступил предмет, место сбора, год сбора, состав коллекции[1]. Для определения состава коллекции необходимо классифицировать утварь, выделив в ней определенные категории. Таким образом, встала задача классифицировать берестяную утварь восточных хантов.

В существующей литературе встречаются различные виды описаний и классификации утвари. Подробную картину изготовления и применения берестяных изделий рисует на примере хантов р. Вах Гр. Дмитриев-Садовников (1916)[2]. Береста служила незаме-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-64110 а/Т.

** **Екатерина Сергеевна Алексеева** – студентка 2-го курса кафедры музеологии и экскурсионно-туристической деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета. Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор О.М. Рындина.

[1] *Станюкович Т.В.* Сборник музея антропологии и этнографии. Вып. XXXVIII / Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. Л., 1982. С. 185.

[2] *Дмитриев-Садовников, Г.* Бересто и изделия из него... С. 20.

нимым материалом в изготовлении домашней утвари. Из бересты была выполнена почти вся утварь – детские колыбели, табакерки, ножны. Ханты изготавливали из нее разнообразную посуду – ведерки, ковшики, блюда, тарелки. В берестяной посуде замешивали тесто, иногда носили воду, подавали жидкие блюда. Из бересты делали коробочки – куженьки, туяски, кузовки, лукошки. Они служили для различных целей – в них хранили рыбу, жир, муку, крупу, соль, хлеб, чайную посуду, мелкие швейные принадлежности, с ними ходили за ягодами. Автор хорошо описывает роль бересты в старину, способы её заготовки в разные времена года, способы обработки, необходимые для этой работы инструменты, а также функциональную принадлежность. Вместе с тем работа является описательной, классификация в ней отсутствует.

С.В. Иванов (1963) дает подробную характеристику художественной обработки бересты у хантов, отмечает разнообразие технических приемов орнаментации[1]. Автор выделяет 9 способов художественной обработки бересты: выскабливание (процарапывание), тиснение, ажурная резьба с подкладным фоном, аппликация, мозаика, раскрашивание, профилировка краев, накалывание.

Н.В. Лукина (1985) в книге «Формирование материальной культуры хантов (восточная группа)» дает развернутую характеристику. Согласно классификации автора, утварь делится на 2 вида – сосуды и коробки, исходя из специфики функционального назначения. Внутри каждого из видов с учетом конструктивной характеристики, техники изготовления, материала выделяются типы. Первый тип – плоскодонные сосуды подквадратной формы. Второй тип сосудов представлен кузовками для высокорастущих ягод, также к этому типу относят заплечные кузовки[2]. Представленная Н.В. Лукиной классификация применима к утвари в целом, а не только к берестяной, поэтому специфика последней в ней в полной мере не отражена.

Как видим, ни одна из представленных в литературе классификаций не подходит для определения состава коллекции, включаю-

---

[1] *Иванов С.В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л., 1963. С. 52.

[2] *Лукина Н.В.* Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск, 1985. С. 64.

щей берестяную утварь восточных хантов, так как ни одна из них не позволяет выявить при описании категории утвари. По этой причине потребовалась разработка авторской классификации. За основу была взята функциональность вещи и выявлены следующие категории берестяной утвари: утварь для сбора и переноски, для хранения, для обработки, для приготовления и потребления пищи, измерения, по уходу за детьми, по уходу за животными.

Источником информации о предметах послужили музейные паспорта. Общее их количество составило 47 штук. Паспорта составлены рукописно, что немного затрудняло работу с ними. Кроме того, в паспорте не всегда дан полный объем информации относительно каждого предмета. Например, в некоторых карточках отсутствует информация о сборах: не указаны фамилия дарителя, год и место сбора. Номер коллекции указан не в порядковой последовательности.

С учетом избранных признаков характеристика берестяной утвари восточных хантов, хранящихся в фондах МАЭС ТГУ, предстает в следующем виде.

Если классифицировать предметы по названиям, то в коллекции представлены следующие виды утвари: лукошки (17 ед. хр.), куженьки (8 ед. хр.), табакерки (5 ед. хр.), коробки (4 ед. хр.), кузовки (3 ед. хр.), люльки (2 ед. хр.), туяс (2 ед. хр.). Ведерко, тонток, набирка, сито, кынит и колыбель представлены в единственном экземпляре.

Формирование хантыйской коллекции МАЭС ТГУ началось в XIX в. Самой ранней датой, указанной в паспортах, является 1895 г. Первым поступившим предметом была куженька, привезенная из Сургута. Фамилия собирателя, к сожалению, не указана в паспорте. Затем, в 1898 г. поступили табакерки. Фамилия дарителя и место сбора также не указаны. Последующие поступления пришлись на XX в. (1964, 1969, 1970, 1971, 1972, 1973, 1974, 1989 гг.), точнее на время проведения этнографических экспедиций, которые выступают в качестве основного способа формирования коллекции.

Главный вклад в создание коллекции внесли этнографы, сотрудники Проблемной научной исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета – В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина. Большинство

предметов (34 ед. хр.) были привезены Надеждой Васильевной Лукиной в 1969 г. Поступления от В.М. Кулемзина – 2 предмета (коробка для рукоделия и куженька), В.А. Дремова – одна берестяная коробка. Информация о фамилиях собирателей остальных предметов в паспортах отсутствует.

Местом сбора предметов является территория проживания хантов: Томская и Тюменская области.

Что касается категории утвари, то следует отметить преобладание предметов для сбора и переноски – кузовки, лукошки, туяса, ведерко, набирка (24 ед. хр.), очевидно, эти функции и были основными у берестяной утвари восточных хантов. Кузовки предназначались для сбора низкорастущих ягод – брусники, клюквы и высокорастущих ягод – смородины, черемухи. Лукошки, набирки служили для сбора любых ягод. В ведерках переносили воду, иногда и ягоду. Также большую часть коллекции занимает утварь для хранения различных веществ – табакерки, коробки (9 ед. хр.). Коробки служили для хранения сухих продуктов: муки, сушеной рыбы, мяса, золы. Табакерки – для табачного порошка. Утварь для потребления пищи представлена куженьками (8 ед. хр.). Выявлено 3 предмета по уходу за детьми – люльки и колыбель. В одном экземпляре представлена утварь для обработки продуктов – сито.

Таким образом, хантыйская коллекция МАЭС ТГУ сформировалась в течение 60–70-х гг. XX в., в результате научно-исследовательских экспедиций, проведенных этнографами ТГУ, прежде всего Надеждой Васильевной Лукиной. Экспедиции охватили Томскую и Тюменскую области. В коллекции преобладают предметы для переноски и сбора – кузовки, лукошки и др. В значительном количестве в фондах находятся предметы для хранения – коробки, табакерки. Минимально отражена утварь по уходу за детьми. Основные виды традиционной утвари из бересты у восточных хантов представлены в собраниях МАЭС ТГУ.

ВРЕМЯ, КУЛЬТУРА, МУЗЕЙ, ИЛИ СЕЛЬКУПСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ КАЯ ДОННЕРА

К.Н. Андреева*

В настоящее время люди все больше обращаются к прошлому, чтобы узнать свою историю и понять настоящее. Хранилищем памяти и культуры народа является музей. Свою миссию сохранения и трансляции культуры музей сможет выполнить, лишь располагая представительными фондовыми собраниями.

Сибирь, населенная разными народами, являла и являет собой регион, представляющий особый интерес для пополнения фондов не только отечественных, но и зарубежных музеев. Она привлекала внимание исследователей еще с XVIII в., когда по указу Петра I были отправлены первые научные экспедиции для сбора вещественного материала и сведений об этой части России. Экспедиционное изучение Сибири дало обильный материал о культуре народов, флоре и фауне изучаемого региона. Зачастую это были карты, зарисовки, тетради, дневниковые записи и вещи.

В XIX в. активно предпринимаются экспедиции в Сибирь для изучения аборигенного населения финскими учеными. М.А. Кастрен, У.Т. Сирелиус, К.Ф. Карьялайнен и К.Р. Доннер внесли свой вклад в этнографическое и лингвистическое изучение региона и пополняли фонды финских музеев. «Великими финнами» назвала их А.А. Ким[1], отдав должное заслугам исследователей в деле этнокультурного изучения Западной Сибири.

Самым молодым из этих исследователей был Карл (Кай) Райнгольд Доннер (1888–1935) – финский лингвист, профессор Гельсингфорского (ныне – Хельсинского) университета, исследовавший языки народов Сибири, а также культуру их носителей, в частности, учёный изучал селькупов. В 1911–1913 гг. он предпринял путешествие по территории Приобья для изучения языка селькупов.

---

* **Ксения Николаевна Андреева** – студентка 5-го курса кафедры музеологии и экскурсионно-туристической деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета. Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор О.М. Рындина.

[1] *Ким А.А.* Доннер Карл (Кай) Райнгольд // Земля верхнекетская. Томск, 1997. С. 421.

Работа К. Доннера «Bei den Samojeden in Sibirien» – «У самоедов в Сибири» – представляет собой заметки исследователя о своем путешествии, содержащие этнографическую информацию.

К сожалению, К. Доннер мало известен отечественным исследователям. В Финляндии он знаменит же не только как ученый, лингвист и исследователь, но и как политик, член освободительного движения, развернувшегося в стране и приведшего к обретению ею независимости.

С 1993 г. Алатало Ярмо, кандидат филологии Упсальского университета, работает с материалами К. Доннера, хранящимися в г. Хельсинки[1]. Он пишет, что из первого путешествия 1911–1913 гг. исследователь привез с собой на родину одежду селькупского шамана, погремушку и колотушку для бубна, корзинки и некоторые охотничьи и рыболовные снасти, от тунгусов р. Кеть – мужскую одежду, унты, наплечный пояс с мешочками, заколку для волос[2].

Логично задаться вопросом о способах сбора привезенной из Сибири коллекции. Для ответа на него проанализируем дневниковые записи ученого.

Из них известно, что ученый общался с шаманом Кочиядером на р. Тым и тот отдал К. Доннеру весь комплект своего костюма. Для ученого это была, конечно, редкостная удача. Отданная шаманом одежда больше не годилась для лечения, так как в ней он лечил человека, а тот умер[3]. В другой деревне старый шаман подарил К. Доннеру оловянное изображение духа вымершего племени. Эти дары, без всяких сомнений, были переданы исследователю по доброй воле и в знак уважения к нему.

Вместе с тем дневниковые тексты содержат информацию и другого характера. К. Доннеру как исследователю непременно хотелось сфотографировать шамана, но тот не мог этого позволить, исходя из своих верований. Шаман считал, что это навредит ему, так как фотоаппарат содержал в себе изображения «плохих священников». К. Доннер решил действовать хитростью. Он умолчал о свойствах негатива, сфотографировал шамана и отдал ему фотографию. Таким образом, оба остались довольны. Как видим, уче-

---

[1] *Земля* верхнекетская. Томск, 1997. С. 420.

[2] *Я. Алатало*. Путешествие К. Доннера по Кети в 1912 г. // Земля верхнекетская. Томск, 1997. С. 144.

[3] Ibidem. S. 66.

ный при собирании своей коллекции применял различные уловки. Делал он это ради науки и будущих поколений ученых, но ни в коем случае ни для личной выгоды.

К. Доннер получал в подарок и коллекции. Так, томский ученый В.Я. Нагнибеда передал ему предметы культа и художественного творчества[1]. Этническая принадлежность вещей неясна. В 1913 г. К. Доннер получил медные предметы плоского ажурного литья с р. Ягыл-яг, которые опубликовал в трудах Национального музея Финляндии, находящегося в Хельсинки (предметы опубликованы также В.Я. Нагнибедой, но без описания)[2]. В 1914 г. в распоряжение К. Доннера поступила коллекция с р. Чижапка, также переданная им в фонды Национального музея Финляндии и состоящая из 21 предмета культового литья. Впервые 10 из них опубликовал А.М. Тальгрен в 1928 г. в обзорной статье о российских и азиатских археологических коллекциях Национального музея Финляндии. Через 3 года он опубликовал еще 18 предметов с подробным описанием и приведением обширного круга аналогий[3].

Именно сборы К. Доннера составили селькупскую этнографическую коллекцию Музея культур, находящегося в г. Хельсинки[4], являющегося отделом Национального музея Финляндии.

Национальный музей строился с 1905 по 1910 г. и открылся в 1916 г. в составе пяти отделов[5]. В 1998 г. при нем создан этнографический музей – Музей культур (Kulttuurien museo / Kulturernas museum / Museum of Cultures). В здании Национального музея представлены только народы, издавна живущие на территории Финляндии, – финны, шведы, саамы и цыгане. Задачи Музея культур разнообразны. Постоянная экспозиция рассказывает о культуре народов мира – алеутов, инуитов, жителях Конго и Марокко, коче-

---

[1] *Нагнибеда В.Я.* Нарымский край. Материалы статистико-экономического исследования. Томск, 1927. С. VI.

[2] *Дульзон А.П.* Археологические памятники Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. 5. С. 210.

[3] *Фодор И.* К вопросу о кладах кулайского времени Томско-Нарымского Приобья // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить…». Барнаул, 1995. С. 95.

[4] *Тучкова Н.А.* Селькупская коллекция К.Р. Доннера в Этнографическом музее (Музее культур) Финляндии // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2002. Т. 12. С. 256.

[5] http://active.finland-obnovlenie.ru/to_see/museum/2717.html

вых народах Средней Азии, финноязычных коренных народах России, о путешествиях финнов, о контактах их с другими народами[1].

Селькупская коллекция поступила от К. Доннера в Национальный музей Финляндии в 1923 г. и была оформлена под инвентарным № 4934[2].

Единственная статья, которая характеризует собрание К. Доннера, написана Н.А. Тучковой. Автору удалось побывать в Музее культур г. Хельсинки и поработать с картотекой коллекции. Н.А. Тучкова пишет, что собранные К.Р. Доннером предметы разносторонне характеризуют быт южных, то есть нарымских, остяко-самоедов (селькупов) начала XX в. Большая часть предметов собрана в тымских и кетских селькупских поселках – Напас-эд, Менел-эд (р. Тым); Меташкиных, Ивашкиных (р. Кеть), а также на Оби – Колгуяк (около устья Тыма), Чворголь-эд (юрты Тюхтеревы около Нарыма). Среди них есть предметы женской и мужской одежды (женское платье с поясом из юрты Колгуяк; украшения женской одежды с р. Тым; зимняя шуба из беличьих лапок из юрты Менел-эд; мужская шуба с оторочкой из беличьего меха из юрт Ивашкиных). Также представлены предметы берестяной утвари (8 ед. хр. с р. Тым; 6 ед. хр. с р. Кеть; 2 ед. хр. с р. Обь), охотничьего промысла (чиркан и рама для переноски пушнины из юрты Чворголь-эд; 3 стрелы, лук-самострел и сложный охотничий лук с р. Тым; костяная накладка для стрельбы из лука с р. Кеть), рыболовства (лодка с р. Кеть), орудия рукоделия (прялки и веретёна с Кети; макеты инструментов с р. Тым). Культовый комплекс образуют прежде всего антропоморфные фигурки духов 39 ед. хр., приобретенные в Напасе, Колгуяке и Чворголь-эд, и большой шаманский бубен с р. Тым, а также многочисленные металлические подвески к бубну и стрелы-приклады для лесного духа. В данной коллекции также наличествуют предметы, собранные у северных селькупов на р. Таз. Это прежде всего элементы одежды (малица, обувь, меховые носки), а также предметы, связанные с оленеводством, отсутствующим в культуре южных селькупов (постромки, вожжи, аркан, нарта, оленья шкура)[3].

---

[1] http://magazine.60parallel.org/ru/magazine/2006/21/167

[2] *Тучкова Н.А.* Указ. соч. С. 256.

[3] *Тучкова Н.А.* Селькупская коллекция К.Р. Доннера в Этнографическом музее (Музее культур) Финляндии // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2002. Т. 12. С. 256.

В целом селькупская коллекция К. Доннера составляет 156 единиц хранения и достаточно полно представляет культуру этнолокальных групп селькупов бассейнов рек Тым, Кеть, и Таз. Сотрудники музея отмечают хорошую сохранность предметов, обусловленную как высококачественной выделкой меховых изделий, так и особыми условиями хранения[1].

Лингвистические заметки К. Доннера – собственность Финно-угорского общества, организовавшего его экспедиции, дневники находятся в Национальном архиве Финляндии[2].

Вещи, привезенные К. Доннером из Сибири, составляют первую по числу музейных экспонатов селькупскую коллекцию в Европе и вторую в мире после собраний Томского областного краеведческого музея. Все эти предметы сейчас служат науке, изучению традиционной культуры народов Сибири, знакомству с ней, и неизвестно, что с ними стало бы, если бы Каю Доннеру не удалось их вывезти.

К сожалению, отечественным музеологам и исследователям недоступны его коллекция, фотографии, записки и многие работы, опубликованные на иностранных языках за рубежом. Значение этнографических коллекций, хранящихся в музеях, неизмеримо возрастает в настоящее время, так как традиционная культура уже слабо фиксируется в бытовой сфере. Это положение вдвойне приложимо к селькупской культуре, поскольку уже на рубеже XIX–XX вв. «великие финны», в том числе и Кай Доннер, отмечали высокую степень ее «руссификации», т.е. растворения в условиях активного наступления индустриального общества, связанного с приходом русских.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-64107а/Т.

[1] *Тучкова Н.А.* Указ. соч. С. 257.

[2] *Алатало Я.* Путешествие К. Доннера по Кети в 1912 г. // Земля верхнекетская. Томск, 1997. С. 144.

ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА В ИСТОРИЧЕСКИХ ЭКСПОЗИЦИЯХ МУЗЕЕВ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ*

М.А. Антонов**

В настоящее время далеко не каждый краеведческий музей региона имеет полноценную историческую экспозицию, охватывающую все хронологические периоды истории государства или конкретной территории. Вопрос о том, какой должна быть новая историческая экспозиция, остается дискуссионным[1]. В данной статье рассматривается экспонирование отмены крепостного права в музеях региона. Хронологически работа охватывает период с 40-х гг. XX в. до настоящего времени. Этот вопрос практически не привлекал внимание исследователей. Исключением стала статья заведующего историческим отделом Ростовского музея-заповедника А. Киселева, посвященная развитию исторической экспозиции музея[2]. Основным источником по теме данной публикации являются тематико-экспозиционные планы (далее – ТЭП) музеев области. В настоящий момент они хранятся в нескольких архивах[3].

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 07-01-00394 а/Т.

** **Максим Андреевич Антонов** – студент 5-го курса исторического факультета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент И.Ю. Шустрова.

[1] *Плохотнюк В.С.* История в краеведческом музее: классика или постмодерн? // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. ГИМ. М., 2002; *Кандаурова Т.Н.* К вопросу о проблемах построения исторических экспозиций // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. ГИМ. М., 2002.

[2] *Киселев А.В.* Исторические экспозиции Ростовского музея: опыт прошлого // История и культура Ростовской земли. 2003. Ростов, 2004. С. 93–103.

[3] ТЭПы Ярославского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (далее – ЯИАХМЗ) хранятся в Государственном архиве Ярославской области (далее – ГАЯО) Рыбинского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (далее – РИАХМЗ), в Рыбинском филиале ГАЯО (далее – РФ ГАЯО), Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль» (далее – ГМЗРК) не передает свои доку-

Первые экспозиции, в которых так или иначе присутствовала тема отмены крепостного права, в музеях области появились в начале 1940-х гг. В целом, период с середины 1930-х до начала войны характеризовался отношением к музейной экспозиции как к дополнению учебника истории. Экспозиции носили дидактический характер, они были перегружены вспомогательными материалами и текстами[1]. Первая экспозиция, содержавшая раздел по отмене крепостного права, сведения о которой сохранились, появилась в Ростовском краеведческом музее в 1940 г.[2] В плане дается позальное описание пространства экспозиции. Документ дошел до нас в рукописном виде, в тексте часто встречаются исправления и явные неточности. Раздел, посвященный крестьянской реформе, находился в одном зале и, видимо, в одном комплексе с народничеством и рабочим движением. Среди экспонатов, представляющих реформу, из 25 наименований было 8 картин. Открывала раздел картина «Роды в поле». В экспозиции было представлено несколько диаграмм, в том числе «Сколько земли отрезалось у крестьян». К сожалению, в данной экспозиции практически не было представлено местных материалов. ТЭП не позволял определить точное количество подлинников. Это была бумажная экспозиция, с преобладанием иллюстративного материала. Основную смысловую нагрузку в экспозиции несли вспомогательные материалы, а музейные предметы периодически подкрепляли их.

В послевоенные годы и последующее десятилетие шел активный процесс разработки теории и методологии построения исторических экспозиций[3]. Впрочем, эти тенденции не сразу дошли до провинциальных музеев. Следующая экспозиция с разделом по крестьянской реформе появилась также в Ростове в 1949 г.[4] Здесь также было много изобразительного материала и мало подлинных экспонатов. Большинство предметов составляли 13 текстов и 5 диаграмм. В целом, она была плоскостной, как и предшествующая экспозиция 1940 г. При этом стоит отметить появление большого

менты в филиал ГАЯО, предпочитая хранить их в собственном текущем архиве.

[1] *Музееведение* и охрана памятников: Обзорная информация // Экспозиционная работа в музеях. М., 1982. Вып. 1. С. 5.

[2] *Текущий* архив ГМРЗК. А-262.

[3] *Музееведение* и охрана памятников… С. 5.

[4] *ГМРЗК*. А-259. Л. 25–28.

количества документов, показывавших местные особенности реализации реформы.

В 1951 г. появляется историческая экспозиция Ярославского музея «Наш край с 1861 года до февраля 1917 года», содержавшая раздел «Отмена крепостного права»[1]. Стоит отметить, что в экспозиции были представлены фотокопии уставных грамот. К сожалению, не указаны конкретные имения и критерий отбора, но можно сделать вывод, что им придавалось большое значение при показе реализации крестьянской реформы. Комиссия, проверявшая план, отметила ряд недостатков: «…мало подано в экспозиции экспонатов, макетов, зато какое обилие цитат, фотокопий и т.п.»[2]. Вычеркнутая из документа цитата И.В. Сталина говорит о том, что высказывания вождя являлись столь же необходимой частью музейных экспозиций, как и слова В.И. Ленина. Стоит отметить, что в разделе не было ни одного трехмерного предмета. При этом экспозиция отличалась отличной подборкой фотоматериалов из фондов музея. На тот момент музей не располагал достаточным количеством предметов для построения подобной экспозиции, поэтому была предпринята экспедиция в отдельные районы области для сбора сельскохозяйственных орудий и крестьянской одежды второй половины XIX в.[3].

Столетие реформы привело к всплеску интереса к теме. В 1961 г. появилось методическое письмо, содержавшее указания по показу крестьянской реформы в краеведческих музеях[4]. В письме рекомендовалась следующая структура темы: начало революционной ситуации в России 1859–1861 гг.; революционные демократы и их борьба за реформу; подготовка реформы 1861 г. царским правительством; опубликование манифеста; проведение реформы в крае; крестьянское движение в крае в ответ на реформы. Составитель письма Н.С. Зузыкина давала подробные методические рекомендации по каждому пункту, вплоть до использования экспонатов. Знакомство с документами позволяет сделать вывод о том, что данные

[1] *ГАЯО*. Ф. Р-1400. Оп. 1. Д. 279.

[2] Там же. Л. 40.

[3] *Романычева А.* В краеведческом музее // Северный рабочий. 1952 8 июля. С. 2.

[4] *Показ* «Крестьянской реформы» 1861 года в экспозициях краеведческих музеев: (Методическое письмо). М., 1961. 14 с.

методические указания были практически дословно применены в музеях Ярославской области.

Показательным является ТЭП Ростовского музея 1962 г. «Ростовский край во второй половине XIX и начале XX вв. (пореформенный период развития капитализма и эпоха империализма)»[1]. Автор плана не просто дает список экспонатов с пояснениями, но разбивает их «по монтажам» соответственно экспозиционному пространству. План структурно делился на темы. Отмена крепостного права начиналась с монтажа, посвященного Крымской войне. Не совсем понятна логика экспозиционеров, поместивших крестьянскую вышивку и резьбу по дереву в разделе, посвященном собственно реформе, рядом с документами, касающимися выкупа земли и недоимок. Видимо, это было вызвано отсутствием объемных экспонатов по данной теме и нежеланием делать целый раздел «плоским».

В 1964 г. сотрудники Ярославского музея подготовили новую экспозицию «Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве ярославской деревни во второй половине XIX – начале XX вв.»[2]. Подавляющее большинство документов, представленных там, относилось к дворянскому хозяйству, а основная часть музейных предметов показывала быт крестьянства.

В 1967 г. выходит новое методическое пособие по построению экспозиции по истории СССР, периоду капитализма (1861–1917 гг.)[3]. Можно проследить, как за небольшой отрезок времени изменилось отношение к положению темы отмены крепостного права в общей структуре экспозиции. Теперь такие сюжеты, как Крымская война, кризис крепостничества, должны быть показаны в предшествующем разделе экспозиции. Тема падения крепостного права рассматривалась как заглавная, что повышало требования к ее раскрытию. Основная проблема экспонирования заключалась в том, что экспонатами-источниками в этой теме являются главным образом документальные материалы, печатные и письменные, в меньшей степени изобразительные и лишь в незначительном количестве – вещественные. Необходимо было приложить максимум усилий для привлечения выразительных экспонатов, четко проду-

[1] *ГМРЗК*. А-328. Л. 1–3.

[2] *ГАЯО*. Ф. Р-1400. Оп. 1. Д. 514.

[3] *Каспаринская-Овсянникова С., Огрико З.* Методика построения экспозиции по истории СССР (период капитализма. 1861–1917 гг.). М., 1967.

мать построение комплексов и проявить изобретательность в их построении. Предлагалось сделать экспозицию по возможности лаконичной.

Показательной можно назвать новую историческую экспозиции Ярославского музея 1970 г., автором которой являлся М.Г. Мейерович[1]. Она состояла из 4 основных разделов: реформа 1861 г.; развитие капитализма; промышленность и транспорт; освободительное движение. Отмену крепостного права показывали такие предметы, как крест «осиянный» середины XIX в., знак мирового судьи, знак волостного старшины, знаки сотского и десятского, также ручные и ножные кандалы из мологского тюремного замка.

Сохранились сведения о двух экспозициях Рыбинского музея в 1970-е гг. В плане 1971 г. уже отсутствуют предшествующая реформе Крымская война и подготовка правительственных органов к реформе[2]. В подразделе «Предпосылки реформы» экспонировались орудия наказания крестьян, а также эпистолярные свидетельства недовольства крестьян. В 1974 г. в Рыбинском музее появляется последняя полномасштабная историческая экспозиция[3]. Ее первый раздел посвящен истории рыбинского края в период капитализма 1861 – середины 90-х гг. XIX в. В нем же содержится подраздел, посвященный собственно проведению крестьянской реформы в Рыбинском уезде. Авторы экспозиции, кроме экспонатов из фондов музея, активно использовали документы из ГАЯО, а также дореволюционные статистические источники. Были представлены копии документов из ГИМа[4]. Важной особенностью было то, что она была построена в основном на местном материале. Стоит отметить разнообразие объемных экспонатов, чего нельзя было наблюдать в ранних экспозициях. Не вызывает сомнения, что для ее подготовки была проделана большая исследовательская работа.

В так и не осуществленном ТЭПе Ростовского музея 1975 г. тема падения крепостного права начиналась с комплекса, посвя-

---

[1] *ГАЯО*. Ф. Р-1400. Оп. 1. Д. 551.

[2] *РФ ГАЯО*. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 222.

[3] Там же. Д. 249.

[4] Фотокопия письма В. Трубникова, управляющего имением помещиков Михалковых, о волнениях среди дворовых крестьян Рыбинского уезда с. Петровское. 1861 г.; Копия Геометрического Специального плана на земли рыбинского помещика Михалкова. 1861 г.

щенного Крымской войне[1]. Следующий план 1976 г. был практически его повторением[2]. За исключением того, что в комплексе «Крестьянские ремесла» не показывался бондарный промысел. В работе музея стали проводить линию соответствия деятельности статусу: музей уже не был краеведческим и историко-архитектурным, а был архитектурно-художественным, что не могло не отразиться на исторической экспозиции, ставшей уже не нужной для музея.

Тема отмены крепостного права затрагивалась в той или иной степени и в малых музеях области, расположенных в районных центрах[3]. Зачастую в разработке экспозиций таких музеев принимали участие научные сотрудники головных музеев области. Например, ТЭП Большесельского районного музея составляла заведующая отделом истории досоветского периода Ярославского музея-заповедника Н.Я. Тарасова[4]. В таких случаях экспозиции районных музеев могли напоминать аналогичные экспозиции больших областных музеев. При этом их фонды были значительно беднее.

К сожалению, в дальнейшем отмене крепостного права все меньше уделялось внимания в музейной среде. Отсутствовала методическая рекомендательная литература. В период перестройки начался коренной пересмотр концепции исторических экспозиций. Выходит ряд работ, касающихся новой исторической экспозиции, лишенной идеологического давления, построенной на критериях научности[5]. На тот момент тема крестьянской реформы не являлась основной в дискуссиях музейных сотрудников, так как была лишена политической остроты. Гораздо актуальнее было показывать ранее скрытые от людей периоды истории нашей страны. На практике многие краеведческие музеи временно демонтировали исторические экспозиции, а для построения новых не хватало ресурсов. К тому же в современных исторических экспозициях принято мак-

---

[1] *ГМРЗК*. Оп. 3. Д. 110.

[2] Там же. Д. 134.

[3] *РФ ГАЯО*. Р-429. Оп. 1. Д. 184*; Угличский* филиал *ГАЯО*. Ф. Р-94. Оп. 5. Д. 61; *ГМЗРК*. Д. 381; *ГМЗРК*. А-1323.

[4] *ГАЯО*. Ф. Р-1400. Оп. 1. Д. 604.

[5] *Выставочная* работа музеев исторического профиля в условиях перестройки: Методические рекомендации. М., 1990; *Научно*-методическая работа музеев. Современное состояние. Перспективы развития: Материалы совещания представителей государственных национальных и головных зональных музеев исторического профиля. 19–23 декабря 1994. М., 1995.

симально отображать специфику данной местности. Отмена крепостного права, которая в советское время была представлена практически в каждом музее европейской части России, не могла отражать, и не отражала, своеобразие исторического развития определенной территории.

В Ярославском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике (ЯИАХМЗ) новая экспозиция отдела истории досоветского периода готовилась в 1991 г., ее автором был сотрудник музея Алексеев. В научной концепции отмечено, что основное внимание должно быть уделено предметам, отражающим социально-экономическую историю края; акцент должен быть сделан на орудия сельскохозяйственного и промышленного труда, продукты производства, орудия и предметы торговли, бытовые вещи. Причем приоритет должен был отдаваться предметам, отражающим специфику региона, которая заключалась в широком развитии оброчной системы, раннем появлении и значительном развитии торгового земледелия и распространении крестьянских промыслов[1].

В целом на протяжении всего рассматриваемого периода отмена крепостного права воспринималась не как самостоятельная тема для отдельной экспозиции или выставки, а как один из разделов исторической экспозиции. Тем не менее осознание особой значимости периода Великих реформ, ставших заметной вехой в процессе модернизации России, способствовало превращению данной темы в одну из ключевых, рубежных тем экспозиций отделов дореволюционного прошлого. При этом предметный ряд, отображавший реформу, не отличался разнообразием. Одни и те же экспонаты перекочевывали из экспозиции в экспозицию, что наблюдалось во всех музеях области. Более интересной и разнообразной была подборка документальных свидетельств реформы.

Формирование устойчивого интереса исследователей к истории повседневности, расширение круга источников, в том числе введение в научный оборот уставных грамот по Ярославской губернии[2], позволяют по-новому оценить место крестьянской реформы 1861 г. в пространстве регионального музея. Можно пола-

[1] *ГАЯО*. Ф. Р-1400. Оп. 1. Д. 657.

[2] *Антонов М.А., Шустрова И.Ю.* К вопросу об информационном потенциале уставных грамот (по материалам Ярославской губернии) // XII Золотаревские чтения: Материалы научной конференции, 30 окт. 2008 г. Рыбинск, 2008. С. 203–210.

гать, что к 150-летию реформы музеи региона создадут новые экспозиционные проекты, способные объективно отразить экономические и социальные последствия отмены крепостного права в помещичьей деревне губерний Верхневолжья.

МАРКЕТИНГОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОДВИЖЕНИИ ИНФОРМАЦИИ ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ АЛТАЯ

Ю.С. Артамонова, Е.А. Афанасьева*

Территория Алтая чрезвычайно богата объектами историко-культурного наследия. Здесь сосредоточено множество уникальных археологических памятников и не менее уникальных природных ландшафтов, уже не говоря о музеях и просто местных достопримечательностях. Но, к большому сожалению, даже местные жители мало информированы об историко-культурном наследии края и Республики Алтай, а что уж говорить о жителях европейской части России и иностранцах. Безусловно, эта проблема должна и может решаться посредством маркетинговых технологий, туристского маркетинга.

Туристский маркетинг представляет собой комплекс методов и приемов, ориентированных на проведение исследований рынка, сегментирование, анализ, выбор стратегии и решение поставленных задач. Основная цель туристского маркетинга – выявление возможностей наиболее полного удовлетворения потребностей клиентов с точки зрения психологических и социальных факторов, а также определение способов наиболее рационального с финансовой точки зрения ведения дел туристскими организациями, позволяющих учитывать выявленные или скрытые потребности в туристских услугах, учитывая при этом возможности получения соответствующих прибылей.

---

*__Юлия Сергеевна Артамонова, Екатерина Александровна Афанасьева__ – студенты 4-го курса кафедры археологии, этнографии и музеологии исторического факультета Алтайского государственного университета. Научный руководитель – канд. ист. наук, старший преподаватель Т.Г. Горбунова.

Таким образом, маркетинг в туристской деятельности дает основание фирмам разрабатывать новые, более эффективные виды туристско-экскурсионных услуг, совершенствовать технологию их производства и сбыта с целью получения прибыли[1].

Одним из наиболее эффективных способов продвижения продукта на туристский рынок является реклама. Реклама – это явление, существующее само по себе как способ общения или сообщения, направленного на привлечение внимания, еще с древних времен. Реклама, как и любой другой вид маркетинговых коммуникаций, играет важную роль в реализации стратегии туристской фирмы. Она оказывает социально-культурное и психологическое воздействие на общество. Будучи средством конкурентной борьбы, реклама обостряет ее, способствуя повышению качества туристского обслуживания, позволяет увеличить объемы продаж. Следовательно, целесообразно производить маркетинговые ходы с помощью рекламы как художественно-выразительного средства, способного нарочито ярко показать зрителю рекламируемый объект и тем самым привлечь, заставить совершить покупку. В особенности это характерно для «массовой» туристской рекламы. Кроме того, в рекламе важна цитатность, способная стать символом рекламируемого турпродукта: символом страны, региона и т.д.

Привлечь дополнительный интерес и заострить внимание потенциального покупателя возможно и с помощью слогана – это короткая, но емкая фраза, привлекающая внимание и являющая собой некий девиз фирмы или основную мысль, характеризующую ту или иную услугу.

Преимущество подобных заголовков в том, что даже при отсутствии возможности использовать много места на полосе или красочные фотографии они могут привлечь внимание и выделить рекламное обращение из массы заурядных фраз. Кроме того, заголовки и слоганы читают в пять раз больше, чем основной текст.

В современных условиях конкурентоспособность российского турпродукта на международном туристском рынке определяется эффективностью формирования и функционирования туристских брэндов.

---

[1] *Сарафанов Е.В., Яцук А.В.* Маркетинг в туризме: Учебное пособие. М., 2007. С. 10–11.

В целом же основываясь на основных особенностях туристского маркетинга (управление спросом; высокая степень достоверности информации о турпродукте; защита прав потребителя; особая роль маркетинга в межсезонный период; центральная роль психолого-поведенческих и социальных особенностей потребителя), возможно создать грамотную среду для популяризации памятников историко-культурного наследия и, следовательно, для их продвижения на рынок туристских услуг, что, безусловно, повысит посещаемость региона туристами[1].

Но, как известно, многие (движимые) памятники истории и культуры находятся не на местах их привычного бытования, а в большинстве своем сосредоточены в экспозициях и фондохранилищах музеев. В результате этого встает вопрос о продвижении небольших региональных музеев с их зачастую уникальными экспонатами среди туристов и местных жителей. В таком случае PR-деятельность может и должна стать стратегическим ресурсом для популяризации подобных объектов как одно из средств маркетинговых технологий. PR – по сути информационная технология, технология управления информацией для достижения целей организации и с помощью информации.

Наиболее сложной формой PR-деятельности является организация и проведение PR-кампаний. PR-кампания – несколько PR-мероприятий, объединенных одной целью, охватывающих определенный период времени и распределенных так, чтобы одно мероприятие дополняло другое.

PR-кампании направлены на:

– формирование у аудитории определенного образа музея или галереи;

– формирование благожелательного отношения к музею;

– формирование у других организаций образа надежного партнера;

– формирование у потенциальной аудитории определенного уровня знаний о конкретном предложении (выставке, культурном событии или акции, новых услугах);

– формирование потребности и заинтересованности в музейном предложении – программах, услугах, событиях и т.д.;

---

[1] *Пальчук М.И.* Культура народов Причерноморья. 2003. № 38. С. 37–40 // http://www.tourlib.ru.

– стремление сделать определенную целевую группу постоянной аудиторией и партнером музея[1].

Среди основных PR-мероприятий можно выделить следующие. Промоушн-акция – комплекс мероприятий, имеющих целью воздействие на конечного потребителя, эффективное средство продвижения товаров и услуг. Круглый стол – один из способов обсуждения проблемы, выработки стратегии и тактики деловой политики учреждения культуры. Участниками круглого стола обычно являются руководители или авторитетные специалисты в профессиональной области деятельности.

Еще одно PR-мероприятие – дни открытых дверей. Для их проведения необходимо заранее подготовить детальный сценарий. О Дне открытых дверей общественность должна быть заранее оповещена через СМИ. В помещениях, где будут присутствовать гости, рекомендуется разместить стенды с информацией о работе рекламируемого учреждения культуры, различный иллюстративный материал.

Выставки также могут рассматриваться как PR-мероприятия. Учреждение культуры может либо принять участие в выставках, организуемых каким-либо выставочным комитетом, либо организовать собственную выставку, на которой оно будет представлено в единственном числе.

В январе 2006 г. в Алтайском государственном университете (далее АлтГУ) проходила выставка, приуроченная к 60-летию ректора и заведующего кафедрой археологии, этнографии и музеологии Юрия Федоровича Кирюшина. На выставке были представлены уникальные археологические материалы, отражающие вклад юбиляра в развитие алтайской археологии. Также Музеем археологии и этнографии Алтая проводятся ежегодные выставки в рамках дней науки в АлтГУ.

Еще одной формой PR-мероприятий может служить прием – организуется для совместного проведения времени с гостями. Сочетает отдых и развлечения с деловым общением. Он может проводиться как самостоятельно, так и совместно с деловым мероприятием, например с презентацией.

---

[1] *Абанкина Т.В.* PR некоммерческих организаций: теоретические основы современных PR-технологий и моделей коммуникации // Музей будущего: информационный менеджмент. М., 2001. С. 120–135.

Отдельно отметим презентацию – представление учреждением себя, своего подразделения, какого-либо лица, услуги или продукции широкой общественности. Конференция – также может выполнять PR-функции, представляя собой средство общения, обсуждения и решения проблем в научных, профессиональных и культурных сообществах[1].

Определённый практический опыт в данной области накоплен и вузовскими музеями. Обращаясь к деятельности Музея археологии и этнографии Алтайского государственного университета, можно говорить о следующих формах его участия в конференциях. Сотрудники музея входят в состав оргкомитетов конференций. Они редактируют тезисы, публикуют сборники, являются секретарями секций, разрабатывают эмблемы конференции, в этом им помогают студенты, специализирующиеся по специальности «музеология» и практикующиеся на базе музея АлтГУ. Например, для IV Всероссийской археолого-этнографической конференции «Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций» авторами была разработана эмблема (украшение женской сумочки, в виде сидящего хищника семейства кошачьих с крыльями, памятник Екатериновка-III), которая публиковалась на сборнике тезисов, программе. Также были выпущены наклейки с этим изображением.

Ещё один канал распространения информации – это Интернет. В наши дни музейный сайт стал необходимым аксессуаром для большинства музеев. Разработан сайт, посвящённый Музею археологии и этнографии Алтая, на котором находят отражение все направления его деятельности.

Указанные начинания имеют большое практическое значение для сохранения и популяризации культурного наследия, хранящегося в университетском музее. Проект музейного сайта является одной из форм популяризации культурного наследия. Преимущества этого проекта состоят в том, что на сайте можно ознакомиться с фондовыми материалами, которые в реальности не доступны обычному посетителю. Здесь размещены наиболее яркие фондовые коллекции по археологии Алтая от каменного века до Средневековья. Отдельное направление представляют коллекции из драгоценных металлов. Привлекательные изображения и информация об этих материалах вызывают большой интерес у посетителей сайта. Надо отметить, что сайт даёт возможность ознакомиться и с

[1] *Козлова Т.В.* PR-деятельность учреждения культуры // Справочник руководителя учреждения культуры. 2006. № 12. С. 51–57.

ключевыми компонентами экспозиции. Это немаловажно для людей, которые не могут посетить музей напрямую. Через сайт также осуществляется реклама выставочной и экскурсионной деятельности. Благодаря этому проекту популяризируются коллекции музея среди широких слоев общественности и студенчества, идёт привлечение интереса аудитории к богатейшему историческому прошлому Алтая.

Таким образом, подводя итоги, мы можем с уверенностью сказать, что маркетинговые технологии могут сыграть ключевое значение в популяризации туристского региона, его историко-культурного наследия, в частности и отдельных музеев.

УЧАСТИЕ ВЛАДИМИРСКИХ ФОТОГРАФОВ В «ПОЕЗДКЕ ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ»

О.В. Арсенина*

Развитие фотографии во Владимирской губернии шло параллельно с событиями, происходившими в России. В 1913 г. Россия торжественно отмечала 300-летие царствующего Дома Романовых. Одним из основных юбилейных мероприятий стала поездка Николая II с семьей по стране с посещением старинных русских городов, в том числе Владимира, Суздаля, Переславля и с. Боголюбово.

В подготовке к знаменательному событию участвовали владимирские фотографы. Несколько учебных заведений, мужская гимназия, реальное училище, духовная семинария, земская женская гимназия, частная женская гимназия А. А. Орловой задумали заказать парижской фотографической фирме «С. Случанский и сын» юбилейные фотоальбомы. Первые альбомы начали поступать во Владимир в марте 1913 г. Пресса сразу же откликнулась на их появление. Однако отзыв для фирмы-издателя был далеко не лестным[1].

Что заставило учебные заведения сделать заказ парижской фирме, ведь во Владимире работали очень неплохие фотографы, в част-

* **Ольга Владимировна Арсенина** – ассистент кафедры истории и музеологии Владимирского государственного университета.

[1] *Мозгова Г.Г.* Участие фотографов городов Владимира и Суздаля в освещении «поездки особой важности»(1913) // Материалы областной краеведческой конференции «Город Владимир. Век 20». Владимир, 2000. С. 524.

ности В. В. Иодко, из года в год делавший для ряда учебных заведении огромные выпускные фотографии и выпускные альбомы? Ему предоставлялись различные заказы на видовые фотографии города, которые он с успехом выполнял. Владимирские фотографы готовились к главному событию предстоящих празднеств – посещению императором и его семьей городов Владимирской губернии[1].

С одной стороны, это было очень почетно запечатлеть императора, а с другой – это была бы неплохая реклама самим фотографам. К тому же качество работы определило бы их профессиональную состоятельность.

Разрабатывали по дням и часам маршрут движения; тщательно осматривали дороги и сооружения, методично продумывали места расстановки постовых; заботились об охране пути следования императора и его семьи, выписывали наряды, сохранившие для нас имена владельцев домов, названия улиц и переулков города; составляли списки лиц, которые должны были сопровождать Николая II в поездке. «Беспокоились о том, чтобы В. Т. Георгиевский, допущенный для могущих потребоваться Его Императорскому Величеству исторических объяснений, имел беспрепятственный пропуск во все места Высочайшего пребывания; выявляли политически неблагонадежных лиц, коим воспрещалось жительство во Владимирской губернии – аж до 1 августа 1913 г.» [2].

Деятельность «Особого бюро по выдаче билетов», в обязанности которого входила проверка благонадежности лиц, ходатайствующих о допуске их в места пребывания Их Величеств.. Департамент полиции обращал внимание на то, что билеты могут выдаваться «только лицам известным, политическая благонадежность которых вне всякого сомнения», контролировать же эти билеты по всех местах пребывания Высочайших Особ должны лишь лица, «которым могут быть хорошо известны в лицо предъявители билетов»[3].

Именно этому бюро и было поручено канцелярией владимирского губернатора 1 мая 1913 г. выдавать пропускные билеты корреспондентам, фотографам и представителям кинематографиче-

---

[1] *Фототворчесво* России: История развития и современное состояние фотолюбительства. М., 1992. С. 9.

[2] *Морозов* С.А. Русская художественная фотография. Очерки из истории фотографии 1839–1917 гг. М., 1961. С. 5.

[3] Государственный архив Владимирской области. Ф. 14. Оп. 11. Д. 3073. Л. 20.

ских фирм, как русским, так и иностранным, которые могут прибыть в города Владимирской губернии, намеченные к посещению Его Императорским Величеством. Порядок получения билетов местными фотографами несколько отличался от порядка, установленного для фотографов, проживавших за пределами Владимирской губернии. Местные фотографы сразу обращались во владимирское билетное бюро с прошением на имя губернатора, к которому прилагали 2 фотографические карточки, удостоверенные надлежащей полицией. После наведения справок о благонадежности просителя ему возвращалась одна фотография (вторая оседала в бюро придворной цензуры), к которой прикреплялся за надлежащей печатью соответствующий пропускной билет.

Эти документы за сутки до прибытия в его город императора фотограф был обязан предъявить чинам придворной цензуры, после чего он, наконец, получал окончательное разрешение от МИД. Кстати, к бюро придворной цензуры, прибывшему во Владимирскую губернию накануне торжеств, был, по просьбе МИД, прикомандирован чиновник особых поручений при губернаторе, в том числе «в видах ознакомления сего чина с обязанностями цензирования статей и фотографических снимков, могущих поступить, на цензуру после отбытия цензуры Министерства императорского двора из Владимира, Суздаля, Переславля»[1].

2 мая 1913 г. во владимирское билетное бюро были направлены новые инструкции: проверка благонадежности фотографов, проживавших вне пределов губернии, упрощался контроль за их деятельностью, тем самым оставляя фотографов-любителей без шансов на участие в мероприятии.

Таким образом, допуск этих фотографов, хотя бы специалистов и фотографов-любителей, должен был быть поставлен в исключительную зависимость от дворцовой охраны и полиции. Фотографы-любители попали в особую немилость МИД. 4 мая 1913 г. и.о. начальника канцелярии министерства, гофмейстер князь С. Гагарин в письме владимирскому губернатору специально подчеркнул, что разрешение фотографам-любителям производить снимки признается нежелательным. Этот запрет нашел отражение и в обращении губернатора к владимирцам, расклеенного по городу накануне события в виде объявления. Губернатор сообщал, что населению бу-

[1] *Государственный* архив Владимирской области. Ф. 14. Оп. 11. Д. 2876. Л. 19.

дет предоставлен свободный доступ, видеть своего Государя, и все будут беспрепятственно допущены на улицы по пути Высочайшего следования при условии соблюдения ряда правил, одно из которых гласило: «Никто из находящихся в публике не должен иметь при себе узлов, биноклей и фотографических аппаратов» [1].

Вполне очевидно, что надлежащей постановкой цензуры известий о посещении МИД озаботилось довольно поздно, лишь после того, как, наконец, осознало: в городах, намеченных к Высочайшему посещению, ожидается съезд корреспондентов, фотографов и представителей кинематографических фирм. Похоже, понять это заставили МИД фотографы, которые не желая упускать уникальную возможность, загодя забрасывали его своими прошениями.

ЮЖНОЕ КЛАДБИЩЕ В ТОМСКЕ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Л.А. Воробьева, Т.Ю. Игнатова, А.Ю. Лебедкина, Д.В. Назарчук, А.А. Монгуш, О.В. Муруг, И.В. Сафронова, М.А. Семенова*

Интерес к памятникам природы и культуры, осознание необходимости их сохранения зародились в обществе в давние времена. В списки таких памятников включаются и кладбища, сохраняющие память об умерших и обеспечивающие большую историческую и культурологическую информацию[2]. Проблему выявления и охраны захороне-

---

[1] *Миролюбова* Г.А., *Петрова* Т.А. Русская фотография 1840–1910гг. Л., 1991. С. 3.

* **Любовь Александровна Воробьева, Татьяна Юрьевна Игнатова, Алена Юрьевна Лебедкина, Дарья Владимировна Назарчук, Алена Андреевна Монгуш, Оксана Васильевна Муруг, Ирина Владимировна Сафронова, Марина Александровна Семенова** – студенты 4-го курса кафедры музеологии и экскурсионно-туристической деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета. Научный руководитель – д-р. ист. наук, профессор Н.М. Дмитриенко.

[2] См.: *Кобак А., Пирютко Ю., Чудиновска Т.* Как спасти наш некрополь? // Наше наследие. 1990. № 2(14). С. 124; *Артамонов М.Д.* Москов-

ний видных деятелей науки и культуры Томска, участников Гражданской и Великой Отечественной войн впервые подняли члены Томского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории культуры[1], изданы списки умерших и похороненных на старых, ныне не существующих томских кладбищах[2]. Однако до сих пор не изучено и не описано Южное кладбище в Томске, которое хранит богатейшую информацию, имеет множество интересных памятников. Восполнить этот пробел решили студенты группы 1655 института искусств и культуры ТГУ, обучающиеся по специальности «музеология» и работающие в спецсеминаре профессора Н.М. Дмитриенко.

Южное кладбище было организовано по постановлению Томского горисполкома от 7 июля 1939 г[3]. Кладбище располагается близ железнодорожной станции Томск-I, поэтому в народе его называли Вокзальным либо Новым кладбищем за линией, а порой по проходившему рядом тракту – Коларовским[4]. В годы Великой Отечественной войны на Южном кладбище было похоронено около 939 солдат и командиров Красной армии, которые скончались в томских военных госпиталях от тяжелых фронтовых ран. На кладбище находится братская могила, где были похоронены 20 курсантов Томского артиллерийского училища, погибших в 1942 г. при случайном взрыве гранаты. В 1960 г. недалеко от центрального входа на холме-пъедестале была установлена скульптура солдата, склонившего голову в знак скорби о погибших воинах[5]. В 1966 г.

ский некрополь. М., 1995; *Шокарев С.Ю.* Некрополь как исторический источник // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000.

[1] *Соловьева В.А.* Южное кладбище // Наш город родной: Исторические и памятные места Томска. Новосибирск, 1982; *Она же*. Роль общественности в охране историко-культурного наследия // Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всероссийской научной конференции. Томск, 2001. Т. 4; *Васицкая М.П.* Проблемы выявления, изучения и сохранения историко-культурного наследия по Томской области // Там же.

[2] *Католический* некрополь города Томска (1841–1919 гг.) / Отв. ред. В.А. Ханевич. Томск, 2001; *Томский* некрополь. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах. 1827–1939 / Отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2001.

[3] *ГАТО*. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 723. Л. 75.

[4] *Соловьева В*. Южное кладбище // Томская старина. 1992. № 3(5). С. 11.

[5] *Соловьева В.А.* Южное кладбище // Наш город родной. Исторические и памятные места Томска. Новосибирск, 1982. С. 102.

Южное кладбище решением Томского горисполкома было объявлено особо охраняемой мемориальной зоной, к 30-летию Победы рядом со скульптурой было сформировано 300 захоронений, на них были установлены типовые стелы с именами и воинскими званиями погребенных.

К сожалению, имена многих других погребенных на Южном кладбище остаются забытыми, могилы неухоженными. Отсутствует общий план, что усложняет поиск какого-либо захоронения. Опираясь на опыт дореволюционных исследователей, которые составляли некрополи, обходя старые кладбища, мы решили восстановить списки умерших и составить план захоронений на Южном кладбище.

Работа проводилась в октябре–ноябре 2008 г., поскольку осень – единственный возможный период для исследования: высокая трава и листва деревьев уже опали и не заслоняли памятники, возможность укусов клещей практически отсутствовала. Работу осложняло то, что после официального закрытия в 1962 г., охраняется лишь мемориальная часть кладбища, многие могилы находятся в запущенном состоянии, за ними не ведется ухода, многие памятники либо разрушены, либо сильно обветшали. Некоторые могилы осели и из-за хаотичности захоронений существовала опасность провалиться в них. Учитывая достаточно большую площадь кладбища и нехватку времени, мы решили обследовать лишь часть захоронений, расположенных слева от центральной аллеи. Обследуемый участок равнялся примерно 800–900 м в длину и 40 м в ширину.

Наша группа в 8 человек разделилась на 4 бригады, по 2 человека в каждой. Если первые работы по фиксации надгробных надписей в XIX в. проводились путем плотного приложения бумаги к табличкам и натирания графитом, то мы использовали фотоаппараты, в каждой бригаде одна студентка фотографировала в общем плане каждое захоронение и отдельно данные об усопшем. Работа по фотофиксации была затруднена отсутствием четкой планировки, нередко памятники заслонялись деревьями и другими могилами. Сказывалась краткость светового дня, и не выдерживала низкой температуры аппаратура, фотоаппараты отключались и отказывались работать. Второй член бригады записывал для подстраховки имена погребенных и составлял план расположения могил.

За два месяца была исследована практически полностью левая часть Южного кладбища, за исключением двух небольших участ-

ков, зафиксировано 338 захоронений, на которых памятники стоят, но надписи не сохранились. Собранные сведения позволяют говорить, что Южное кладбище является интернациональным, на нем можно встретить католические, православные, старообрядческие, иудейские памятники. Православные памятники устанавливаются в ногах покойного, и чаще всего это восьмиконечный крест, но встречаются и шестиконечные. Католические – это четырехконечные кресты, которые зачастую ставились над головой покойного.

Всего зафиксировано 485 захоронений, на которых стоят кресты.

Особый тип составляют памятники с советской символикой: пятиконечные звезды, металлические пики. Их всего 78. Встречались памятники неопределенной формы: металлические каркасы, напоминающие ракету. Также в большом количестве зафиксированы памятники пирамидальной формы, либо скошенные четырехугольники, с религиозной символикой. Попадались памятники, на которых изображено перевернутое сердце со звездой. Обнаружен памятник, на котором изображены и звезда, и крест.

Стоит отметить, что на Южном кладбище встречаются памятники, которые были перенесены со старых разрушенных кладбищ; старые записи были уничтожены и нанесены новые.

Надмогильные памятники изготовляли из дерева, металла, мрамора, гранита, а также их различных сочетаний. Часть надгробий и вовсе сооружена из подсобных материалов: сколоченных наспех бревен, смотанных металлических каркасов в форме креста, деревянных кольев с приколоченными табличками.

На кладбище есть памятники и необычной формы. Так, памятником на могиле Я.С. Борисова служит обрубок дерева, с уходящими в землю корнями, излюбленный в XIX в. символ рано оборванной жизни. На могиле академика Н.В. Вершинина установлен его бюст на высоком постаменте. Памятник на могиле Т.Г. Младенцева представляет античную колонну. Захоронение А.В. Шишкова отмечено стелой с его портретом.

В большинстве случаев на табличках крестов и памятников указаны фамилия, имя, отчество покойного, иногда только инициалы, и даты жизни, хотя встречаются и отметки о месяце, дне и даже часе ухода из жизни. В редких случаях на памятниках присутствуют особые тексты, которые можно отнести к эпитафиям. Например: «Спи спокойно, наш дорогой, любимый муж, отец, деда, дядя. Мы

тебя никогда не забудем», «Вечная память верному сыну. Родители», «Мы в вечном долгу перед тобой, папа. Дети», «Спи, дорогой сынок. Папа и мама», «Спи спокойно, моя деточка. Мама с папой. Мы тебя никогда не забудем». На некоторых памятниках присутствуют надписи на иврите и немецком языках.

На Южном кладбище покоится прах многих рядовых граждан Томска, которые жили и работали в городе в первой половине – середине XX в. В то же время здесь погребены такие видные томичи, как лауреаты Сталинской премии профессора Н.В. Вершинин и Б.И. Баяндуров; академик, заслуженный деятель науки РСФСР В.Д. Кузнецов; заслуженный работник культуры РСФСР В.Н. Наумова-Широких, заслуженный артист РСФСР А.М. Затонский, художники В.М. Мизеров и С.И. Голубин и др.

Все сказанное позволяет утверждать, что Южное кладбище представляет один из значительных объектов томского наследия XX в. и требует охраны и заботы.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫСТАВКИ КАК СПОСОБ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЯ

Е.Е. Горохова, И.Ю. Гребенников, Т.С. Паршикова*

Сегодня культура как составляющая часть бюджетной сферы государства не имеет полноценного бюджетного финансирования. Однако специалисты отмечают, что экономический рост в России возможен, в том числе и благодаря развитию культурного туризма в стране. Данная сфера деятельности играет одну из главных ролей в экономике многих

* **Татьяна Сергеевна Паршикова, Екатерина Евгеньевна Горохова** – студенты 4-го курса кафедры археологии, этнографии и музеологии исторического факультета Алтайского государственного университета. Научный руководитель – канд. ист. наук, старший преподаватель Т.Г. Горбунова.

Иван Юрьевич Гребенников – студент 4-го курса кафедры археологии, этнографии и музеологии исторического факультета Алтайского государственного университета. Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор А.А. Тишкин.

стран, обеспечивая немалую часть валового национального продукта. Кроме того, туризм способствует занятости населения, воздействует на социальную и культурную среду, экологию и т.д.[1]

Изменения, произошедшие в туристской среде, четко связаны с одной тенденцией, имеющей отношение к дальнейшему направлению развития в данной сфере, − это развитие сектора специализированного туризма. В настоящее время подобного рода туры могут стать самыми выгодными предложениями на туристическом рынке, в том числе и на российском рынке. Привлекательными являются путешествия по заданной программе, связанные с программами изучения русской культуры, знакомства с отдельными мемориальными историческими местами, памятниками древности и Средневековья, характерными для конкретного региона[2].

Если обратиться к современному мировому опыту использования такого рода объектов, то необходимо отметить, что во всех странах памятники истории и культуры сохраняются и активно используются современным обществом. На этой основе создана эффективная единая система: памятники историко-культурного наследия − музеи − познавательный туризм – музейно-туристический сервис и музейно-туристический бизнес[3]. Как правило, наиболее востребованными во всех случаях являются музейные ценности и раритеты, а также культурные ценности, к которым в том числе относятся и памятники археологии, включая окружающую их обстановку[4].

Распространение знаний и культурной информации, обеспечение доступа к памятникам пытаются реализовывать различными средст-

---

[1] *Иванова О.В.* Внутренний туризм как источник финансовых доходов музея. Опыт организации хозрасчетной структуры внутри бюджетного учреждения // Справочник руководителя учреждения культуры. 2003. № 12. С. 41.

[2] *Шульгин П.М.* Основные тенденции взаимодействия туризма и музейного развития (рекомендации к конкурсу «Музей и туризм») // http://www.arm-museum.ru/russ/oficial/basic_programs/konkurs_r4.htm

[3] *Мартынов А.И.* Современные проблемы использования историко-культурного наследия // Проблемы сохранения и музеефикации памятников историко-культурного наследия в природной среде. Кемерово, 2001. С. 10.

[4] *Конвенции* и рекомендации ЮНЕСКО по вопросам охраны культурного наследия. М., 1990. С. 67.

вами. С этой точки зрения в настоящее время музей становится культурной индустрией, устанавливающей партнерские отношения с туристическим бизнесом. В этом случае музейная сфера и туристическая деятельность сталкиваются с одной общей задачей − максимально включить значительный музейный потенциал в туристский оборот. Активное развитие культурного туризма на региональном уровне диктует определенные условия, необходимые музеям для активного включения в туристические потоки, а именно создание более мобильных форм презентации материала с учетом широкой аудитории. В настоящее время данный принцип является одной из форм пространственного развития музея − ревитализацией − создание экспозиций в ранее не использовавшихся пространствах[1].

Такие задачи вполне реализуемы с помощью выставок, которые являются уникальным ресурсом для развития культурно-просветительского туризма. Под выставкой понимается собрание тех или иных предметов материальной культуры, произведений искусства, расположенных где-либо для обозрения, а также место такого обозрения. Для сферы туризма актуальны два рода подобных мероприятий: выставка как художественное явление, где для публичного показа выставляются художественные произведения, и выставка как коммерческое мероприятие, связанное с демонстрацией нового туристического продукта.

Не всегда удается создать оптимальные условия для экспонирования подлинных предметов. Это обусловлено необходимостью создания особого режима их сохранности – прежде всего, в музейном помещении необходимо соблюдать температурно-влажностный режим, соблюдать условия противопожарной безопасности, охраны и т.д. В тех случаях, когда данные требования невозможно соблюдать на должном уровне, рекомендуется использование научно-вспомогательных материалов. В качестве примера мы приведем разработанный нами выставочный комплекс с экспериментальной площадкой возле него с образным названием – «Сокровища долины Большого Яломана». Долина р. Большой Яломан представляет собой уникальный своеобразный «музей под открытым небом», объединяющий раскопанные и исследованные объекты древних и средневековых культур. Все памятники восстановлены максимально близко

[1] *Прянишников Н.* Стратегия пространственного развития музея // Музей. 2008. № 6. С. 70.

к их первоначальному виду, являя, таким образом, неповторимые объекты экскурсионного показа. Все обнаруженные находки переданы в музей, поэтому для информирования и организации туристов в этом месте планируется создать мобильную летнюю выставку в традиционном жилище кочевников – юрте. Поскольку в рамках данного объекта экспонирование подлинных археологических предметов невозможно, то идея нашего проекта заключается в организации внутреннего пространства жилища как выставочной зоны, где будет представлен научно-вспомогательный материал археологической тематики (фотографии, реконструкции, модели, муляжи и т.д.) в популярной форме, доступной для широкой аудитории.

Внутри юрты будут развешаны материалы в виде ламинированных цветных постеров (баннеры). Каждый из экспонатов будет отражать наиболее яркие страницы истории древнейшего прошлого Алтая и формировать у посетителя полный спектр эмоциональных ощущений. Экспонируемый материал базируется на научных исследованиях, музейных коллекциях и архивных источниках. На базе данной экспозиции планируется проводить экскурсии на различные темы, после чего туристам предлагается поучаствовать в программе экспериментальной площадки, на территории которой можно будет почувствовать себя древним жителем Алтая.

Предлагаемая форма популяризации научных знаний востребована в туристической среде, и интерес к древнейшему культурно-историческому наследию может быть удовлетворен благодаря новейшим археологическим находкам и открытиям. Разрабатывается программа туристических мероприятий: после экскурсии и занятий на экспериментальной площадке туристам выдается карта-путеводитель «Сокровища Яломана» складного типа с изображениями реальных археологических памятников данной местности и местами их расположения на маршруте. Путешествие с картой может проходить как самостоятельно, так и в сопровождении экскурсовода. Его цель – знакомство туристов с подлинными объектами культурно-исторического наследия. Создание подобного выставочного комплекса и программы мероприятий способствует популяризации достижений современной археологической науки с помощью метода «самостоятельного научного открытия».

Существуют различные модели формирования подобных туристических проектов:

1. Модель комплекса традиционного хозяйствования, формирующаяся на основе выявления и возрождения исторических технологий и традиционных форм использования объектов культурного наследия (промыслы, производства, ремесла и т.д.).

2. Модель историко-культурного заповедника, создающаяся на основе достопримечательного места, представляющая собой выдающийся целостный историко-архитектурный или природный комплекс.

3. Модель научно-образовательного комплекса, которая создается в виде научного полигона, привлекательного для различных научных сообществ.

4. Модель туристического комплекса, применимая к проекту разработанного нами выставочного комплекса «Сокровища долины Большого Яломана». Она создается в виде совокупности взаимосвязанных туристско-экскурсионных объектов. В нашем случае объекты культурного наследия (курганы от раннескифского до тюркского времени, тюркские оградки с балбалами и изваяниями, крепость, петроглифы и т.д.), неразрывно связаны со своеобразной этнокультурной средой и уникальным природным окружением.

На территории планируется создать атмосферу адекватного соотношения «цена/качество» внутренних туристических услуг и мини-инфраструктуру, а именно, на данной территории созданы условия для отдыха и проживания туристов (песчаный пляж, домики для проживания, баня, места для размещения палаточных кемпингов, соблюдены санитарные нормы проживания).

Кроме того, в программы туристических маршрутов активно включаются посещения музейных выставок, являющихся одним из способов демонстрации объектов культурного наследия далеко за пределами самого музея (в выставочном зале или галерее города, в вузе, в культурно-развлекательном центре). Примером такого рода мероприятия может служить разработанный авторами проект выставки «Аргамаки кочевников Алтая», посвященной лошадям, разводимым кочевым населением Алтая с эпохи раннего железа до монгольского времени. Ее цель – продемонстрировать с помощью имеющихся материалов и научных разработок использование лошади человеком в обозначенный период.

Выставка построена по тематическому принципу. Экспозиция направлена на раскрытие определенной темы не только с помощью подлинных музейных предметов, но и различных воспроизведений, реплик, научно-вспомогательных материалов, аудиовизуальных средств и т.д.[1]

Организация передвижной выставки сопряжена с определенными сложностями: с одной стороны, в процессе проектирования и разработки выставочного оборудования необходимо обеспечить безопасность и сохранность музейных предметов; а с другой − максимально учесть требование легкости монтажа и демонтажа оборудования, упаковки и транспортировки музейных предметов[2]. Находки, которые предполагается разместить в экспозиции, находятся в хорошем состоянии, что позволит их транспортировать. Оборудование, представленное постерами, горизонтальными стендами (упрощенной конструкции), проектором и экраном, легко собирается и разбирается.

Для более четкого представления охарактеризуем тематическую структуру этого проекта. Экспозиция должна состоять из двух разделов. Первый – информационно-экспозиционный комплекс (далее ИЭК), посвященный лошади как биологическому виду и истории ее приручения, а также содержательно предваряющий осмотр экспозиционных материалов. Этот комплекс презентационного характера действует по принципу аудиогида, т.е. на экран выводится изображение с сопровождением аудиозаписи. Цель ИЭК – сделать восприятие экспозиции посетителями более адресным, интегрировать культурный и научный потенциал выставки с потребностями современного общества, а также подготовить аудиторию, дать базовое представление по теме, которой посвящена выставка.

Второй раздел – собственно экспозиция, будет повествовать о снаряжении лошадей Алтая различных периодов (от эпохи раннего железа до развитого Средневековья). Предметы конского снаряжения (экспонаты-подлинники) происходят из фондов Музея архео-

---

[1] *Закс А.Б.* Экспозиция тематическая // Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 357–358; *Шляхтина Л.М.* Основы музейного дела: теория и практика. М., 2005. С. 114–115.

[2] *Мазный Н.В., Поляков Т.П., Шулепова Э.А.* Музейная выставка: история, проблемы, перспективы. М., 1997. С. 106.

логии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета и представлены удилами, деталями седла, декоративными украшениями. Научно-вспомогательный материал представлен постерами и фотографиями. На постерах будут представлены наиболее известные археологические находки и реконструкции внешнего вида лошади по отдельным периодам. Фотографии призваны продемонстрировать процесс изучения лошадей непосредственно в ходе археологических раскопок.

Выставка «Аргамаки кочевников Алтая» рассчитана на различных посетителей – от школьников до взрослой аудитории. Благодаря тому, что вся информация максимально популяризирована и представлена в доступной форме, она будет интересна как специалистам (археологам, этнографам, краеведам, археозоологам и т.д.), так и просто любителям истории. Главный акцент будет сделан на демонстрации подлинных музейных предметов, которые предполагается расположить в горизонтальных стендах. ИЭК представляет информацию (визуальную и аудиальную), которая служит лишь подготовкой для осмотра оригинальных экспонатов.

Сотрудничество музеев с туристической сферой является наиболее обещающим и перспективным направлением в ближайшем времени. Этот подход также очень важен в связи с расширением хозяйственных форм музейной деятельности, возможным обеспечением экономической самостоятельности музеев. С этой точки зрения выставки способствуют продвижению музейного продукта на туристический рынок и являются одной из наиболее удачных форм вовлечения музеев в сферу культурного туризма за пределами его стен. Кроме того, выставка, как самостоятельный продукт, содержит в себе потенциал преобразования в самостоятельный музей по специализированной тематике, что, несомненно, будет способствовать созданию позитивного имиджа конкретной местности, а в будущем сможет стать «брендом» региона.

РЕСТАВРАЦИЯ ПАЛАТЫ ДВОРЦА УГЛИЧСКИХ УДЕЛЬНЫХ КНЯЗЕЙ В 80–90-е гг. XIX в.

С.В. Ерохина*

В г. Угличе Ярославской области сохранился архитектурный памятник удельного периода русской истории – Палата Дворца удельных князей, – известный также под названием Дворца св. царевича Дмитрия. В настоящее время это здание является одним из древнейших памятников гражданского зодчества в России, датируется оно XV в. (1482 г.). Помимо своей большой археологической ценности, Дворец привлекает к себе внимание крупными историческими событиями, свидетелем которых он был. Со смертью царевича Дмитрия в 1591 г., сопровождавшейся окончательным обращением Угличского удела в непосредственное подчинение власти московских царей, навсегда закончилось использование этого здания в качестве дворца[1].

Первая попытка вернуть Палате благоустроенный вид была сделана в начале XIX в. Инициатива исходила из среды местного населения. В 1802 г. один из состоятельных угличан, купец А.В. Кожевников, с разрешения ярославского гражданского губернатора князя М.Н. Голицына предпринял и выполнил на свои средства работы по ремонту Дворца. Были произведены поправка поврежденных частей стен и кровли, «устроены» полы, потолки, лестницы, пристроено к северному фасаду односкатное крыльцо, украшены покои, вокруг дворца сделана ограда. К сожалению, ни при проектировании этих работ, ни при их выполнении не проявилось достаточного внимания к археологической ценности Дворца. Не были исследованы и сохранены или хотя бы описаны имевшиеся остатки княжеского двора; не были выяснены по имевшимся признакам и вопросы о прежней отделке самого здания. Были уничто-

* **Софья Викторовна Ерохина** – научный сотрудник Угличского историко-художественного музея, соискатель кафедры музеологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Научный руководитель –канд. ист. наук, доцент Ю.Г. Салова.

[1] *Мухин К.* Музей древностей во Дворце Св. Царевича Дмитрия. Отчёт. Углич, 1915. С. 8.

жены многих элементы украшений Палаты. Произведенные работы, потребовавшие значительных расходов, обеспечили бы довольно долгое существование и благоустроенное состояние Дворца при условии правильного присмотра за ним и своевременного ремонта. Но это условие не было выполнено. Палата была приписана к церкви св. царевича Дмитрия «на крови», бесприходному храму, наделённому от казны небольшой по размерам ругой, и в позднейшее время от города – скромной ежегодной субсидией[1]. Вследствие этого уже к середине XIX в. Дворец опять пришёл в состояние, близкое к разрушению. Снова возник вопрос о капитальных работах по поддержанию Дворца. Причём опыт прошлого указывал на необходимость проведения работы с соблюдением научных приёмов и правил реставрации остатков старины, ценных в археологическом и историческом отношении и обеспечения его последующего правильного содержания (эксплуатацию) и ремонта.

В 80-е гг. XIX в. в связи с приближающимся 300-летием со дня гибели царевича Дмитрия и намерением создать Музей древностей губернскими властями было принято решение о реставрации Дворца. Любителями местной старины «была заявлена готовность материально содействовать» реставрации[2]. Такие заявления давали основание полагать, что нужные средства могут быть собраны путём «добровольной подписки среди местного населения». Для местных распоряжений по производству работ и расходов была образована (под председательством губернатора А.Я. Фриде) «особая Реставрационная Комиссия»[3], в состав которой вошли: Амфилохий, епископ Угличский, два специалиста по архитектуре – губернский инженер А.М. Достоевский и губернский архитектор И.П. Маас, два представителя Императорского Московского Археологического общества, И.А. Шляков и А.А. Титов, и два представителя из угличан: уездный предводитель дворянства Я.С. Колмогоров и городской голова М.А. Жаренов.

---

[1] *Ушаков А.Н.* Церковь Св. Царевича Дмитрия «на крови». Ярославль, 1891. С. 25.

[2] *Евреинов К.Н*. Прошлое Углича. Исторический очерк. Сергиев Посад, 1898. С. 31.

[3] *Угличский* музей. Отдел рукописей. Рукопись А.К. Гусева-Муравьевского. Дворец Удельных князей Угличских: (Исторический очерк). Ч. 1. С. 16, или Л. 8 об.

Составление проекта реставрационных работ принял на себя, по предложению Императорской Археологической Комиссии, состоявший в должности гражданского инженера, профессор Н.В. Султанов, известный искусствовед, который приобрел известность в качестве знатока древнерусского зодчества; он также вошел в состав Реставрационной Комиссии. Из акта осмотра Дворца 1889 г.[1] перед реставрацией следовало, что раскопки, произведённые около стен здания, показали, что земля наросла около него по крайней мере на 1 аршин 12 вершков (1 м 26 см), скрыв подвальные окна. Траншея, вырытая вокруг дворцовой ограды, показала, что к Дворцу не примыкали никакие каменные здания, потому что никаких фундаментов найдено при этом не было. Следовательно, если к этому объекту и примыкали другие постройки, то они были деревянными. Эта же траншея позволила сделать вывод, что вся местность, прилегающая к Дворцу, представляет собой насыпной слой, ибо уровень материка в траншее, видоизменялся от 1 до 3 аршин (от 71 см до 2 м 12 см). Н.В. Султанов, на основании добытых таким путём сведений, а также соответственных указаний на старинных изображениях дворца, рукописных и печатных материалах и т.п., выработал проект реставрации Дворца. Этот проект, в обсуждении всех частей которого принимала участие Реставрационная Комиссия, был внесён на рассмотрение Технико-строительного Комитета Министерства внутренних дел, а также рассматривался в Императорской Археологической Комиссии.

Н.В. Султанову удалось установить, что подвальный этаж, образующий два отдельных помещения, был сводчатым. Он освещался окнами, которые впоследствии были заложены или скрыты землёй. Подвал был завален строительным мусором, кирпичом. В северо-западном углу была обнаружена своеобразная ниша, что позволило вспомнить предание о подземном ходе, идущем в сторону Волги. Сводчатое покрытие первого этажа при ремонте 1802 г. было заменено лёгким деревянным потолком. По явным следам копоти и по расположению наружных дымоходов Н.В. Султанов заключил, что на первом этаже были печи, которые, к сожалению, не сохранились. Все окна первого этажа были заложены кирпичом. Верхний или второй этаж представлял одну большую комнату; по

[1] *Потапов А.А.* Очерк древней гражданской русской архитектуры // Труды Императорского Московского Археологического Общества. М.: Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1901. Т. 19., вып. 1. С. 28–29.

мнению Н.В. Султанова, в ней первоначально были перегородки, так как «окна расположены на разных горизонтах».

Парадный зал представлял собой обширное в 13–14 аршин (80 кв. м) бесстолпное пространство (ни современным, ни первым исследователям не удалось доказать наличие в угличской Палате центрального столба). Верхний этаж был покрыт деревянным потолком с «горизонтальной продольной срединой и двумя боковыми скатами»; окна «все открыты и изнутри имели позднейшие стеклянные рамы, а снаружи заколочены древними слюдяными оконницами». К.Н. Евреинов, будущий основатель и первый хранитель Угличского музея древностей, сообщал о плачевном состоянии этих уникальных оконниц XV в.: «Слюдяные оконницы во Дворце были поломаны, сохранились только немногие…»[1]. Стены были покрыты штукатуркой в начале XIX в. при ремонте А.В. Кожевникова и тогда же «новой живописью клеевыми красками»[2]. Заметим, что Н.В. Султанов отзывается о стенописи, как «о весьма уродливой». Известно, что в середине XIX в. фрески поновлял московский художник Ф.Ф. Федоровский. Завершался анализ сохранившегося интерьера осмотром чердачного помещения. Чердак завершался восьмискатной крышей, под которой проживала «весьма многочисленная колония голубей». Несмотря на разрушенную кладку стен, чердак оставался совсем тёмным, что очень затрудняло исследование.

Снаружи Дворец был покрыт трещинами, образование которых, по-видимому, желали предотвратить (хотя и совершенно безуспешно), на взгляд Н.В. Султанова, переложенными кирпичом окнами и дверями. Терракотовые плиты и балясины, покрытые первоначально слоем белого ангоба, имитировали белокаменные резные пояса раннемосковских храмов. Кладка местами очень сильно осыпалась. Западная стена здания имела особенно значительные повреждения. К северному фасаду пристроили «новое каменное, очень некрасивое крыльцо», которое вело на второй этаж. Снаружи Дворец обнесли очень тесной позднейшей каменной оградой.

---

[1] Из корреспонденции К.Н. Евреинова – первого хранителя Угличского музея древностей. Переложения и выписки из статей и заметок, опубликованных в различных газетах. (Машинопись). / Авт.-сост. Е.А. Лапина. Углич, б.г. С. 5.

[2] *Рукопись* А.К. Гусева-Муравьевского… Ч. 2. С. 11, или Л. 5.

На основании тех данных, которые Н.В. Султанов получил при осмотре Палаты, он предложил произвести во Дворце следующие работы: 1) сломать новую каменную ограду; 2) снять всю наносную землю, вплоть до первоначального уровня; 3) подвести новый фундамент, т.к. очевидное разрушение старого вызвало появление вертикальных трещин; 4) нарастить кирпичом на цементе все трещины; 5) открыть переложенные окна и двери; 6) подделать отвалившиеся части кладки; 7) поставить на прежнее место слюдяные оконницы; 8) сломать новое «уродливое» крыльцо и заменить его другим, более подходящим по форме и стилю; 9) исправить крышу и закрыть чердак от голубей; 10) вывести вновь обвалившиеся части сводов подвального этажа; 11) стянуть западную и восточную стены железными связями; 12) восстановить лестницу в подвал; 13) произвести самые полные изыскания остатков древней живописи, а сделанную при последнем поновлении штукатурку сбить в тех местах, где скрыты начала перегородок; 14) новый потолок уничтожить и заменить его более подходящим покрытием; 15) если найдутся средства на содержание Дворца, поставить на старом месте на нижнем этаже духовую печь, а верхний – занять под музей местных древностей[1].

При реставрации 1889–1892 гг. по образцам ярославских церквей была сделана медная кровля с ажурными гребнями и подзорами. В месте пересечения на шпиле укрепили вырезанного из дуба двуглавого орла, вызолоченного сусальным золотом. С точки зрения научной реставрации Комиссии следовало бы оставить на кровле Дворца «древний, отлитый из чугуна двуглавый орёл прекрасной сохранности, который был утверждён на высоком шпице и имел весьма величественный вид»[2]. Следовательно, этот герб являлся историческим памятником и не должен был заменяться новым, хотя и сделанным по старым образцам. Чугунный орёл был помещён над входом в подвальное помещение, где впоследствии размещалась коллекция оружия Музея отечественных древностей. На всех четырёх князьках можно было видеть восстановленные медные флюгера XVII в. с прорезной славянской надписью, обозначающей 300-летие со дня гибели царевича Дмитрия. На всех углах здания к кровле подвели медные водостоки, соответствующие древнерусскому памятнику. Прежние водосточные трубы

[1] *Рукопись* А.К. Гусева-Муравьевского… Ч. 1. С. 10, или Л. 5 об.
[2] Там же. С. 20, или Л. 10 об.

Н.В. Султанов потребовал устранить на том основании, что «нельзя приурочивать к зданию XV в. водостоки XIX в.»[1]. Верхняя часть печной трубы была обработана по образцу древних труб, сохранившихся на зданиях Ростовского Кремля; рукав дымохода местами получил облицовку из нового кирпича. Заново были сложены своды и верхи щипцов, частично облицованы стены, заменены терракотовые детали, открыты переложенные кирпичом двери. Были пробиты борозды для новых связей, по этим бороздам по периметру всей Палаты положили новые связи из железа и стянули их винтами и пайками.

Все двери Дворца (железные и деревянные) были воссозданы заново за исключением одной, найденной при расчистке северного отделения подвала. Резное убранство дубовой двери второго этажа напоминает декор резных столов, находящихся в Ростовском музее. К северному фасаду пристроили с каменным основанием крыльцо в псевдорусском стиле с тремя шатровыми рундуками. Образцом послужило крыльцо старинного дома Зеленщикова в Чебоксарах Казанской губернии, деревянное завершение в общих чертах перенесли с известных рисунков Олеария – «Посольский двор в Москве в царствование Алексея Михайловича»[2]. Все деревянные части крыльца были сделаны мастерами ярославского подрядчика Н.Х. Серебрякова за 4900 руб. По мнению многих специалистов, «это сборное крыльцо погубило те высокие задания реставрации, о которых говорил Н.В. Султанов»[3]. Угличане, в отличие от первых, были одинаково благодарны и Н.В. Султанову, и А.В. Кожевникову за то, что они «сохранили Дворец для потомства». Все окна верхнего этажа были облицованы кирпичом; рамы сделаны из дуба, их переплёт устроен из белого железа, по образцу древних слюдяных оконниц, бывших в окнах Дворца, но вместо слюды в них вставили стёкла и украсили по центру розетками. Следовало отреставрировать древние оконницы и сделать заново недостающие, как указал в своём проекте и профессор Н.В. Султанов, соответственно требованиям правильной реставрации. Второй этаж перекрыли крестовым сводом, на месте старой дворцовой сложили новую печь. Для этого на заводе Аксёновых под Рыбинском изготовили гербо-

[1] *Угличский* музей. Отдел рукописей. Рукопись П.А. Строева. Дворец Св. Царевича Дмитрия. С. 17, или Л. 9.

[2] *Рукопись* А.К. Гусева-Муравьевского…. Ч. 2. С. 20, или Л. 10 об.

[3] Там же. С. 21, или Л. 11.

вые изразцы, расписанные зелёной, жёлтой, синей и белой эмалями. Печь повторяла формы русских изразцовых печей XVIII в. Все попытки Н.В. Султанова и других приглашённых специалистов отыскать под новой росписью следы старой стенописи оказались тщетными.

Реставрационные работы продолжались до второй половины 1892 г. Они обошлись в общем итоге в сумму около 35 тыс. руб. Уверенность А.Я. Фриде в том, что все эти работы удастся выполнить на добровольные пожертвования, оправдались: из этого источника были полностью покрыты все требовавшиеся денежные расходы. При этом население помогало, кроме денежных взносов, также материалами, изделиями и личным трудом. К 3 июня 1892 г. состоялось открытие музея, сопровождавшееся пышными торжествами, на которых присутствовали члены царской фамилии – Великий князь Сергей Александрович и его супруга Великая княгиня Елизавета Фёдоровна[1].

В целом можно подвести положительный итог реставрации XIX в. По-видимому, местные власти не придавали большого значения обветшавшей постройке второй половины XV в. Если бы не возникла мысль о создании Угличского музея отечественных древностей, Дворец не был бы отреставрирован в конце XIX в. Важно отметить, что проект восстановления включал и археологические исследования территории вокруг данного объекта. Реставрация Н.В. Султанова отличалась бережным подходом к памятнику. Она явилась следствием мысли о создании первоначально древлехранилища, затем – музея. В этом смысле реставрация Палаты дворца удельных князей в Угличе осуществлена в контексте общей деятельности общественности и любителей старины, исторических городов Ярославской губернии. Аналогичными примерами того же явления могут считаться спасение Ростовского Кремля и реставрация Воскресенского собора в Романово-Борисоглебске. Церковно-археологические реставрации в силу небольшого опыта научной реставрации, отсутствия иконографии (описательных материалов) и архитектурных аналогий, не могли достоверно и точно восстановить памятник XV в. В этом проявилось не внешнее подражание образцам, а стремление к творческой преемственности, которая

[1] *Посещение* их Высочества великого князя Сергея Александровича и княгини Елизаветы Фёдоровны Углича // Ярославские епархиальные ведомости. 1892. Ч. неоф. № 26. С. 401.

составляла едва ли не главную черту всей древнерусской культуры. Таким образом, в угличском памятнике были сплавлены воедино различные архитектурные приёмы и традиции. Несмотря на то, что научные результаты реставрации были не слишком высоки, важным моментом является то, что общественность и любители старины и Углича спасли и сохранили памятник.

МУЗЕЙ И ЛЮДИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

А.С. Кислицина*

В наше время проблемы, связанные с людьми с ограниченными возможностями поднимаются все чаще и чаще. В Интернете и на телевидении, в газетах и журналах, в общественном транспорте мы каждый день сталкиваемся с рекламой, призывающей помочь и не оставаться равнодушными к проблеме инвалидов. Она призывает не быть безразличными к чужой трагедии, ставит вопрос о том, чтобы каким-либо способом облегчить жизнь людям, не таким, как мы, не таким, как большинство в нашем обществе.

Множество различных тем в форумах социально-сетевых ресурсов (где люди могут выразить все свои мысли, соображения и предложения) посвящены вопросу доступности музеев и культурного наследия для людей с ограниченными возможностями.

Музей, о котором я хочу рассказать, не только приспособлен к посещению «не таких как все», но сама его тематика говорит о том, что эта проблема является ключевой в работе. Речь пойдет о Государственном музее – гуманитарном центре «Преодоление» им. Н.А. Островского.

В статье использованы публикации о музее и его программах работы с инвалидами, а также личные впечатления автора от знакомства с экспозицией музея и участия в его мероприятиях.

---

* **Антонина Сергеевна Кислицина** – студентка 2-го курса кафедры музеологии факультета истории искусств Российского государственного гуманитарного университета. Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент А.А. Сундиева.

Николай Алексеевич Островский – человек, который после тяжелого ранения в бою, потеряв зрение и возможность двигаться (9 лет паралича, из них 8 – слепоты), сумел найти в себе силы не просто существовать, а написать один из самых жизнеутверждающих романов – «Как закалялась сталь». Это он сказал: «Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Роман «Как закалялась сталь» долгие годы помогает людям, перенесшим тяжелую трагедию, найти в себе силы не сдаваться и справиться с отчаянием, моральными и физическими страданиями, работать, творить и добиваться успехов.

Московский музей-квартира существует благодаря помощи мэрии Москвы. Он расположен в центре города, на улице Тверской, 14, в доме-памятнике архитектуры и истории XVIII–XIX вв. Здание построено в 1790-е гг. архитектором М. Казаковым. У этого дома богатая история: он пережил пожар 1812 г.; с 1824 по 1829 г. там жила княгиня Зинаида Александровна Волконская; до 1918 г. дом утрачивает свою известность, хозяева сменяются один за другим; до 1935 г. он используется под квартиры. Только в декабре 1935 г. в нем поселяется писатель Николай Алексеевич Островский. Но прожил он там недолго – 22 декабря 1936 г. Островский умер в собственной квартире.

Изначально это была мемориальная квартира. Люди просто приходили туда и просили дать им возможность взглянуть на то место, где жил и творил Н. А. Островский. Позже, в канун Великой Отечественной войны, его жена, Раиса Островская, решает открыть здесь музей (музей им. Н.А. Островского есть также в Сочи, открытый старшей сестрой, Екатериной Островской, которая стала его первым директором).

Войдя в музей, сразу обращаешь внимание на то, что он приспособлен для посещения его людьми на инвалидных колясках. Рядом с лесенкой в несколько ступенек находится пандус и уникальный лифт. Всего в распоряжении музея находятся 3 этажа (1 – непосредственно вход в здание и гардероб, 2 – основная экспозиция и зал для временных выставок, 3 – зал для проведения творческих вечеров и торжественных мероприятий). Благодаря наличию лестничного подъемника музей может принимать колясочников. В каждом зале есть удобные стулья, они предназначены,

прежде всего, для посетителей с заболеваниями опорно-двигательного аппарата.

Еще одна отличительная черта заключается в том, что музей не только принимает людей с ограниченными возможностями здоровья в качестве посетителей, но и в качестве самих участников в жизни музея. Работники музея устраивают выставки их работ, проводят встречи и концерты с их участием, рассказывают об их жизни.

На 2-м этаже располагаются несколько залов для экспозиций и 2 комнаты, ранее принадлежавшие Н. А. Островскому. Первая выставка – «Страницы истории дома на Тверской, 14» – посвящена непосредственно «жизни» дома, салонам и гостям княгини Волконской. Еще одна выставка, носящая название «Николай Островский – герой на все времена», открыта в 2004 г. и приурочена к 100-летию со дня рождения писателя. Она рассказывает о романе «Как закалялась сталь» и той роли, которую он сыграл для людей военного времени. Там представлены различные издания книги и иллюстрации к ней и к роману «Рожденные бурей». Еще одна экспозиция демонстрирует личные вещи писателя, семейные фотографии, его блокноты и черновики, 2 прижизненных портрета Н. Островского. Далее находится мемориальная квартира самого писателя.

Заключительная экспозиция – «Преодоление». Она рассказывает о судьбах людей, подобно Островскому попавших в трудное положение и сумевших найти силы и терпение справиться со своей бедой и вернуться к активной жизни. Музей гордится этими людьми и ставит их в пример всем, кто оказался в подобных ситуациях. Вот лишь несколько имен – Е.В. Бережная (российская фигуристка, олимпийская чемпионка, получила травму головы во время тренировки, но вернулась в спорт); С.Н. Федоров (выдающийся хирург-офтальмолог попал под трамвай, что привело к ампутации ноги), З. М. Туснолобова-Марченко (Герой Советского Союза, старшина медицинской службы, фронтовая санитарка, вследствие ранения лишилась рук и ног) и многие, многие другие.

С середины 1990-х гг. в музее проходят сменные выставки «Через преодоление к творчеству». Они позволяют расширить возможности постоянной экспозиции и познакомить посетителей с людьми, перенесшими тяжелый недуг, с их творчеством. Благодаря

работе музея многие узнают о судьбах таких людей. На открытии очередной выставки всегда присутствует множество журналистов. Такие мероприятия становятся неким «трамплином» в большую жизнь, способны привлечь общественное внимание к судьбам инвалидов.

Музей пытается поддерживать своих авторов материально, поэтому старается купить у них работы, но чаще бывает, что участники выставок просто дарят свои произведения музею. Естественно, купить все работы нет возможности, поэтому что-то для музея приобретает Московский департамент культуры.

Так как в здании центра «Преодоление» ранее жила княгиня Волконская, то в музее проводится фестиваль «Декабрьские салоны памяти княгини З.А. Волконской». Проходят концерты под названием «Забытые и новые имена», выступают детские музыкальные школы, работают сменные выставки с мастер-классами для детей с недостатками физического развития.

В музее Островского происходит ежегодное награждение людей премией имени Николая Островского. Эта премия – не деньги, а памятный знак и почетный диплом. Но в первую очередь – это честь. Получившие ее люди – герои наших дней, все такие разные, но их объединяет одно: они хорошо знаю цену мужеству, а их дела проникнуты любовью и оптимизмом. Лауреаты премии им. Н. Островского – люди, «примерившие на себя» его образ, люди с активной жизненной позицией, обладающие удивительным духовным притяжением.

Среди них – Владимир Александрович Крупенников. 25 марта 2009 г. прошла встреча с ним в здании музея, на которой мне удалось побывать. На этой встрече присутствовали дети из различных городов России – Орел, Оренбург, Рязань, Набережные Челны, Липецк, Сочи. Они пришли сюда с экскурсией. Встреча прошла очень интересно, на одном дыхании. В.А. Крупенников рассказывал о себе, о своей жизни. Он – председатель правления Региональной общественной организации инвалидов (РООИ) «Стратегия», ведущий передачи «Фактор жизни» на ТВЦ, руководитель Московского центра компьютерных технологий для инвалидов, чемпион мира по армрестлингу, живая легенда среди людей с ограниченными физическими возможностями. Трагедия произошла с ним, когда его

призвали в ряды Вооруженных сил. Оставалось совсем намного времени до демобилизации, когда Владимир при исполнении служебных обязанностей сорвался с 12-метровой высоты и получил тяжелейшую травму позвоночника. После этого В.А. Крупенников может передвигаться только в инвалидной коляске. Но он не сломался и продолжил активный образ жизни (в меру своих возможностей). Владимир участвует в покорении горных вершин и занимается рафтингом – сплавляется по горным рекам. Организация РООИ «Стратегия» создана в 1999 г. самим Крупенниковым вместе с друзьями и единомышленниками. Своим собственным примером он помогает отчаявшимся людям вновь поверить в свои силы и вести полноценную активную жизнь.

Конечно же, у музея есть и проблемы. Первая – ремонт уникального подъемника. Для того чтобы подняться на 3-й этаж, требуется 7–8 минут, и это только для одного колясочника. Столько же времени занимает и спуск. Вторая – ремонт самого здания. Еще одна проблема – нехватка площади для работы различных кружков для инвалидов (приходится порой заниматься в самих выставочных залах), а также для новых экспозиций. К тому же не хватает места и для фондовых помещений, которое занимает 83 кв. м. Музей не в состоянии принять все предлагаемые работы – их просто некуда ставить. И, конечно же, центр «Преодоление» нуждается в поддержке спонсоров и меценатов.

После посещения такого музея, как этот, начинаешь смотреть на жизнь другими глазами. Меня поразили все истории, все материалы, представленные в музее. Произошла своеобразная переоценка ценностей.

Так случилось, что они – изначально другие. Кто – от рождения, кто – по воле случая. Но они все не сломались. Они смогли выдержать те испытания, которые выпали им в жизни. Я преклоняюсь перед ними! Социальная реабилитации инвалидов – задача, которую успешно своими средствами могут решать и музеи. И хочется пожелать всем, кто занимается этим нужным и важным делом, больших успехов.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ КУЛИНАРНОГО КОДА В ЛЕТНЕЙ ОБРЯДНОСТИ РУССКИХ XIX–XX вв.*

В.Ю. Корнева**

Изучение автором обрядов позволило прийти к выводу о том, что в годовом календарном цикле использование кулинарного кода несет разные функции. В частности, связано оно и с постепенным «вхождением» неженатой молодежи в полноценную жизнь социального коллектива. Апогеем ритуального вхождения являлась свадьба, а результатом – создание отдельной семьи.

Мы коснемся обрядов социальной инициации, связанных с определенной половозрастной категорией молодежи. Это обряды, которые знаково оформляют переход девушек в половозрастную группу, потенциально готовую к вступлению в брак. Условно они названы «ритуалами девичества».

Данный вид обрядов проводился преимущественно в летний период. Его цель заключалась в обозначении нового статуса девушек, который предполагал возможность перехода в иное социальное качество – статус замужней женщины – посредством свадьбы. По мнению исследователей, например С.А. Токарева, в период бытования общинного строя, когда складывалась вся система календарных обычаев, сфера брачно-половых отношений не считалась частным делом заинтересованных лиц. Эта сфера «задевала» самые жизненные интересы сельской общины, прежде всего, ее репродуктивные интересы. Плодовитость женщины и многодетность семьи рассматривались как добродетель и Божье благословение[1].

Время рубежа весны – лета, как считает Т.А. Бернштам, связано с приоритетом «женского девственно-плодоносящего» начала. Представления о космоприродных процессах обусловили сложение цикла, который можно

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-64110 а/Т.

** **Валерия Юрьевна Корнева** – аспирант кафедры музеологии и экскурсионно-туристической деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета. Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор О.М. Рындина.

[1] *Токарев* С.А. Эротические обычаи // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 101.

назвать «праздником девичьего совершеннолетия». В него входят: Семик, Троица, «Купалица»[1]. В Сибири девичьими праздниками считались также Петров день – 29 июня (12 июля), Троица, Михайлов день[2].

Стоит отметить, что обрядовое действо, связанное в этот период с кулинарным кодом, в этнографической информации, относящейся к XIX–XX вв., сохранилось фрагментарно, и в основном ритуал с течением времени, видимо, смешался с другими обрядами. В этом случае Семик – один из примеров объединения нескольких символических обрядов, преследующих разные цели. В источниках сохранились краткие свидетельства о проводимых в этот календарный период застольях среди девушек и потреблении некоторых обрядовых блюд, приготовленных на основе зерновых культур.

В Саратовской губернии для празднования Семика избирался особый дом, где устраивался праздник: пекли пироги, сдобные лепешки, после чего девушки шли в лес, где расстилали скатерть и ели[3]. На Семик во Владимирской губернии девушки ходили поутру с «пирогом на яйцах», собирали деньги у соседей, а вечером водили хоровод и ели этот пирог[4]. В Тульском окр. под Петров день девушки в складчину варили кашу, «водили круги»[5] (видимо, хороводы). Этот обычай еще в недавнее время бытовал на Иванов день в Новгородской обл.: «у меня девчонки варили кашу в этом году…». Вечером, взяв кастрюлю, шли в поле варить кашу парни и девушки, также там ели яйца[6]. Могли варить кашу из овсянки или «пшенки» у себя во дворе. Потом брали чугун с кашей в поле, несли чашки и ложки[7].

---

[1] *Бернштам Т.А.* Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: учение и опыт церкви в народном христианстве. СПб., 2000. С. 261.

[2] *Болонев Ф.Ф.* Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 86.

[3] *Соколова В.К.* Масленица // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М., 1978. С. 97.

[4] Там же. С. 90–91.

[5] *Архив* Государственного литературного музея (г. Москва). ФА Инв. 17. Ед. хр. 10. Л. 44.

[6] *Архив* Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург). Ф. 10. Оп. 1. Д. 98. Л. 44, 54.

[7] *Архив* Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург). Ф. 10. Оп. 1. Д. 100. Л. 63.

В Западной Сибири на Семик девушки также ходили кумиться в рощу, брали с собой угощение, с которого и начинали трапезу – «пошеница» пареная с сахаром, изюмом (кутья), блины, вареные яйца[1].

Во многих приведенных описаниях обрядов присутствует одна значимая черта – складчинный характер приготовления блюд. Как нам кажется, он также имеет обрядово-символический характер. Каждый привносит долю в общее, тем самым обозначая себя в рамках группы. Создаваемый девичий союз, скреплением которого является изготовление и потребление кулинарных изделий, маркирует определенное половозрастное состояние – готовность к браку.

Обрядовым хлебом сопровождалось и завивание венков на Семик. На Семик и Троицу пекли караваи, приуроченные к данному обрядовому действию[2]. В этот день кое-где также пекли «козули», но они уже не были изображением скота, а имели форму венка, что соответствовало характеру праздника[3]. В некоторых селах еще в начале XX в. с козулями в виде венка – лепешками, приготовленными на яйцах, девушки шли в лес, где завивали ленточки, нитки на березе, завязывали ветки венками[4].

Как считает Ф.Ф. Болонев, венок – это магический круг, заключающий в себе силы матери-земли, благотворно влияющий на чадородие женщин. Исследователь считает, что в этом обряде можно увидеть «венчание солнечным символом», благословение девушек на материнство[5]. Представляется, что положение о солнечной символике нуждается в дополнительной аргументации, вместе с тем общая трактовка обряда согласуется с предложенной в статье. Кроме этого, Т.Н. Золотова считает, что весь троицкий цикл есть отголосок инициаций, совершаемых девушками, которые готовятся стать матерью[6].

---

[1] *Фурсова Е.Ф.* Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Западной Сибири как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – первая четверть XX вв.). Новосибирск, 2003. Ч. 2. С. 6.

[2] *Сумцов Н.Ф.* Символика славянских обрядов. М., 1996. С. 208.

[3] *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963. С. 28.

[4] *Терещенко А.В.* Быт русского народа М., 1999. Ч.VI, VII. С. 91; Русские обряды и обычаи. М., 2005. С. 311.

[5] *Болонев Ф.Ф.* Указ. соч. С. 150.

[6] *Золотова Т.Н.* Социально-экономические и религиозно-магические элементы календарных обрядов русских юга Западной Сибири и Северно-

Праздник Ивана Купала, как показывают этнографические данные, в символическом плане также проявляет себя как праздник девичества. Во время праздника повсеместно была распространена мантика – гадание о замужестве по венкам, опускаемым в воду. Таким образом, венок становился символическим средством узнавания будущей доли, а если придерживаться мнения Т.Н. Золотовой, то одновременно магически ускорял преследуемую цель[1].

Таким образом, кулинарный код, будучи задействованным в летних обрядах девичества, выполнял несколько функций.

Во-первых, функцию единения, общения. Коллективная трапеза, проводимая девушками как особый обряд, является средством сплочения их в единый коллектив. Девушки определенного возраста объединялись в союзы с целью заявить о своем совершеннолетии. Об этом же писала В.К. Соколова, применительно к обряду кумления, считая его вполне вероятным пережитком древних обрядов, отмечавших половую зрелость девушек и принятие их в особую половозрастную группу[2]. Такого же мнения придерживается и В. Федорова, полагая, что обряды приуроченные к летнему солнцевороту, обозначают вступление девушек в женские союзы[3].

Во-вторых, функцию магической подготовки к будущему статусу жены и матери. Пища должна была наделить участниц обряда необходимыми силами, связанными с плодородием и плодовитостью. Функция реализовывалась в потреблении блюд из зерна с добавлением яиц. Яйцо, как и зерно, – символ постоянного перерождения жизни, квинтэссенции жизненной энергии. В ходе обряда они наделяли участниц жизненной силой, плодовитостью, которые будут востребованы в будущем. Об этом можно говорить и применительно к кутье, изготовленной из цельного зерна. Т.Н. Золотова видит в ритуальном поедании яичницы воплощение идеи передачи «плодородных сил животного будущим матерям»[4]. Включение в

го Казахстана в конце XIX – первой трети XX в. // Народы Сибири и сопредельных территорий: Межведомственный сборник научных статей. Томск. 1995. С. 251.

[1] Там же. С. 248.

[2] *Соколова В.К.* Календарные праздники и обряды // Этнография восточных славян. М., 1987. С. 389.

[3] *Федорова В.* Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья. Курган. 1997. С. 83.

[4] *Золотова Т.Н.* Указ. соч. С. 251.

ритуал съедания яиц, по мнению В. Федоровой, должно было оказать на участников благотворное влияние, исходя опять же из символики яйца[1]. Таким образом, кулинарный код нес идею жизнепорождающего начала, дублируя его на двух уровнях – орнитоморфном, воплощенном в яйце, и ботаническом, реализуемом из зерна. Двойная система кодирования смысла свидетельствует о его первостепенной важности в рассматриваемых ритуалах.

Выявленные функции кулинарного кода могут служить подтверждением того, что целенаправленность ритуалов летнего цикла, связанных с участием в них девушек, задана вступлением их в период девичества. Последний потенциально связан с переходом в новый статус замужней женщины. Тем самым потребление обрядовых блюд на основе зерновых в заданный календарный период символически обозначало готовность к браку и одновременно магически воздействовало на его эффективность

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО КУЛЬТУРЕ ШОРЦЕВ В КОЛЛЕКЦИЯХ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ ИМ. В.М. ФЛОРИНСКОГО ТГУ*

Т.С. Курьянова**

Этнографические источники – важнейший элемент в реконструкции картины жизни народа. Согласно источниковедческой классификации, они делятся на опубликованные и неопубликованные. К опубликованным этнографическим источникам относятся изданные каталоги коллекций, дневники, мемуары; к неопубликованным – не введенные в оборот архивные и коллекционные материалы, полевые записи, зафиксированные интервью. Источники

[1] *Федорова В.* Указ. соч. С. 77.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-64110 а/Т.

** **Татьяна Сергеевна Курьянова –** студентка 3-го курса кафедры музеологии и экскурсионно-туристической деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета. Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор О.М. Рындина.

обладают высокой степенью информативности и контекстуальности, которые постигаются в процессе исследования. Этнографические источники раскрывают культуру этноса, которая включает в себя образ жизни, одежду, жилище, рацион питания, фольклор, духовные представления, верования, язык и многое другое.

Цель данной статьи – проанализировать экспедиционные материалы, привезенные из Горной Шории и хранящиеся в архиве Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ как этнографический источник. Согласно вышеизложенной классификации, они относятся к группе неопубликованных источников. На основе анализа источников попытаемся воссоздать историю экспедиции и выявить ее роль в формировании шорской коллекции музея.

Полевые материалы указанной экспедиции представлены в музее в виде архивных материалов под номерами № 252 (3 папки дневников, содержащие 7 общих рукописных тетрадей и папку машинописных, перепечатанных материалов формата А4), 254 (альбом рисунков – утерян), 258 (обработка материалов авторами, представляющая собой тематическое описание этнографических предметов – рисунок + карточка). Информация, хранящаяся под последним номером в определенной мере структурно упорядочена и разделена по темам. В этих папках хранятся тетради и из другой экспедиции, по р. Обь, что не соответствует нормам хранения документов.

Стоит сказать, что отчеты экспедиции представляют собой чрезвычайно краткие и описания, поэтому необходимую информацию пришлось собирать буквально по крупицам, чтобы привести ее к некой смысловой целостности. Большую помощь в воссоздании истории экспедиции оказала беседа с Н.В. Лукиной[1].

В отчетах мы находим немаловажные сведения, которые помогают пролить свет на жизнь коренных жителей Горной Шории. Описываемая экспедиция проходила в 1962 г., если говорить более точно, опираясь на сведения дневников, то первая запись сделана 27 июня, последняя 6 августа, это были месяцы практики у студентов историко-филологического факультета ТГУ. Целью экспедиции был сбор этнографических данных. Она была организована и профинансирована историко-филологическим факультетом ТГУ, а возглавлялась Г.И. Пелих, ставшей впоследствии профессором, докто-

[1] Беседа с Н.В. Лукиной от 15 октября 2008.

ром исторических наук. В состав экспедиции входили ее студенты-ученики – Н.В. Лукина, В.М. Кулемзин, Р.Б. Квеско, Н. А. Томилов, Михайлов (?), Лесин (?), В.И. Бакштановский, А. Евсеева и др. Вероятнее всего, они были членами этнографического кружка, воссозданного в конце 1950 – начале 1960-х гг. Г.И. Пелих. Стоит отметить, что в ходе экспедиции практиковалось распределение функций: за хозяйство отвечала Н.В. Лукина, В.И. Бакштановский занимался фотосъемкой, а Лесин был художником экспедиции.

Отправной точкой маршрута стал г. Новокузнецк, где участники экспедиции работали в краеведческом музее. О работе в Сталинском краеведческом музее сведения наиболее полно содержатся в материалах Н.В. Лукиной и Р.Б. Квеско. Судя по их дневникам, они описывали вещи шорской коллекции музея, которая главным образом включала предметы материальной культуры, отражающие основные занятия и традиционно-бытовую культуру этноса, т.е. охоту, рыболовство, земледелие, утварь, ткачество и др. Были зафиксированы в небольшом количестве предметы духовной культуры: бубны, колотушки, кай-комусы, фетиши. Стоит сказать, что описание предметов в дневниках сделано профессионально с точки зрения музеологии: указывались инвентарный номер вещи, даритель и время поступления, что расширяло информативные возможности вещей. Опираясь на последнюю характеристику, можно без труда установить, что основная часть шорской коллекции Новокузнецкого (Сталинского) краеведческого музея сформировалась в 20-е гг. XX в., так же как и в МАЭС ТГУ, что явственно иллюстрирует анализ каталога коллекций последнего музея[1].

Данный факт, на наш взгляд, непосредственно связан с исторической обстановкой того времени, когда многие предметы, и прежде всего культовые, идущие в разрез с идеологией атеизма, за ненадобностью передавались в музей или в «руки» участников экспедиции. Так обстояло с первыми поступлениями в МАЭС ТГУ от А.К. Иванова, составившими основу шорской коллекции музея.

На первых страницах дневника Г.И. Пелих также отражены результаты работы в научном отделе Сталинского краеведческого музея. Ею дан библиографический список книг, хранившихся в библиотеке музея – В.В. Радлова, У.Э. Эрденниева, Ф. Чиспиякова

[1] *Каталог* этнографических коллекций музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. 1: Народы Сибири. Томск. 1976. 342 с.

и др. Необходимо отметить, что из некоторых работ были сделаны небольшие выписки, касающиеся шаманского обряда[1].

Практика работы в музее дала студентам прекрасное знание музейного материала, умение работать с вещами, понимать их язык. В ходе работы участники экспедиции познакомились с такими направлениями музейной деятельности, как атрибуция и научное описание фондов. Благодаря этому они постигали культуру шорцев непосредственно через вещь, извлекая из ее информативного потенциала необходимые сведения.

Другим крупным пунктом, куда отправились юные исследователи, был г. Таштагол. Здесь они переписывали метрические книги Алтайской духовной миссии за 1900 г, хранящейся в Богоявленской кондомской церкви. Возможно, целью данной работы было выяснение этноконфессионального состава населения территории.

Дальнейший путь экспедиции пролегал в самую глубь Шории, по таким местам, как Усть-Кабырза, Усть-Анзас, Шалым, д. Карагол, Усть-Пызас, Парагол, Матор, Чазыбук, Чушла, Шор-Тайга. Здесь велись полевые исследования преимущественно методом наблюдения, т.е. сбора информации, основанного на непосредственном контакте исследователя и объекта исследования. Данный метод использовался как элемент экспедиционного исследования, осуществляемого по специально разработанному плану, который был записан на последнем листе дневника Н.А. Томилова. Он включал в себя следующие темы для сбора материала: свадьба, камлание, похороны, календарь, фольклор, орудия охоты, орудия рыбной ловли, орудия земледелия, топонимика, родственные связи, музыкальные инструменты, праздники, материальная культура, куда входило описание лодок, домов, лыж, тканей, саней, посуды, орнамента[2].

Необходимо отметить, что в дневниках указанные компоненты культуры отражены в разной степени полноты. Например, материальная культура, промыслы, шаманизм описаны у всех участников, а сведения о шорском орнаменте отражены только у Н.А. Томилова. Топонимические данные хорошо представлены у В.М. Кулемзина. На страницах дневника Г.И. Пелих полностью описан обряд

[1] *Архив* МАЭС ТГУ, 1962. Оп. 1. Д. 252. Л. 40.
[2] Там же. Л. 97.

камлания, который был продемонстрирован в форме имитации для участников экспедиции в пос. Усть-Анзас[1].

Еще одним элементом этнографического исследования стал метод опроса, в котором особую роль играло представление материала в форме рассказов информаторов о тех или иных случаях в их жизни или жизни их предков, а также запись и анализ бесед с местными жителями по тем или иным вопросам, характеризующим традиционно-бытовую культуру. При этом исследователи записывали имя, фамилию, пол, возраст, национальность, иногда сферу деятельности информатора. Подобный метод давал более ясное представление о культуре этноса, помогал оценить степень достоверности информации, соотнесения ее с ранее полученными данными. Следует добавить, что основой этого метода являлось социально-психологическое взаимодействие исследователя и опрашиваемого.

Фиксация материала предполагала два аспекта: запись увиденного и запись услышанного. Параллельно записям участники делали чертежи, схемы, рисунки объектов материальной культуры и предметов, связанных с производственной жизнью этноса, а также фотографировали моменты, относящиеся к духовной жизни народа – традициям, обрядам, обычаям, верованиям, фольклору и т.д.

Судя по «Книге поступлений № 8» МАЭС ТГУ, научным паспортам и каталогу МАЭС ТГУ, можно сделать вывод, что, скорее всего, предметов из экспедиции привезено не было, также отсутствуют какие-либо записи об этом и в полевых дневниках. Исходя из того, что музейная коллекция – это не только предметы, но и информация, задокументированная на различных носителях, можно утверждать, что рассмотренные экспедиционные материалы и стали важной составляющей в шорской коллекции МАЭС ТГУ. Необходимо отметить, что сведения, почерпнутые из экспедиционных дневников, представляют первоисточник, содержащий новую информацию, которая не отражена в научной литературе. Наиболее раскрытыми темами являются шаманизм, материальная культура, свадебная обрядность.

[1] *Архив* МАЭС ТГУ, 1962. Там же. Л. 1–53.

ВНЕДРЕНИЕ НОВЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ В КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВУЗА – ШКОЛЫ – МУЗЕЯ

Д.М. Колесников, Е.Е. Леонов*

Школьный музей – явление уникальное. Музеи при школах возникли как форма образовательной и воспитательной среды – своеобразная межпредметная среда, лестница при переходе от знаний теоретических к практическим. Школьный музей в первую очередь занимается изучением и хранением знаний по природе и истории родного края, изучением его специфических особенностей и черт. Такие музеи за короткое время стали распространяться и оформляться в систему педагогических знаний. Они получили признание как эффективные источники обучения и воспитания всесторонне развитой личности[1].

История российских школьных музеев насчитывает достаточно большой период. Первые школьные музеи в России начали появляться в XVIII в. Одним из первых принято считать музей, открытый в 1782 г. Это был музей естественных произведений при городской школе в Иркутске. Следующий этап развития школьных музеев приходится на середину XIX в., когда открывается сразу несколько музеев при школах. В 1842 г. был открыт музей при земледельческой школе в г. Москве. Есть основания предполагать, что существовал музей при школе, занимающейся подготовкой в области сельского хозяйства, горных дел и ремёсел, открытой графи-

* **Евгений Евгеньевич Леонов, Дмитрий Михайлович Колесников** – студенты 5-го курса кафедры истории, музееведения и краеведения факультета гуманитарного образования и социально-культурных технологий Кемеровского государственного университета культуры и искусства. Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Е.А. Ковешникова.

[1] *Яхно Ю.Б.* Школьный музей как составляющая открытого образовательного пространства [Электронный ресурс]. Электрон. текстовые данные (27401 bytes). Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2009. – Режим доступа: http: // www.den-za-dnem.ru/page.php/article=53 Friday, 20 March 2009 14.00.15 С. 1.

ней Строгановой при содействии Вольного экономического общества в 1825 г. [1]

Расцвет российских школьных музеев приходится на XX век, когда разрабатываются школьные образовательные программы, а процесс образования вызывает повышенный интерес. В начале XX в. появляется большое количество школьных музеев: в Самарской губернии, Царицыне, Волчанске (Харьковская губерния), на Камчатке, в Шурминске, Иркутске. Наибольшее развитие этот процесс получил во 2-й половине 50-х гг. и особенно в 70-е гг. XX в. под влиянием широкомасштабных акций, проводившихся по случаю празднования юбилейных дат Советского государства[2].

В разные периоды истории школьные музеи переживали подъемы и спады, их сначала признавали главнейшим резервом для развития государственной музейной сети, а затем боролись с ними как с предметом отжившей идеологии.

Школьные музеи как центр образовательной и воспитательной работы создаются по инициативе выпускников, педагогов, учащихся при поддержке родителей школы, а также энтузиастов-специалистов в той или иной области. Они возникают во многом как следствие социального заказа, который поступает образовательному учреждению от представителей ученической, родительской или педагогической общественности и во многом как результат собственной поисковой, собирательной и исследовательской деятельности. В музеях при школах учащиеся занимаются исследовательской работой, поиском, хранением, изучением и систематизацией подлинных памятников истории, культуры, природы родного края, различных предметов и документов. Школьные музеи всегда являлись учебным подразделением и выступали как самостоятельная часть музейной сети и музейного наследия страны. Собранные ими экспонаты входят в состав как музейного, так и архивного фонда Российской Федерации[3].

---

[1] *Очерки* истории музейного дела в России [Текст]. М.: Сов. Россия, 1960. С. 25.

[2] Там же.

[3] *Яхно Ю.Б.* Школьный музей как составляющая открытого образовательного пространства [Электронный ресурс]. Электрон. текстовые данные (27401 bytes). Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2009. – Режим доступа: http: // www.den-za-dnem.ru/page.php/article=53 Friday, 20 March 2009 14.00.15. С. 1.

Несмотря на широкое развитие школьной сети музеев, как направление организации учебной и внеучебной деятельности они стали создаваться лишь в конце XX в.

Роль школьных музеев в последние годы значительно возросла. Сейчас им уделяется больше внимания, выделяются средства на их содержание, руководители школьных музеев повышают квалификацию, участвуя в научно-методических семинарах и конференциях.

Однако школы не могут развиваться в русле закрытого развития. Но как привлечь посетителя в свой школьный музей? Ведь зачастую большинство школьных музеев являются краеведческими, а значит, по содержанию экспозиции похожи друг на друга. Тогда как открыть для потенциального посетителя свои коллекции, чтобы заинтересовать его и побудить прийти в тот или иной школьный музей?

Одним из таких путей является сотрудничество с музеями разных профилей и вузами города. Формой такого сотрудничества является создание временных выставок в стенах школьного музея из запасников коллекций одного из музеев города и затем оформление этой выставки в стенах одного из городских вузов, в котором она была бы наиболее актуальной и подходила по тематике.

При формировании такого сотрудничества необходимо отразить значение и сохранить партнёрство трёх институтов, а значит, создать новую форму взаимодействия, которая была бы актуальна для всех её членов и характеризовала соединение теории и практики.

Анализ исследований показывает, что всем необходимым теоретическим и практическим требованиям в современных условиях обладает коммуникационный подход. Теоретический и практический опыт показывают, что все сферы музейного дела сегодня включены в коммуникационные процессы.

Применительно к музею понятие коммуникации сделал общеупотребительным канадский учёный, директор музея в г. Калгари Д. Камерон. Введя его в 1960-е гг. в профессиональную практику, он сделал попытку рассмотреть музей как систему, реализующую коммуникационный процесс между посетителем и экспонатами, представляющими собой «реальные вещи». В основе этого процесса лежит, с одной стороны, способность посетителя понимать «язык» этих вещей, с другой – способность музейных специали-

стов, занимающихся созданием экспозиций, строить особые невербальные «пространственные» высказывания. Предложенная Д. Камероном теория музейной коммуникации вполне позволила перешагнуть сформировавшийся взгляд на музей как на придаток системы образования[1].

Поэтому логичной является разработка моделей музейной коммуникации. Разработано шесть основных коммуникативных моделей: 1) познавательная; 2) эстетическая; 3) знаковая; 4) диалоговая; 5) междисциплинарная; 6) информационно-коммуникативная.

Важно не только использовать существующие модели, но и разработать новые модели и внедрить их в общую структуру школьного и вузовского музееведения, особенно на этапе их сотрудничества с музеями города. Так как в последние годы активно формируется и развивается сеть школьных музеев, встаёт остро проблема совершенствования их деятельности.

Таким образом, при формировании системы: музей – школьный музей – вуз актуально создание двух новых моделей. Предлагаем следующие нами разработанные модели:

- Абрисно-атрибутивная. Она подчеркивает значение конкретных частей выставки, т.е. показывает основную мысль в экспозиции и значение для каждой отдельной специальности, чтобы она была понятна как творческому человеку, так и студенту технических специальностей. Главным составляющим выставки будет не только речь экскурсовода, но и его приверженность к конкретным фактам, необходимым для каждого индивида в отдельности. Заостряя внимание на одном событии, экскурсовод одновременно переключает внимание на другой исторический факт или суть этого события. Таким образом, оно будет понятно и гуманитарию и математику. В такой методике каждый получит необходимую информацию, преподнесенную разными средствами.
- Модель переходного внимания. Эта модель необходима, когда значения жеста и слова расходятся. Она применима для разновозрастной аудитории. Экскурсовод, рассказывая об одном факте, использует жест, направленный на другой материал выставки, а затем возвращается к предыдущему материалу. В процессе исполь-

[1] *Беззубова О.В.* Некоторые аспекты теоретического осмысления музея как феномена культуры // Триумф музея: Сб. статей. СПб.: Осипов, 2005. С. 23–24.

зования этой модели посетители с разным складом ума и психологическим типом личности одновременно усваивают информацию, но удобными для себя каналами получения этой информации.

Обе модели направлены на индивидуальные особенности восприятия информации и её усвоения.

При внедрении абрисно-атрибутивной модели необходимо использовать следующие приёмы рассказа и показа.

1. *Приём диалога (или эвристический)*

Беседа в форме вопросов-ответов. Для широкой детской аудитории вопросы обычно бывают прямыми, т.е. предполагающими ответ.

2. *Приём комплексного рассказа*

Применение этого метода в полном объёме: рассказ-выступление с выделением самых ярких и в то же время самых важных моментов.

3. *Приём эмоционального воздействия*

Хорошо работает в детской аудитории: дети очень эмоциональны, в данном случае необходимо в ходе рассказа попытаться вызвать у них дополнительные эмоции, которые помогут легче запомнить материал.

4. *Приём эстетического рассказа*

Обращается особое внимание на эстетическую составляющую экспозиции.

5. *Приём акклиматизирования*

То есть плавного введения слушателя в суть диалога и рассказа. Необходимо постепенно подвести посетителя к содержанию экспозиции и её основной мысли.

6. *Приём агогики*

Имеется в виду использование экскурсионного метода, когда идёт отклонение от установленного темпа экскурсии, чтобы заострить внимание на каком-либо особо важном факте или событии. В данном случае это актуально, поскольку изменение темпа поможет более целостному восприятию текста экскурсии и подчеркнёт ценность факта.

Формы показа для абрисно-атрибутивной модели:

1. *Форма системного восприятия*

Весь материал показывается как единая система.

2. *Форма последовательного показа – «предмет – образ предмета»*

3. *Форма переходящего внимания (создаётся структура ассоциаций, с учётом которой переключается внимание аудитории)*

Создаётся система ассоциаций, способствующая переключению внимания аудитории.

При использовании модели переходного внимания приёмы рассказа и формы показа будут выглядеть несколько по-другому.

Приёмы рассказа:

1. *Приём диалога (или эвристический)*
2. *Приём комплексного рассказа*
3. *Приём эмоционального воздействия*
4. *Приём акклиматизирования*
5. *Приём эстетического рассказа*
6. *Приём алеаторики*

Экскурсионный метод. Это метод композиции, использующий элементы случайности как формообразующий фактор. В данном случае это вполне приемлемо, поскольку не всегда чёткое построение отвечает поставленным целям. Метод алеаторики облегчит экскурсию, особенно когда речь идет о фактическом материале. Так произойдёт переключение внимания на что-то другое, возможно, даже не касающееся экспозиции и музейной тематики, а затем возвращение внимания посетителя к более значимым моментам выставки.

7. Приём мнемоники

Это метод, в котором используется совокупность приемов и способов, облегчающих запоминание и увеличивающих объем памяти путем образования искусственных ассоциаций. То есть через ассоциации познаётся фактический материал, который помогает осознать значение и суть экспозиции.

Мы считаем, что введение данных моделей с учётом новых коммуникативных технологий и всех форм/приёмов показа и рассказа поможет более целостному восприятию экскурсии и экскурсионного материала, особенно у широкой детской аудитории.

Однако чтобы внедрить эти модели, необходимо время и условия по их введению в образовательную программу музея. Кроме этого, необходимы специалисты, которые будут использовать эти коммуникативные модели в своих экскурсиях. Главным является не только внедрение этих моделей, но и создание системы музей – школьный музей – вуз, что было бы новым этапом развития музейного дела в нашей стране и объектом для изучения в дальнейшем.

Примером такого взаимодействия стала выставка по противопожарной пропаганде, которая создавалась музеем пожарной охраны г. Кемерова, находящимся при ЦППиОС (Центр противопожарной пропаганды и общественных связей) в Краеведческом музее-комплексе им. П.М. Петренко МОУ СОШ №11 г. Кемерова под названием «История пожарной охраны Кузбасса», а затем была адаптирована и позже выставлена в Кемеровском государственном университете культуры и искусств по теме «Противопожарная пропаганда средствами культуры». Все три участника проекта работают в тесном контакте и продолжают сотрудничать именно после создания выставки из запасников музея пожарной охраны.

Однако важна не только разработка этих моделей, но и практическое применение, которое вполне допускает использование образовательно-коммуникативных моделей за пределами школы, вуза или музея, а именно, внедрение их в экскурсионной деятельности.

Апробация моделей была осуществлена при деятельности студенческого экскурсионного отряда «Обсидиан», при участии студенческого научного кружка «Экскурсовод».

Мы надеемся, что сотрудничество в рамках системы музей – школьный музей – вуз будет продолжено и получит дальнейшее развитие, где в процессе реализации новых образовательно-коммуникативных моделей включатся и другие музеи города, а возможно и области.

МУЗЕИ ТОМСКИХ ВУЗОВ 1920–1930-х гг. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

Л.А. Лозовая**

Вузовские музеи России, в том числе и Томска, накопили огромное количество образовательного и воспитательного материала, отражающего опыт многих поколений учёных, имеющих большое

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-64110 а/Т.

** **Лидия Анатольевна Лозовая** – аспирант кафедры музеологии и экскурсионно-туристической деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета. Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Н.М. Дмитриенко.

значение для дальнейшего развития науки, образования, расширения эрудиции студентов и преподавателей. Такая роль вузовских музеев, в частности томских, обязывает обратить особое внимание на изучение их истории и историографии.

Первые сведения о вузовских музеях Томска появились в работах 1920-х гг. Они были немногочисленны, чаще всего публиковались в юбилейных изданиях. Например, в книге о Томском технологическом институте (ТТИ), приуроченной к его 25-летию, содержатся сведения о новых кабинетах и музеях, которые открылись незадолго до выхода этого издания: авто-авиационный музей, музей прикладной механики, рисовальный музей, кабинет механической технологии, дорожно-строительный, геологический и др. кабинеты. Опубликованы фотоснимки музея прикладной механики, музея лёгких двигателей, палеонтологического, минералогического кабинетов, аэрокабинета «Авиэта» и кабинета горного искусства, позволяющие увидеть и оценить некоторые экспонаты и характер их размещения. Досадно, что музеи и кабинеты, располагавшие большими коллекциями приборов, сырьевых материалов, различного оборудования, отнесены в издании к вспомогательным учреждениям института и не получили полного описания и должной оценки[1]. Одновременно в книге были опубликованы поздравительные телеграммы от Центрального музея народоведения, Государственного русского музея, Государственного политехнического музея, поздравление от Томского строительного техникума, в котором в ряду перечислений достижений ТТИ содержалось упоминание о «неустанной работе по практическим и теоретическим заданиям» в лабораториях и кабинетах института[2]. Эти публикации можно рассматривать как свидетельства понимания определённой роли музейных учреждений института в его жизнедеятельности.

Признание научной общественностью важной роли музеев (кабинетов) в образовательном процессе только зарождалось, связи томской науки с музеями находились на этапе становления, этим можно объяснить отсутствие интереса к музейной тематике. В некоторых немногочисленных работах о томских вузах музеи даже не

[1] *Гутовский Н.В.* Исторический очерк возникновения и развития Томского технологического института // Томский технологический институт за 25 лет своего существования. 1900–1925: Юбилейный сб. Томск, 1928. С. 11–15.

[2] *Томский* технологический институт за 25 лет … С. 29, 52–54.

упоминались[1]. Несколько полнее музейная деятельность в вузах 1920–1930-х гг. отражена в работах послевоенных десятилетий о Томском государственном университете. В двух монографиях о ТГУ, изданных в 1960–80-х гг., содержатся сведения о создании новых и функционировании возникших ранее университетских музеев. Отрывочно, часто без ссылок на источники, но все же приводится информация о музейной структуре вуза, пополнении музейных фондов новыми коллекциями, о научной деятельности сотрудников музеев, использовании музейных предметов в учебном процессе в 1920–1930-е гг.[2] К важным достоинствам двух изданий нужно отнести конкретность упоминаемых сведений, например, названы фамилии сотрудников музеев, опубликованы фотографии экспозиций Гербария им. П.Н. Крылова, Зоологического и Палеонтологического музеев. Впервые деятельность вузовских музеев была оценена как многообразная, серьёзная, научная работа.

В 1990–2000-х гг. в исторической литературе наметились изменения в подходах и освещении музейной тематики. Был издан ряд специальных работ, посвященных вузовским музеям Томска, написанных сотрудниками этих музеев. Авторы имеют доступ к архивам вузовских музеев, знают работу музеев изнутри, что позволяет им полно и достоверно осветить различные аспекты музейной деятельности. В имеющихся работах рассмотрены проблемы развития вузовских музеев на современном этапе их деятельности[3], история

---

[1] См.: *Томский* практический политехнический институт // Сибирский календарь на 1922 г. Томск, б.г.; *Томский* государственный университет: 50 лет со дня основания / Сост. П.А. Зайченко, И.М. Мягков. Томск, 1934; *Дважды* орденоносный. Годы большой жизни Томского политехнического института: Очерки, статьи, воспоминания / Ред.-сост. А.В. Гагарин, Р.Р. Городнева. Томск, 1975.

[2] *Зайченко П.А.* Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева: Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск, 1960; Томский университет. 1880–1980 / Отв. ред. М.Е. Плотникова. Томск, 1980.

[3] *Подобина В.М.* Палеонтологический музей Томского государственного университета на новом этапе своего развития // Актуальные вопросы геологии и географии Сибири: Материалы научной конференции, посвященной 120-летию основания Томского государственного университета. Томск, 1–4 апреля 1998 г. Томск, 1998. Т. 1; *Мартынова Т.Е.* Минералогический музей Томского политехнического университета: современное состояние и проблемы // Музейные фонды и экспозиции в научно-

создания и становления музеев[1], формирование некоторых коллекций[2], научная работа и исследования, проводящиеся на базе музеев, а также перспективы вузовских музеев[3]. Однако сведения об интересующем нас периоде всё также немногочисленны, нередко имеют «точечный» характер, ограничиваются единичными упоминаниями. Лишь в отдельных публикациях, например в статьях С.С. Москвитина, В.И. Матющенко, Ю.И. Ожередова, деятельность университетских музеев 1920–30-х гг. освещена немного полнее. В них приводятся некоторые факты работы по коллекционным сборам, учету и состоянию музейных фондов, сведения о формах работы музеев с посетителями[4].

образовательном процессе: Материалы Всероссийской научной конференции. Томск, 18–20 марта 2002 г. Томск, 2002.

[1] *Свешникова В.Л.* К 110-летию минералогического музея им. И.К. Баженова Томского государственного университета // Актуальные вопросы геологии и географии Сибири: Материалы научной конференции, посвященной 120-летию основания Томского государственного университета. Томск, 1–4 апреля 1998 г. Томск, 1998. Т. 1; *Ермолаева Н.П.* Становление минералогического музея Томского политехнического университета и связанные с ним судьбы // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе: Материалы Всероссийской научной конференции. Томск, 18–20 марта 2002 г. Томск, 2002; *Колосова Г.И.* Музей книги научной библиотеки Томского государственного университета: история, современное состояние, перспективы // Там же*; Положий А.В.* Гербарий им. П.Н. Крылова в Томском государственном университете // Вестник Томского государственного университета. Серия «Биологические науки». Томск, 2003. Приложение 5.

[2] *Шпанский А.В.* История формирования коллекции остатков позвоночных в палеонтологическом музее Томского государственного университета и её научное значение // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе: Материалы Всероссийской научной конференции. Томск, 18–20 марта 2002 г. Томск, 2002.

[3] *Подобина В.М.* Палеонтологический музей ТГУ – достижения в экспозициях за последние десятилетия и новые научные направления // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе: Материалы Всероссийской научной конференции. Томск, 18–20 марта 2002 г. Томск, 2002.

[4] *Москвитин С.С.* 118-летняя история формирования фондов и деятельности Зоологического музея Томского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. Серия «Биологические науки». Томск, 2003. Приложение 5; *Матющенко В.И.* Из истории

Возросший на рубеже двух столетий интерес к музеям, осознание их роли и места в развитии науки, в системе высшего образования привели к появлению первых качественно новых публикаций о вузовских музеях; для успешного продолжения этой работы требуются целенаправленные и скоординированные действия и сотрудников университетских музеев, и исследователей-музеологов.

ОБРЯД В КУЛЬТУРЕ: К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ

Е.В. Мавшенко*

Обряд является одним из самых интересных феноменов культуры. Многие исследователи разных отраслей знаний обращались к его изучению. На сегодняшний день известны различные подходы к исследованию обряда как неотъемлемого атрибута традиционной культуры. Работы исследователей, посвященные непосредственно обряду и его функциям, появились не сразу, но каждый ученый, который посвятил свою деятельность изучению традиционных культур, не мог обойти его стороной. Уже у эволюционистов мы видим попытки объяснения места обряда в культуре различных народов. Эдуард Бернетт Тайлор исследовал различные религиозные обряды и церемонии. Следуя идее развития, он стремился показать, что все народы и все культуры можно поместить в один непрерывно и прогрессивно развивающийся эволюционный ряд. Так как нас интересуют наработки в обрядовой сфере, то здесь прежде всего нужно отметить значение анимистической теории происхождения религии, согласно которой в основе всех религий лежат пер-

---

Музея археологии и этнографии Томского государственного университета // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: Сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2008. Вып. 2; *Ожередов Ю.И.* Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета: 125 лет служения // Там же.

* **Мавшенко Евгения Викторовна** – студентка 2-го курса кафедры музеологии и экскурсионно-туристической деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета. Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор О.М. Рындина.

вобытные представления о душе и духовных сущностях. Используя богатейший этнографический материал, Э. Тайлор выдвинул формулу: «Анимизм есть минимум определения религии»[1]. Эта концепция, бесспорно, важна при изучении обряда, так как с точки зрения анимистических представлений человека о мире можно объяснить то или иное обрядовое действие, непонятное логике современного человека.

Джеймс Джордж Фрэзер в своем фундаментальном труде «Золотая ветвь» применил теорию эволюции к антропологии и вывел три стадии познания человечества: магия, религия и наука. Согласно Дж. Фрэзеру, магия предшествует религии и почти полностью исчезает с её появлением. На «магической» стадии развития люди верили в свои способности изменять окружающий мир сверхъестественным способом. Дж. Фрэзер также обращает внимание на специфику мышления человека традиционного общества, без знания которой современные ученые не изучают ни один элемент традиционной культуры. Дж. Фрэзер выделяет своеобразное магическое мышление, через призму которого он и предлагает нам окунуться в мир традиционной культуры. По его мнению, магическое мышление основывается на двух принципах-законах: законе подобия и законе соприкосновения, или заражения[2]. Эти законы универсальны. Если знать их, можно понять, чем руководствовался человек в осуществлении магических действий. На основании принципов мышления автор и классифицировал магию. Магию, основанную на законе подобия, Дж. Фрэзер определил как гомеопатическую, а ту, в основе которой лежит закон соприкосновения, – как контагиозную. Обе разновидности магии он обозначил единым термином – симпатическая магия, так как они основываются на связи предметов, точнее на отношении человека к этой связи. Эта связь вещей, по мнению Дж. Фрэзера, есть искаженная в человеческом сознании система природных законов[3]. Помимо этой классификации, автор также выделяет позитивную магию (колдовство) и негативную магию (табу). Его классификацию можно использовать при анализе разновидности магии, используемой в обряде.

---

[1] *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М., 1989. С. 213.

[2] См.: *Фрезэр Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. 2-е изд. М., 1986. С. 20.

[3] См.: Там же. С. 20.

Арнольд Ван Геннеп попытался осуществить систематическое изучение обрядов. Он сгруппировал все разновидности обрядов, «подчинив их единой схеме»[1]. Первым шагом к ее разработке он назвал теорию симпатической магии Дж. Фрэзера, поэтому в основу классификации обрядов А. Ван Геннеп кладет симпатические и контагиозные обряды. Используя анимизм Э. Тайлора, А. Ван Геннеп не только выделяет анимистические обряды, но и их противоположность – динамические, т.е. безличностные обряды[2]. Он определяет свою классификацию как четыре категории, независимые друг от друга, но сгруппированные попарно[3]. Классификация обрядов по А. Ван Геннепу не имеет четких границ, так как симпатические обряды – не обязательно анимистические, так же как контагиозные – не обязательно динамические. Кроме того, автор различает обряды по способу их совершения на прямые (без посредника) и косвенные обряды. Главное, что выделил А. Ван Геннеп в своей работе, – это обряды перехода. Для объяснения этих обрядов он вводит понятия сакрального и профанного миров. В традиционной культуре сакральное преобладало над профанным, в любом обществе всегда существовали группы, сформированные по нескольким основаниям: родство, пол, возраст, именно поэтому «…сам факт жизни делает неизбежным последовательные переходы из одной среды в другую, от одного общественного положения к другому»[4]. Эти переходы требуют регламентации, которая осуществлялась в сакральной форме, т.е. в форме обряда. К обрядам перехода А. Ван Геннеп относит не только церемонии, сопровождающие ступенчатый переход из одной социальной группы в другую, но и переход из сакрального в светское и наоборот, а также календарные обряды. Он также выделяет особые категории-группы обрядов перехода: обряды отделения, промежуточные обряды и обряды включения. «Полная схема обряда перехода» теоретически состоит из трех стадий – прелиминарная (отделение), лиминарная (промежуток), постлиминарная (включение)[5]. Автор уточняет, что в некоторых случаях схема может усложняться, например, когда переходный обряд растянут настолько, что

[1] *Ван Геннеп Арнольд*. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов, М., 2002. С. 9.

[2] Там же. С. 12.

[1] См.: Там же. С. 13.

[4] Там же. С. 9.

[5] Там же. С. 15.

некоторые его этапы могут являться автономными, как, например, помолвка в свадебном обряде. Разработка структуры обряда перехода в концепции А. Ван Геннепа имеет наибольшую практическую ценность. Помимо этого он упоминает, что для рассмотрения обряда перехода необходимо знать значения символов. Он еще не называет их символами, но выделяет «группы» предметов, часто встречающихся в обрядах разных культур, и определяет их «символическое значение».

Виктор Тэрнер в своей работе «Символ и ритуал» как раз разрабатывает символическую теорию ритуала. Он вводит понятие ритуального символа «как мельчайшей единицы специфической структуры в структуре ритуала»[1]. Каждый ритуальный символ, по его мнению, имеет семантическую структуру, включающую множество взаимосвязанных значений ритуального символа. В. Тэрнер также выделяет два полюса ритуального символа: нормативный и сенсорный. Нормативный полюс направлен на соотнесение значения символа с компонентами нравственного порядка, а сенсорный – на стимуляцию чувств человека[2]. Помимо этого, ритуальный символ связан с культурной темой, под которой понимается «постулат или положение – явное или подразумеваемое, контролирующее поведение или стимулирующее деятельность, которая молчаливо одобряется или открыто поощряется в обществе»[3]. По мнению В. Тэрнера, именно ритуальные символы выражают культурные темы, а ритуал создает необходимые условия для выражения тем. Очень важна его идея о доминантных символах. Они занимают центральное место в любом обряде, при этом используются различные вариации одного и того же символа. Чтобы не произошло утраты ясности смысла человеком, существуют энклитические (зависимые) символы, которые создают контекст вокруг ядра доминантных символов, что помогает референту понять значение главного символа именно в данном ритуале[4]. Это положение значимо при интерпретации обряда, потому что очень важно обращать внимание на контекст, в котором находится предмет, задействованный в ритуале, или в каком предметном контексте совершается ритуальное действие.

---

[1] *Тэрнер Виктор*. Символ и ритуал. М., 1983. С. 33.
[2] См.: Там же. С. 33.
[3] См.: Там же. С. 34.
[4] См.: Там же. С. 36.

В. Тэрнер определяет ритуал как «стереотипную последовательность действий, которые охватывают жесты, слова и объекты, исполняются в специально подготовленном месте и предназначены для воздействия на сверхъестественные силы в интересах и целях исполнителей»[1]. В отличие от А. Ван Геннепа, он выделяет сезонные ритуалы. Общая классификация обрядов, по В. Тэрнеру, выглядит так: сезонные ритуалы, ритуалы по случаю, т.е. зависимые от обстоятельств или критических периодов в жизни, и другие (гадания, ежедневные посвящения в жреческую службу). Ритуалы по случаю, в свою очередь, делятся на церемонии жизненных переломов («обряды перехода») и ритуалы бедствия[2]. Символы и системы символов, символические классификации для В. Тэрнера не статичны: они включены в действие – ритуал – и в этом смысле должны быть поняты в «исполнении», в конкретности и динамике, как «ритуальный процесс». Для автора ритуал является ключом к пониманию социальной структуры и социальных процессов, так как он содержит сведения о ценностях, практические указания и выполняет функцию мобилизации энергий[3]. Развивая идеи Арнольда Ван Геннепа о ритуалах перехода, В. Тэрнер исследовал лиминарные (пороговые) сообщества и состояния в коллективной жизни. По его концепции в ритуале люди периодически утверждают свою солидарность как условие продолжения общественной жизни (для этого он вводит понятие «коммунитас» как форму социальных взаимоотношений). Таким образом, ритуал возникает и функционирует как некий социально конструктивный институт, как одно из важнейших средств самосохранения и самоутверждения общества, так как он содержит сведения о ценностях, практические указания и выполняет функцию мобилизации энергий[4].

Мирча Элиаде развил представления А. Ван Геннепа о мире профанном и мире сакральном. Вводя разделение мира на священный и мирской, он подразумевал два образа бытия в мире, принимаемые человеком в ходе истории. В зависимости от способов существования М. Элиаде выделяет тип религиозного человека, homo religiosus[5]. Его нельзя понять только в историческом или культурном

[1] *Тэрнер Виктор*. Символ и ритуал. М., 1983. С. 32.
[2] См.: Там же. С. 32.
[3] См.: Там же. С. 39.
[4] См.: Там же. С. 39.
[5] См.: Там же. С. 39.

контексте: он верит в существование иной, абсолютной реальности, и этот иной, нематериальный мир для него не менее, а более существен, чем реальный. Религиозный человек живет в открытом Космосе и сам открыт в мир, его жилище – это микромир. Современный же человек не открыт в Космос, мир не ощущается им как творение Бога. В монографии «Аспекты мифа» М. Элиаде четко обозначает связь мифа и ритуала. По его мнению, «мифология помогает нам понять обрядовые действия», так как обряд и миф – это факты культуры[1]. Миф рассказывает о первотворении, т.е. сакральную историю. Главную функцию мифа М. Элиаде видит в предоставлении модели поведения для обрядовых действий. Обряд нельзя исполнить, если не известно его происхождение, т. е. его миф. Помимо этого, М. Элиаде обращает внимание на специфику мышления первобытного человека, заключающуюся в том, что «для того, чтобы началось нечто истинно новое, нужно полностью уничтожить остатки старого цикла»[2]. Обряд по созданию нового на обломках отжившего старого знаменует центральные события в жизни архаичного общества. Воспроизводя мифы, повторяя деяния героев мифологии, совершая обряды, воплощая в символической форме архетипы своего сознания, первобытные люди как бы сакрализируют профанное.

Владимир Николаевич Топоров в своей работе «О ритуале» пытается «определить суть ритуала вообще, его идею и роль в широком контексте (духовном, культурно-историческом, биолого-антропологическом) и в жизненных ситуациях, на решение которых направлен сам ритуал»[3]. Вслед за своими предшественниками В.Н. Топоров говорит о том, что в ритуале концентрируются высшие ценности, а сам ритуал переживается как непосредственная данность, актуализирующая глубинные смыслы существования. Как и М. Илиаде, В.Н. Топоров рассматривает ритуалы обновления и говорит о негомогенности пространства и времени для первобытного человека, но идет дальше и выделяет такое свойство пространства, как качество. Степень этой качественности определяется сакральными объектами, ведь в ритуале существует лишь то, что сакрально отмечено[4]. Автор также говорит о связи ритуала и мифа, но, в отличие от М. Элиаде, он определяет миф

---

[1] *Элиаде* М. Аспекты мифа. Ульяновск, 1995. С. 12.

[2] Там же. С. 59.

[3] *Топоров В.Н.* О ритуале // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 8.

[4] Там же. С. 13.

как самостоятельную форму выражения, лишь иногда подчиненную ритуалу. Подводя итог, В.Н. Топоров определяет ритуал как единственную всеобъемлющую форму социализации, в которой задействованы все органы чувств человека[1].

Альберт Кашуллович Байбурин предложил наиболее обобщенный вариант концепции о ритуале. Автор впервые связал ритуал с поведением человека. Согласно его концепции, для каждой этнической культуры характерны свои представления о значимости тех или иных аспектов поведения, своя конфигурация границы между обязательным (типизированным) и свободным (индивидуальным) поведением[2]. При этом чем более значимы сферы поведения, тем более жестко они регламентированы. Реальное поведение человека всегда есть синтез нескольких типов, нескольких программ, в зависимости от возраста, класса и т.д. Программы поведения обеспечивают успешное прохождение наиболее напряженных точек сценария жизни. Отсюда, кстати, происходит отмеченный многими исследователями психотерапевтический эффект ритуала. А.К. Байбурин отмечает многовариантность ритуала, при этом инновации, как правило, затрагивают лишь поверхностные уровни ритуала, в то время как глубинные, содержательные схемы отличаются поразительной устойчивостью и единообразием. Важнейшей функцией ритуала А.К. Байбурин считает контроль над сохранностью коллективной памяти[3]. Ритуал выполняет функцию трансляции и программирования культуры. Проблему функций ритуала Байбурин предлагает решать в зависимости от того, как понимается связь между ритуалом и повседневной жизнью. Если ритуал есть явление, производное от быта, он понимается как разновидность обычая, т.е. стереотипизированной формы поведения. Если утверждается противоположное влияние ритуала на быт, ритуал понимается как некий механизм, регулирующий или санкционирующий явления повседневной жизни. Обряд может быть самодостаточным, не имеющим (или почти не имеющим) связей с бытом, явлением. Подводя итог, А.К. Байбурин обобщает уже известные функции обряда: социализация индивида (дисциплинирующая, подготовительная), интегрирующая (связующая) воспроизводящая функция, направленная на обновление и поддержание традиций, норм, ценностей коллектива, и психотерапевтическая.

---

[1] См.: *Топоров В.Н.* Указ. соч. С. 18.

[2] См.: *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ. СПб., 1993. С. 5.

[3] См.: Там же. С. 11.

Таким образом, на основе рассмотренного материала можно сделать следующие выводы. Изучение сути и роли обряда в традиционной культуре развивалось в направлении комплексного подхода к обряду. В последнем выделялись все новые и новые качества, свойства и функции. Эволюция взглядов на обряд шла от понимания его как способа воздействия на сверхъестественные силы к видению в обряде важного механизма в трансляции самой культуры в ее естественном, реальном воплощении. Обряд оказался тесно связан с психикой, знаниями и представлениями человека, его предметным миром. Следовательно, изучение обряда предполагает междисциплинарный подход. Знания об обряде помогают нам не только воссоздать прошлое, но и лучше понять настоящее.

ТОМСКАЯ ОБЩИНА МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА СОЗНАНИЯ КРИШНЫ

У.В. Малахатько*

Международное общество сознания Кришны (МОСК) – всемирный союз единоверцев, исповедующих вайшнавизм (в переводе с санскрита «вайшнав» – «слуга Вишну»)[1]. Основатель МОСК – Абхай Чаран Бхактиведанта Свами Прабхупада. В 1965 г. он начал проповедовать по указанию своего учителя людям западного мира. В 1966 г. общество было зарегистрировано в г. Нью-Йорке, США. В практической деятельности общества высшим административным органом является Международный совет GBC (Governing Body Comission), в состав которого входят ведущие учителя, проповедники МОСК[2].

---

*__Ульяна Васильевна Малахатько__ – аспирант кафедры музеологии и экскурсионно-туристической деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета. Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор О.М. Рындина.

[1] *Черепанова Н.В.* Томская община международного общества сознания Кришны // Томская область: народы, культуры, конфессии: Энциклопедия. Томск, 2007. С. 352.

[2] *Лункин Р.* Общество сознания Кришны (Вайшнавы) // Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. М., 2005. Т. III. С. 363.

В 1971 г. Свами Прабхупада впервые приехал в Москву, и с этого момента в России появились вайшнавы. Стали возникать первые нелегальные общины в Москве, Ленинграде и других крупных городах. В 1988 г. в Москве было зарегистрировано первое в стране религиозное общество вайшнавов. Руководящий орган в России – исполнительный комитет Центра обществ сознания Кришны. Представителем GBC в России является Российский национальный совет, который курирует основные регионы России и осуществляет координационную деятельность вайшнавских общин[1].

Вайшнавизм – монотеистическое вероучение, в основе которого лежит культ бога Кришны – самой почитаемой аватары (воплощения) Вишну (Всевышнего). Учение вайшнавизма представляет собой систему знаний о положении Всевышнего – Шри Кришны: его энергиях и качествах, о структуре творения и о природе души (дживы). Согласно ведическому знанию Господь – абсолютное начало творения, источник всего сущего – проявляет себя в безграничном разнообразии энергий. Три вида энергии являются первичными: внутренняя энергия – йогамайя, или духовное творение, внешняя энергия – махамайя, или материальное творение, определяемая как иллюзорная, а также души живых существ, представляющих так называемую пограничную энергию Господа.

Душа (джива), являясь энергией Господа, неуничтожима и вечна, ее предназначение – служение Господу, и только в изначальном качестве слуги джива способна полностью проявить все свои потенции[2]. Одним из основных понятий является «бхакти» (путь преданного служения богу). Цель бхакти – пробудить в человеке чистую изначальную любовь к богу, что согласно учению вед является критерием истинной религии[3]. Особое значение имеют культовые практики, посредством которых происходит общение с богом. Основными являются индивидуальная медитация, при которой многократно повторяют имя бога, и коллективное пение священных гимнов[4].

Религиозное течение, исповедуемое МОСК, сформировалось в современном виде в XVI в. в Бенгалии и распространилось по всей Индии. В данной традиции распространены две основные формы культо-

---

[1] *Черепанова Н.В.* Указ. соч. С. 352; *Лункин Р.* Указ. соч. С. 362–363.

[2] *Черепанова Н.В.* Указ. соч. С. 352.

[3] *Бамиров Л.А., Зуев Ю.П., Керимов Г.М.* и др. История религий в России / Под общ. ред. И.А. Трофимчука. М., 2002. С. 501.

[4] *Лункин Р.* Указ. соч. С. 339.

вой практики: совместная – киртан и индивидуальная – джапа. Киртан – это воспевание святых имен господа. Вайшнавы поют мантры (священные гимны на санскрите) в сопровождении традиционных музыкальных инструментов, при этом танцуют, хлопают в ладоши. Воспевание представляет собой радостный, яркий процесс, обладающий большой духовной силой. Второй вид практики джапа – индивидуальная медитация, при которой читается маха-мантра (великая мантра). Этот метод медитации проводится с помощью четок, в которых 108 бусин. На каждую бусину приходится исполнение одной маха-мантры. Благоприятное время для этого процесса – раннее утро: перед медитацией следует совершить омовение и надеть чистую одежду[1].

Основными таинствами являются таинство посвящения и подношение Кришне даров. Каждый вайшнав в течение жизни должен выбрать своего наставника – духовного учителя. Во время посвящения учитель дает духовное имя ученику и четки. Ученик обещает следовать 4 основным регулирующим поведение правилам: запрет на употребление в пищу мяса, рыбы и яиц, запрет на внебрачные сексуальные связи, запрет на интоксикацию и алкоголь, на азартные игры и любые денежные махинации. Преданное служение предполагает также подношение даров господу. Приготовленную пищу подносят к алтарю и предлагают Кришне. Считается, что после этого ритуала пища одухотворяется, и принимающий такую пищу (прасад) начинает духовно расти[2].

В Томске первые вайшнавы появились в 1991 г., когда в город приехал один из ведущих проповедников МОСК в России. Первые встречи вайшнавов проходили на частных квартирах. В 1992 г. появился ашрам (место, где живут послушники), под который вайшнавы сняли деревянный дом. Участники движения вели приближенный к монашескому образу жизни. Они придерживались определенного распорядка дня: ранний подъем, омовение, медитация, изучение духовной литературы. Также обитатели ашрама занимались организацией просветительских лекций и воскресных программ, распространяли духовную литературу и культовую ат-

[1] Полевые материалы автора: развернутое интервью с Э.Х. Измайловым – руководителем Томской общины международного общества сознания Кришны. 17.03.2009.

[2] *Черепанова Н.В.* Томская община международного общества сознания Кришны // Томская область: народы, культуры, конфессии: Энциклопедия. Томск, 2007. С. 353.

рибутику. Параллельно вайшнавы продолжали учиться в учебных заведениях города, так как в основном это были студенты[1].

Общества сознания Кришны независимы друг от друга в финансовом и административном отношении, и для их создания не требуется разрешения от административных органов МОСК. Когда появляется группа людей, интересующихся учением и практиками вайшнавизма, они свободно могут создать общество. Обычно по прошествии какого-то времени его посещает представитель GBC и назначает кого-то из группы руководителем[2]. В 1996 г. Томск впервые посетил один из руководителей МОСК саньяси (монах) Бхакти Вайбхава Свами. Теперь духовные учителя, которые курируют Сибирский регион, приезжают в Томск 2 раза в год, в зависимости от своего графика. Первым лидером томской общины был А. Мироненко – томич, одним из первых в городе принявший вайшнавизм. Он руководил общиной с 1996 по 1997 г. С 1998 г. и до настоящего времени функции руководителя общины выполняет Э.Х. Измайлов (родился в 1967 г., в г. Грозный). В 1998 г. впервые для членов томской общины были реализованы образовательные программы, направленные на анализ священных писаний вайшнавизма[3].

В качестве религиозной организации общество было зарегистрировано 11 марта 2002 г., регистрационный № 122 [5]. В 2004 г. мэрия города предоставила общине в бессрочную аренду помещение, в котором был создан и зарегистрирован культурно-образовательный центр ведической культуры «Индия»[4].

Вся община подразделяется на небольшие группы – нама-хатты, куда входят примерно по 10 членов. В настоящее время в обществе насчитывается 15 нама-хатт. Собрания нама-хаттов проводятся еженедельно на квартирах участников.

Организационная структура общины представлена двумя советами. Первый – совет лидеров нама-хаттов, сюда входят старшие вайшнавы, которые курируют остальных членов этой ячейки. Вто-

---

[1] Полевые материалы автора: развернутое интервью с Э.Х. Измайловым – руководителем Томской общины международного общества сознания Кришны. 17.03.2009.

[2] Там же.

[3] *Черепанова Н.В.* Указ. соч. С. 353.

[4] *Черепанова Н.В.* Указ. соч. С. 353; Полевые материалы автора: развернутое интервью с Э.Х. Измайловым – руководителем Томской общины международного общества сознания Кришны. 03.2009.

рой – совет менеджеров, в котором могут участвовать старшие вайшнавы и другие члены общины. Данный совет занимается всеми финансовыми и организационными вопросами. По мере необходимости оба совета проводят совместные заседания. Финансирование общества происходит за счет частных добровольных пожертвований вайшнавов. Сумма взноса не устанавливается, каждый жертвует по мере своих возможностей. Также средства поступают от продажи духовной литературы и культовой атрибутики.

В общине преобладают русские. Почти в равном количестве представлены мужчины и женщины, молодежь и люди среднего возраста, меньше лиц более старшего возраста. Среди членов общества преобладают студенты и люди с высшим образованием.

Деятельность томской общины сознания Кришны идет по двум направлениям: образовательному и благотворительному. На базе центра ведической культуры реализуются различные просветительные программы: внутренние и внешние. Внутренние программы предназначены для членов общины. Воздействие внешних направлено на интересующихся людей: периодически проводятся лекции, посвященные ведической культуре, основным ведическим писаниям, на которые опирается вайшнавизм, семинары по отраслям ведической философии, тренинги. Также проходят музыкальные занятия и уроки индийского танца. Существует специальная программа для беременных женщин, которые хотят рожать дома. На данном мероприятии могут присутствовать все желающие женщины, с ними занимаются высококвалифицированные врачи-вайшнавы.

Благотворительная деятельность сосредоточена в рамках программы «Пища жизни». Реализуя ее, вайшнавы раздают освященную пищу (прасад) нуждающимся слоям общества. Программа начала действовать с 2004 г., когда администрация города предоставила помещение. В данный момент программа работает не в полную силу по причине сложностей с помещением и другими ресурсами[1].

Таким образом, томская община международного общества сознания Кришны является официально зарегистрированной религиозной организацией. Община имеет определенную структуру, состоящую из ячеек (нама-хатты), которыми руководят духовные

[1] Полевые материалы автора: развернутое интервью с Э.Х. Измайловым – руководителем Томской общины международного общества сознания Кришны. 17.03.2009.

учителя. Жизнь организации регулируется двумя советами: духовных учителей и менеджеров. В ее составе преобладают студенты и люди с высшим образованием. На базе общины существует общественная организация – центр ведической культуры «Индия». Участие организации в общественной и культурной жизни города характеризуется благотворительной и образовательной программами.

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ СТАРЦА ФЕДОРА КУЗЬМИЧА

А.С. Мамедова*

Жизнь старца Федора Кузьмича освещена во многих работах, однако в большинстве из них не указаны источники исследования, что снижает достоверность этих работ. Изучение биографии этого человека, жизнь которого в Томске ныне представляется как один из самых значимых феноменов городской истории, требует поиска новых источников, а также систематизации имеющихся. Решению этой задачи и посвящено данное сообщение.

В настоящее время в распоряжении исследователей имеются несколько видов источников. Прежде всего, это опубликованные документы, собранные и изданные Н.В. Серебренниковым[1]. Сборник документов, извлеченных из фондов Государственного архива Томской области, Российского государственного архива литературы и искусства, включают сведения о появлении Федора Кузьмича в Сибири в 1837 г., дальнейших его передвижениях по региону, в том числе и о прибытии в Томск по приглашению купца С.Ф. Хромова. В сборнике присутствует важная информация, позволяющая изучить его повседневную жизнь: питание, обстановку кельи, построенной С.Ф. Хромовым, круг общения старца. Здесь же опубликовано разрешение на строительство часовни над могилой старца

* **Анна Сабировна Мамедова** – студентка 1-го курса кафедры музеологии и экскурсионно-туристической деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета. Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Н.М. Дмитриенко.

[1] Тайна томского старца: Неизвестные документы / Сост. Н.В. Серебренников. Томск, 2001.

Федора Кузьмича на кладбище томского Богородице-Алексиевского монастыря, ее архитектурный проект, составленный В.Ф. Оржешко. Помещены документы начала 1920-х гг., рассказывающие о пропаже и гибели многих личных вещей Федора Кузьмича. Опубликованные в сборнике архивные документы обладают высокой степенью точности и достоверности, поскольку включают сведения об обычных повседневных событиях. Однако комментарии составителя нередко имеют тенденциозный характер и содержат некоторые ошибочные суждения.

Вторую группу источников представляют изобразительные источники. Прежде всего, это портрет старца в полный рост, написанный, по свидетельству историка К.В. Кудряшова, в Москве на совершенно недостоверной основе[1]. Портрет был переснят в Томске фотографом Ефимовым и размножен; одна из фотографий опубликована в книге «Город Томск» (Томск, 1912). Второе изображение – рисунок неизвестного художника, запечатлевший старца на смертном ложе. Рисунок был сначала опубликован в журнале «Русская старина», а в 2004 г. в книге «Томск. История города в иллюстрациях»[2]. Выполненный с натуры, этот рисунок представляется наиболее достоверным для описания внешнего вида старца. К изобразительным источникам относится и икона святого праведного старца Феодора, написанная в иконописной мастерской Богородице-Алексиевского мужского монастыря и находящаяся в монастырской Казанской церкви. Изображение иконы и раки, в которой помещены мощи святого Феодора, опубликованы в статье игумена Силуана[3]. Сохранились в опубликованном виде фотография кельи Федора Кузьмича на усадьбе С.Ф. Хромова, рисунок, изображающий внутренний вид этой кельи, а также фото часовни, установленной на могиле старца в мужском монастыре[4].

Третью группу источников составляют личные вещи Федора Кузьмича Хромова (длинная белая рубаха, вязаная шапочка и губка

---

[1] *Кудряшов К.В.* Александр Первый и тайна Федора Козьмича. Пг., 1923. С. 45.

[2] См.: *Томск*. История города в иллюстрациях. 2004. [альбом] // Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 599 с.: ил.

[3] См.: *Игумен Силуан (Вьюров)*. Старец Феодор Томский в житии // Тобольск и вся Сибирь. № 3: Томск. Тобольск, 2004. С. 153, 157.

[4] См.: *Город* Томск. Томск, 1912. Вклейка к с. 116; Томск. История города в иллюстрациях… С. 60.

для умывания), которые хранятся у правнучки С.Ф. Хромова Евгении Александровны Благовещенской. Она очень дорожит этими раритетами, хранит их в специальной упаковке, поэтому чаще всего используются их фотографии. Они также опубликованы[1].

В ходе исследования жизни старца Федора Кузьмича возможно привлечение киноисточников, в частности фильма «Благословенный старец»[2]. В фильме излагается известная легенда о Федоре Кузьмиче как ушедшем от мира императоре Александре Первом, излагаются некоторые факты его жизни в Сибири.

Важно отметить, что в Томске сохранились здания, которые были во времена пребывания в городе Федора Кузьмича и в которых, возможно, он бывал. Прежде всего, это 2-этажный флигель на усадьбе С.Ф. Хромова, современный адрес ул. Крылова, 26 а, а также монастырский Казанский храм, который Федор Кузьмич часто посещал и в котором с 1995 г. находится рака с мощами святого Феодора Томского.

Редко используемым источником являются художественные произведения, в частности неоконченная повесть Л.Н. Толстого «Посмертные записки старца Федора Кузьмича»[3]. Будучи результатом художественного вымысла, эта повесть не может дать достоверные сведения о Федоре Кузьмиче, но в ней воссоздана социально-психологическая обстановка времени, создан художественный образ необычного человека, переданы его чувства, которые он испытывал в отречении от мирских благ. Л.Н. Толстой воспроизвел зарождавшуюся в его время легенду и своей повестью, в которой создал «дневник» старца, эту легенду поддержал.

В целом можно говорить о том, что требуется более внимательное прочтение и анализ имеющихся источников о старце Федоре Кузьмиче, в то же время необходим поиск новых документальных свидетельств о нем.

---

[1] *Томск*. История города в иллюстрациях… С. 61.

[2] Фильм создан при содействии церковно-научного центра «Православная энциклопедия». Студия «Неофит» Московского Данилова монастыря по заказу телеканала «Культура». 2002.

[3] *Толстой Л.Н.* Посмертные записки старца Федора Кузьмича, умершего 20-го января 1864 года в Сибири, близ города Томска, на заимке купца Хромова. М.: Издание Крестникова. 1912. 32 с.

ПЕТР ИВАНОВИЧ МАКУШИН В ТОМСКЕ: ПРЕДЛОЖЕНИЯ К ЭКСКУРСИОННОМУ МАРШРУТУ*

О.В. Мануйленко**

П.И. Макушин, предприниматель, общественный деятель, просветитель, удостоенный почетных званий «Почетный гражданин города Томска» и «Почетный гражданин Сибири», является одним из тех, кем гордится Томск. Его жизнь и деятельность получила определенное освещение в литературе[1]. Однако такая форма популяризации имени и результатов многогранной деятельности П.И. Макушина, как экскурсия, важная особенно для учащейся и студенческой молодежи, до сих пор почти не использовалась. Восполнить этот пробел, разработать план экскурсионного макушинского маршрута по Томску предполагается в данной публикации.

Экскурсию следует начать в самом центре города, у зрелищного центра «Аэлита», расположенного на проспекте Ленина, 78. Здание «Аэлиты» принадлежало томскому купцу Ф.Х. Пушникову, а после его смерти, по завещанию, перешло в собственность городского самоуправления. С 1900 г. в этом здании размещалась Томская городская дума и ее исполнительный орган – городская управа. П.И. Макушин, который с 1875 г. избирался городским гласным (был им около 40 лет), а с 1880 г. еще и председателем городской исполнительной училищной комиссии, проводил в здании много времени, участвовал в заседаниях думы, выступая с различными инициативами. Так, в мае 1884 г. П.И. Макушин вошел в комиссию Томской городской думы (тогда она располагалась в здании мещанской управы на Магистратской ул.), созданную для разработки программы и организации сбора экспонатов будущего Сибирского музея с тем,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-64110 а/Т.

** **Олеся Викторовна Мануйленко** – студентка 1-го курса кафедры музеологии и экскурсионно-туристической деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета. Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Н.М. Дмитриенко.

[1] См.: Петр Иванович Макушин: Библиографический указатель, хроника жизни и деятельности, биография: К 150-летию со дня рождения / Отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 1994.

чтобы при открытии в Томске университета передать собранное туда[1]. Важнейшими инициативами П.И. Макушина как думского гласного стали пожертвование в 1904 г. 100 тыс. руб. на Народный университет, затем внесение суммы в размере 31 тыс. руб. на устройство сельских бесплатных библиотек[2].

Невдалеке от «Аэлиты» в доме по пер. Батенькова, 5 находится магазин-музей «Петр Макушин». Здание магазина было выстроено П.И. Макушиным в 1896 г. для размещения в нем книжного магазина, библиотеки, а также типографии и переплетной мастерской[3]. Вплоть до национализации в 1920 г. это помещение было любимым местом П.И. Макушина, здесь он продолжал работать и при советской власти, когда его книжный магазин стал государственным, а он в нем не хозяин, а наемный служащий. В этом магазине П.И. Макушин простудился весной 1926 г., занимаясь разборкой книг, заболел и уже не поправился.

Далее маршрут идет к дому на ул. Набережная реки Ушайки, 4. Сегодня это областной военный комиссариат, а 19 февраля 1873 г. в годовщину освобождения крестьян от крепостной зависимости в доме, принадлежавшем тогда Банникову, П.И. Макушин открыл первый в Сибири книжный магазин[4]. У него не было собственных средств, он обратился с коммерческим предложением к местному купцу В.В. Михайлову, был создан торговый дом «Михайлов и Макушин». На первых порах П.И. Макушин сам ездил за книгами в Москву и Петербург, зато на прилавках магазина вниманию публики предлагалось до 2 тыс. книжных томов самой широкой тематики. Чуть позже добавились ноты, канцелярские товары, географические карты. Рядом расположилась и частная публичная библиотека, которую П.И. Макушин открыл в 1871 г., сначала в своей собственной квартире[5]. Книги выдавала жена, Елизавета Иосифовна, а

---

[1] См.: *Дмитриенко Н.М.* День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. Томск, 2003. С. 58.

[2] *Известия* Томского городского общественного управления. 1916. № 2. С. 105–106.

[3] См.: *Хроника* жизни и деятельности П.И. Макушина // Петр Иванович Макушин: Библиографический указатель… С. 27.

[4] Там же. С. 14.

[5] *Петр* Иванович Макушин: Библиографический указатель, хроника жизни и деятельности. Томск, 1994. С. 4.

позже – дочь, тоже Елизавета, выпускница Бестужевских женских курсов в Петербурге (впоследствии она была сотрудницей Научной библиотеки ТГУ). Ныне дом на Набережной р. Ушайки отмечен мемориальной доской, на которой явно ошибочный текст о том, что здание якобы выстроено в 1873 г. для библиотеки.

От областного военкомата по Каменному мосту и проспекту Ленина дойдем до пер. Совпартшкольного, бывшего Приюто-Духовского, и на его пересечении с ул. К. Маркса увидим 2-этажное здание Томского сельскохозяйственного института (ул. К. Маркса, 19). В этом здании располагалось Томское духовное училище, смотрителем которого 31 октября 1868 г. стал П.И. Макушин. Именно для выполнения этой нелегкой обязанности он и приехал в Томск с Алтая, где служил в Алтайской духовной миссии. Возможно, он и жил на первых порах в усадьбе училища. Работал в этой должности до 1873 г., затем вышел в отставку и занялся частным предпринимательством[1].

От сельскохозяйственного института экскурсионный маршрут продолжается по ул. Карла Маркса, на пересечении ее с пер. 1905 года, в доме №4, находится магазин «Мир дверей». Этот 2-этажный краснокирпичный дом был построен по проекту архитектора П.П. Нарановича на средства томского купца С.С. Валгусова и в 1887 г. подарен Обществу попечения о начальном образовании, созданному и работавшему под председательством П.И. Макушина, для размещения в нем первой в России Бесплатной народной библиотеки. Здание вместило не только библиотеку, но и аудиторию для воскресных чтений, театральный зал для любительских спектаклей, хоровые классы. В первый год после открытия в библиотеке насчитывалось 800 читателей, позже число их почти утроилось. В 1892 г. к библиотеке присоединился Музей прикладных знаний, открытый в пристройке к зданию. Томичи любили Бесплатную библиотеку, долгое время она была главным культурным центром города[2].

По пер. 1905 года можно дойти до Кузнечного взвоза и, поднявшись по нему на Воскресенскую гору, подойти к Белому озеру. Напротив него, на пл. Соляной, 4, высится грандиозное здание, по-

[1] *Дмитриенко Н.М.* Макушин Петр Иванович // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С. 199.

[2] *Никиенко О.Г.* Бесплатная библиотека // Томск от А до Я… С. 32.

строенное по проекту архитектора А.Д. Крячкова, на фронтоне здания сохранилась надпись «Дом науки им. П.И. Макушина». Сегодня в нем располагается театр куклы и актера им. Р.М. Виндермана «Скоморох». Закладка состоялась 1 мая 1911 г. Здание Дома науки было построено на средства П.И. Макушина 7 октября 1912 г. с целью открытия в нем Народного университета. Устав Народного университета был утвержден только в 1916 г., занятия начались в 1918 г.[1]. По замыслу Петра Ивановича в Народном университете должны были преподаваться предметы по всем отраслям знаний, а к слушанию курсов допускались лица старше 16 лет без различия национальностей и вероисповедания. Первая мировая война, а затем Гражданская война не позволили развернуть работу Народного университета. Отдельные лекции читались в 1918–1919 гг. в аудиториях ТГУ. Повторное торжественное открытие Народного университета состоялось 13 декабря 1925 г., уже при советской власти. Однако просуществовал он недолго и вскоре был закрыт[2].

Во дворе Дома науки находится и последнее пристанище Петра Ивановича Макушина. После открытия народного университета Макушин прожил меньше года. Он скончался на 82 году жизни, 4 июля 1926 г., и был похоронен, согласно завещанию, вблизи своего любимого детища, в ограде Дома науки. Надмогильный памятник выполнен в виде металлического рельса с укрепленной наверху электрической лампочкой, символизирующими развитие промышленности и просвещения в Сибири. Надпись на надгробной плите гласит: «Ни одного неграмотного» – это то, чему посвятил свою жизнь крупнейший сибирский просветитель и меценат Петр Иванович Макушин.

---

[1] *Сталева Т.* Сибирский просветитель Петр Макушин. М., 1986. С. 163.

[2] См.: Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / Под ред. д-ра ист. наук Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. С. 221.

БОГОРОДИЦЕ-РОЖДЕСТВЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ ВО ВЛАДИМИРЕ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ

Л.А. Морозова*

Богородице-Рождественский монастырь во Владимире, древнейший на Руси, был основан, согласно летописным свидетельствам, великим князем Всеволодом Большое Гнездо 22 августа 1191 г., при епископе Иоанне. В летописи Нестора существует упоминание: «Того же лета заложи Великий Князь Всеволод церковь камену во граде Володимери Рождество Св. Богородицы Августа в 22 день при епископе Иоанне»1.

С самого основания монастырь занимал важное место в церковной и государственной жизни. Настоятели его были участниками Московских Соборов и нередко избирались на различные архиерейские кафедры. До 1230 г. монастырем управляли игумены, позднее была учреждена Архимандрия. Со второй половины XIII в. до начала XIV в. всероссийские митрополиты переносят свою кафедру из Киева во Владимир, Рождественская обитель стала называться «великой», а также «лаврою»2.

В середине XVII в. в монастыре снова началось каменное строительство: в 1654 г. возводится колокольня в виде высокого восьмигранного столпа с шатром (не сохранилась), в 1659 г. построены казенные кельи. В 1667 г. монастырь стал ставропигиальным (непосредственно подчинявшийся Священному Синоду, в старину Патриарху). При архимандрите Викентии в 1678–1685 гг. к собору пристроили каменные палаты (не сохранились), тогда же возвели братский корпус. Во 2-й пол. XVII в. строится каменная надвратная церковь Рождества Христова с примыкающей трапез-

---

* **Людмила Юрьевна Морозова** – студентка 5-го курса кафедры музеологии исторического факультета Владимирского государственного университета. Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Ю.Г. Салова.

[1] *Владимирский* сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / Сост. К. Тихонравов. М., 1857. С. 69.

[2] *Тихонравов К.Н.* Богородице-Рождественский монастырь во Владимире. Владимир, 2002. С. 7.

ной, а к юго-восточному углу казенных келий пристраивается еще одно помещение.

В 1724 г. по приказу Петра I мощи Александра Невского были перенесены в Санкт-Петербург, в Александро-Невскую Лавру. В 1-й пол. XVIII в. территорию монастыря обнесли каменными стенами с башнями. С 1744 г. здесь стал располагаться Архиерейский дом Владимирской епархии, в связи с чем в 1748 г. по заказу епископа Платона строятся каменные Архиерейские палаты. Примерно в это же время был изменен декор палат и паперти у собора. В 1828–1931 гг. перестраивались фасады и интерьер казенных келий. В 1831–1840 гг. под руководством губернского архитектора Е.Я. Петрова реконструируются Архиерейские палаты: боковые части понижены на один этаж, изменены интерьеры, здание получило новую кровлю с переломом.

Следующий этап в изменении облика комплекса связан с повелением Александра II о реконструкции и реставрации собора и монастыря. В 1859–1869 гг. по проекту архитектора Н.А. Артлебена собор полностью перестраивается в кирпиче, в формах, близких к первоначальным, но более дробных и сухих. В 1859 г. сделана каменная пристройка к братскому корпусу, значительно меняется его декор и интерьер. В 1867 г. перестраивается корпус казенных келий, к нему сделана еще одна пристройка, изменен декор. В 1866–1867 гг. по проекту того же Артлебена капитально перестроена надвратная Христорождественская церковь и трапезная. Тогда же вновь был несколько изменен декор Архиерейских палат.

Главным соборным храмом обители являлся древний белокаменный храм во имя Рождества Богородицы. С севера от него находилась церковь святых мучеников Фотия и Аникиты, построенная в XVIII в. в другом месте и перенесенная на территорию монастыря в 1800 г. Подлинным украшением обители была шатровая колокольня с часами, находившаяся к западу от собора, на одной линии с ним[1].

Белокаменный собор Рождественского монастыря разделил трагическую судьбу многих православных храмов в Советской России. Однако история его «ликвидации», сохранившаяся в архивных документах, до последнего времени оставалась неизвестной[2].

---

[1] *Тихонравов К.Н.* Богородице-Рождественский монастырь во Владимире. Владимир, 2002. С. 9.

[2] *Тимофеева Т.П.* Лежит в развалинах твой храм… Документальные хроники. Владимир, 1999. С. 23.

Заложенный в 1192 г., Рождественский собор сильно обветшал к XIX в. и в 1860-е гг. был реставрирован – переложен почти заново, но на древнем основании, с сохранением – исключая галереи и башни – первоначального плана, всего облика и древних резных порталов. Новые иконы, иконостас, светильники, утварь украсили церковный интерьер, так что к 1917 г. он не был ни ветхим, ни заброшенным или неприглядным. Но очень скоро стал таким.

В январе 1918 г. вышли два декрета, сыгравшие роковую роль в судьбе Рождественского монастыря: об отделении церкви от государства и об образовании ВЧК. В июле того же года в монастырь пришли новые хозяева: войска внутренней охраны, обслуживавшие нужды губернского отдела ЧК. 26 июля Епархиальный совет обратился в губисполком с заявлением, где высказал опасение, как бы с занятием монастыря в нем не прекратилось богослужение. Ответ на это, опубликованный в местной газете, был такой: «Совет рабочих и крестьянских депутатов… ни на минуту не допускал даже предположения, чтобы эта мера вызвала прекращение служб в монастырских храмах… и не думал покушаться на целость монастырской церкви… и не только не хочет лишать желающих посещать церковь, но, напротив, готов принять всяческие меры к обеспечению свободного отправления установленных религиозных обрядов»[1]. Но 15 августа 1918 г. Соборный церковный совет получил предписание: «Президиум Владимирской Чрезвычайной Комиссии предлагает Вам дать три комнаты в помещении странноприимного дома предъявителю сего иеромонаху отцу Неофиту с братиею»[2]. Прекратились службы в Рождественском соборе.

28 июня 1920 г. командир 10-го отдельного стрелкового батальона войск ВОХР (внутренней охраны) Н. Субботин представил в губЧК документ о необходимости занять те помещения, где еще шла церковная служба. 15 июля 1920 г. губисполком постановил передать в распоряжение ВОХР все здания в стенах монастыря, «в крайнем случае принять соответствующие меры»[3]. И в августе 1920 г. весь монастырь был занят.

29 мая 1924 г. губОНО сообщает в губисполком: «Крестьяне села Спасского Богословской волости Владимирского уезда обра-

---

[1] *Государственный* архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 445. Оп. 1. Д. 176. Л. 2.

[2] *ГАВО*. Ф. 358. Оп. 3. Д. 138. Л. 201, 173.

[3] *ГАВО*. Ф. 445. Оп. 1. Д. 155. Л. 112.

тились в губмузей губОНО через уездно-городскую милицию и Владимирский уездный исполком с ходатайством о предоставлении им главного холодного Рождественского храма в бывшем Рождественском монастыре на сломку для постройки в с. Спасском из материала храма школы. Храм этот построен в 1869 г. как копия древнего храма, художественного и исторического значения не имеет. Но весь Рождественский монастырь в целом как исторический памятник состоит на учете музейного отдела Главнауки Наркомпроса. Ввиду этого губОНО не считает для себя возможным разрешить передачу Рождественского храма на сломку без ведома и разрешения музейного отдела Главнауки Наркомпроса и передает вопрос на усмотрение и разрешение губисполкома».[1] Через два дня, 31 мая, состоялось заседание президиума губисполкома, на котором «слушали: ходатайство губОНО о разрешении сломки холодного Рождественского храма в бывшем Рождественском монастыре для постройки из полученного материала школы в с. Спасском. Постановили: просить Главмузей о разрешении сломки Рождественского храма»[2]. 7 июля 1924 г. Академический центр Наркомпроса отправил в губисполком и губОНО следующее письмо: «Вследствие сообщения губмузея о возбужденном ходатайстве относительно решения сломки церкви бывшего Рождественского монастыря во Владимире, отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Главнауки Наркомпроса сообщает, что не считает возможным разрешить разборку церкви, так как она, будучи построена на остатках старинного храма, является весьма удачной копией древнейших сооружений Владимирского края и как таковая подлежит сохранению. В последующем Главнаука дала согласие на снос, которое и было зачитано на заседании горсовета 23 марта 1930 г. И в июне горкомхоз приступил к сломке собора и колокольни.

После 1918 г. и до недавнего времени территорию обители занимало Управление служб государственной безопасности по Владимирской области[3].

В 1992 г., осенью, в распоряжение Владимиро-Суздальской епархии окончательно была передана вся территория обители. Сей-

[1] *ГАВО*. Ф. 24. Оп. 1. Д. 587. Л. 195.

[2] Там же. Л. 194.

[3] *Тихонравов К.Н.* Богородице-Рождественский монастырь во Владимире. Владимир, 2002. С. 10.

час здесь располагаются Епархиальное управление, Свято-Феофановская духовная семинария и собственно монастырский корпус.

Усилиями Преосвященнейшего Евлогия, епископа Владимирского и Суздальского, священноархимандрита Богородице-Рождественского монастыря были освобождены и занимаемые КГБ помещения. Соответствующие документы были подписаны 11–13 июля 1992 г.

Первым наместником возрожденной обители стал архимандрит Юстиниан (Саган). Первые насельники разместились в голых стенах. Позднее здесь же расположились и воспитанники духовного училища. Литургию служили на переносном престоле в разных углах храма (по мере подготовки). Администрация и жители города поддержали возрождение монастыря – была оказана материальная помощь, благодаря которой удалось приобрести церковную утварь, паникадило, подсвечники, фанеру для временного иконостаса. Местный музей передал монастырю гробницу Александра Невского.

В 1993 г. была осуществлена предварительная реконструкция Христорождественского храма, освященного еще в 1863 г. великим святителем Феофаном Затворником: пробиты заложенные кирпичом проемы. В 1994 г. храм был приведен в относительно приличное состояние и вновь освящен.

29 октября 1995 г. в стенах монастыря была отслужена панихида по жертвам политического террора, захороненным на территории обители. Вместе с братией монастыря в ней участвовали хор юношей и девушек из Владимирской православной духовной школы. К мемориалу – белокаменному кресту в монастырской стене – были возложены цветы и установлены поминальные свечи.

В сентябре 1995 г. монастырь почтил своим присутствием Патриарх Московский и всея Руси Алексий II[1]. Святейший Предстоятель Русской Православной Церкви совершил торжественное освящение закладного камня возрождаемого собора в честь Рождества Пресвятой Богородицы. В настоящий момент церковь полностью восстановлена и воплощает характерные черты древнего владимиро-суздальского зодчества, она стала собирательным образом белокаменной архитектуры.

В монастыре находятся частицы мощей преподобных Киево-Печерской Лавры, преподобного Серафима Саровского, преподоб-

[1] *Тихонравов К.Н.* Там же. С. 12.

ного Силуана Афонского, святого Феофана Затворника, святых, обитавших в Смоленской Зосимовой пустыни Владимирской губернии – преподобных Зосимы и Германа, старца Алексия, священноисповедника пресвитера Петра Чельцова, Великодворск.

Важной вехой в истории обители стал выход в свет в 2000 г. «Патерика Владимирского Богородице-Рождественского монастыря».

С июля 2001 г. наместником Богородице-Рождественского монастыря стал архимандрит Нил (Сычев), ранее настоятельствовавший в Зосимовой пустыни. Братия Зосимовой пустыни перенесла в монастырь чудотворную икону Тихвинской Божией Матери. Хотя число насельников обители невелико (10 монахов и 2 послушника), они активно принялись за хозяйственно-восстановительные работы, дела благотворительности.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОМСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ*

С.Е. Непомнящих**

Издательская деятельность музеев отражает все многообразие форм и направлений музейной работы. Ведь именно активная научно-исследовательская, методическая и просветительная работа музеев, в том числе и Томского областного краеведческого музея, отражена в соответствующей печатной и электронной продукции. В этой связи издательская деятельность Томского музея заслуживает особого внимания, во-первых, потому что помогает представить во всем объеме многообразную деятельность музея. Во-вторых, популяризировать музей среди широкой аудитории можно путем издания трудов, каталогов, сборников, альбомов, путеводи-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-64110 а/Т.

** **Светлана Евгеньевна Непомнящих** – аспирантка кафедры музеологии и экскурсионно-туристической деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета. Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Э.И. Черняк.

телей, электронных изданий и т.д. Такие публикации отражают как современную историю и деятельность областного краеведческого музея, так и предшествующие времена. Все годы деятельности Томский областной краеведческий музей выпустил более 60 изданий, среди которых труды, сборники статей, материалы конференций, методические рекомендации, каталоги, брошюры, альбомы, мультимедийные издания, видеофильмы и т.д.

Видное место в научной деятельности Томского краеведческого музея занимала и занимает подготовка и издание «Трудов» музея. В мае 1927 г. музей выпустил первый сборник «Труды Томского краевого музея». Сборник включал 11 научных статей сотрудников музея[1].

В октябре 1928 г. музей приступил к изданию 2-го тома «Трудов Томского краевого музея», а также возбудил вопрос о предоставлении субсидии на издание книги «Ваховские остяки» М.Б. Шатилова по материалам Ваховской экспедиции 1926 г.[2] В итоге 2-й том Трудов вышел в 1929 г., где и был опубликован ряд статей М.Б. Шатилова о Ваховской экспедиции. В том же 1929 г. вышел 3-й том Трудов музея, в котором были опубликованы две работы видного геолога и почвоведа Р.С. Ильина о полевых исследованиях, о рельефе и почвах Томского края. В 4-м томе «Трудов», который вышел в 1931 г., была полностью опубликована работа М.Б. Шатилова «Ваховские остяки». Как видно, музей придавал большое значение изданию музейных материалов, рассматривая это как важный итог научного исследования. Первые 4 тома явились результатом работы сотрудников музея по всестороннему исследованию края.

Томский музей параллельно участвовал и в издании Трудов Общества изучения Томского края, первый выпуск которых вышел в 1927 г. В декабре 1925 г. музей стал учредителем Общества изучения Томского края. В его состав вошли М.Б. Шатилов, Б.П. Юхневич, Н.Н. Введенский, Н.И. Молотилов, М.А. Хозин, Е.Г. Мако-Тюменцева, М.А. Слободский, А.К. Иванов и другие. Общество занималось проведением экспедиций, материалы которых издавались в «Трудах Общества»[3]. Но в 1928 г. Общество вошло в состав томского отделения Общества изучения Сибири и ее производительных сил, и издание «Трудов» было прекращено.

---

[1] *Труды* Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. I.

[2] *Шатилов М.Б.* Исторический очерк... С. 25.

[3] *Труды* Общества изучения Томского края / Под ред. В.В. Ревердатто, М.А. Слободского, Б.П. Юхневича. Томск, 1927. Вып. 1.

На три десятилетия издание сборников музеем приостановилось из-за отсутствия финансирования, массовых репрессий, а с началом Великой Отечественной войны – и по причине сокращения штатов и временного свертывания музея.

Работа над изданием трудов возобновилась лишь спустя 25 лет. В 1956 г. вышел 5-й том «Трудов Томского областного краеведческого музея», а в 1962–1963 гг. 6-й том «Трудов» в двух частях. В названных изданиях рассматривались вопросы охраны природы, в частности кедра сибирского. В 1963 г. издание Трудов музея вновь было приостановлено. Причиной этому послужил периодически проводившийся ремонт здания музея, вследствие которого финансирование издательской деятельности музея было приостановлено. В середине 1970-х гг. неоднократно предпринимались безуспешные попытки возобновить издание музейных трудов.

И лишь начиная с 1994 г. краеведческий музей возобновил выпуск этого издания. На протяжении последующих лет было выпущено 9 томов «Трудов», в которых сотрудники музея освещали вопросы истории томского краеведения, деятельности Томского краеведческого музея, формирования его фондов и коллекций, археологического, этнографического изучения края. Таким образом, одна из основных задач издания виделась авторами в совершенствовании и развитии знаний по истории родного края.

Несмотря на недостаточное финансирование и проблемы с помещениями в 1950-х гг. издательская деятельность музея, как уже говорилось ранее, была возобновлена. В 1955–1956 гг. музей организовал общественно-научную конференцию по проблеме кедра сибирского. По итогам конференции музеем были выпущены «Бюллетень № 1 заочной конференции по кедру сибирскому» и брошюра «Кедр сибирский». Это была первая брошюра Томского областного краеведческого музея. В 1956 г. сотрудник музея И.М. Марков подготовил брошюры «Изучай свой край» из серии «К изучению недр Томска областными краеведческими кружками»[1].

Планировалось издать еще ряд брошюр из этой серии, но этого не произошло из-за отсутствия финансов. Тем не менее возрождение издательской деятельности ТОКМ способствовало росту активности музея в научных исследованиях и повышению научного уровня работников музея.

---

[1] *Марков И.М.* К изучению недр Томской области краеведческими кружками. Томск, 1956. («Изучай свой край». Вып. 1).

Помимо «Трудов» и брошюр Томский краеведческий музей выпускал также и научные каталоги. Во второй половине 1970-х гг. сотрудники Томского музея начали работу над каталогами постоянной экспозиции музея. Были составлены каталоги по художественному отделу: «Русское искусство 18–19 вв.», «Западноевропейское искусство», «Искусство стран Востока»[1], а также каталог выставки произведений молодых художников, проходившей в Томском музее в 1972 и 1977 гг.[2] Составление этих каталогов в значительной мере облегчило задачу осмотра предметов отдела и выставки, а, кроме того, имело и важное источниковедческое значение.

Начиная с 1980-х гг. Томский краеведческий музей издавал методические рекомендации для общественных музеев. Первый выпуск был осуществлен в 1984 г. совместно с областной станцией юных туристов – «Методические рекомендации по учету и хранению фондов общественных музеев Томской области»[3]. Публикуемые материалы были направлены на решение разнообразных теоретических и практически задач (создание музейной экспозиции, формирование экскурсионной тематики, комплектование фондов, сохранение и подготовка к экспонированию музейного предмета и др.). Кроме того, было выпущено около 10 методических пособий.

С 1996 г. на базе Томского краеведческого музея был издан ряд каталогов с иллюстрированными приложениями, описанием предметов, отражающих коллекции по истории и культуре: «Старопечатные книги Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея»[4], «Самопрялки из фонда Томского обла-

---

[1] *Архив* Томского областного краеведческого музея. Оп. 1. Д. 462. Отчет о деятельности музея в 1977 г. Л. 4.

[2] *Томская* областная выставка произведений молодых художников: Каталог II выставки произведений молодых художников г. Томска: Живопись. Графика. Скульптура. Декоративно-прикладное искусство / Сост. А.В. Чащина, В.М. Флегонтова. Томск, 1972; *Областная* выставка произведений молодых художников: Каталог VII областной выставки произведений молодых художников г. Томска: Живопись. Графика. Скульптура. Монументально-декоративное. Театрально-декорационное. Декоративно-прикладное / Сост. В. Ротман. Томск, 1977.

[3] *Архив* ТОКМ. Оп. 1. Д. 731. Документы по общественным музеям. Л. 8.

[4] *Старопечатные* книги Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея: Каталог / Сост. О.Н. Бахтина при участии Н.Ж. Ветшевой. Новосибирск, 1996.

стного краеведческого музея»[1], «Карты и атласы Томского областного краеведческого музея»[2], «Старообрядческая «библиотека Нифантовых»[3], по зоологии и палеонтологии: «Зоологические коллекции позвоночных животных ТОКМ»[4], «Коллекции четвертичных млекопитающих ТОКМ»[5].

На рубеже веков в ТОКМ началась активная работа по изданию книг, альбомов по этнографическим и археологическим коллекциям музея. В 1997 г. сотрудник ТОКМ Я.А. Яковлев выпустил красочный альбом-календарь «Сокровища томской земли» с иллюстрациями предметов кулайской культуры[6]. В 2001 г. Я.А. Яковлев опубликовал книгу «Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место»[7], в которой подробно описаны предметы кулайской культуры из фондов музея. В 2003 г. Томский краеведческий музей совместно с правительством и департаментом культуры и искусства Ханты-Мансийского округа издает альбом, характеризующий этнографическую коллекцию теперь уже ваховских хантов из фондов ТОКМ – «Лар-ях – народ с заливных лугов: Этнографическая коллекция ваховских ханты в Томском областном краеведческом музее»[8]. В 2002 г. музей выпустил книгу «Эт-

---

[1] *Самопрялки* из фонда Томского областного краеведческого музея: Каталог / Сост. Е.Р. Фендель. Томск, 2002.

[2] *Карты* и атласы Томского областного краеведческого музея: Каталог / Сост. И.В. Козлова. Томск, 2002.

[3] *Старообрядческая* «библиотека Нифантовых» из фондов Томского областного краеведческого музея: Каталог / Сост. О.Н. Бахтина, Е.Е. Дутчак, Е.Г. Захарова. Томск, 2005.

[4] *Родионова Е.Б.* Каталог зоологических коллекций позвоночных животных Томского областного краеведческого музея // Краеведение Сибири: история и современность: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Кемеровского областного краеведческого музея. Кемерово, 1999. С. 143–145.

[5] *Коллекции* четвертичных млекопитающих Томского областного краеведческого музея: Каталог / Сост. А.В. Шпанский. Томск, 2000.

[6] *Яковлев Я.А.* Сокровища томской земли. Черты исчезнувших цивилизаций. Томск, 1997.

[7] *Яковлев Я.А.* Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск, 2001.

[8] *Лар-ях* – народ с заливных лугов: Этнографическая коллекция ваховских ханты в Томском областном краеведческом музее: Альбом / Н.А. Тучкова, А.Г. Тучков; Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск, 2003.

нографические рисунки И.Г. Георги»[1], а в 2004 г. благодаря совместной работе сотрудников Томского музея, Томского государственного педагогического университета, Московского государственного университета и Института языкознания РАН в свет вышла книга «Мифология селькупов»[2]. Издание ряда книг с иллюстрированными приложениями, описанием предметов, отражающих материальную и духовную культуру народов Сибири должно было послужить распространению информации о коллекциях, о проводимых в музее исследованиях.

В начале XXI в. в ТОКМ параллельно с изданием книг с описанием этнографических и археологических собраний велась активная работа по формированию каталогов коллекций музея. Ее результатом стало издание в 2001 г. первого такого каталога «Хантыйская коллекция Томского областного краеведческого музея» (составитель – Н.А. Тучкова)[3]. Это одно из самых удачных описаний и систематизаций подобных коллекций музея. Каталог включает описание предметов хантыйской коллекции Томского и Колпашевского краеведческих музеев, которые характеризуют васюгано-ваховскую группу хантов. В 2004 г. к этой серии каталогов прибавился каталог «Этнографические фотографии И.С. Фатеева с р. Тыма 1938–1940 гг. из фондов Томского и Колпашевского краеведческих музеев» (составители – Ю.К. Рассамахин, А.Я. Яковлев). Каталог содержит сюжетное описание и техническую характеристику 200 фотофиксаций, выполненных фотографом Нарымского окружного музея краеведения И.С. Фатеевым в 1938 и 1940 гг. во время комплексных экспедиций на р. Тым. В 2007 г. вышел каталог «Селькупская этнографическая коллекция Колпашевского краеведческого музея» (составитель – А.А. Пихновская)[4], характеризующий предметы этнографических сборов 1934–1973 гг. по нарымским (южным) селькупам. Помимо каталогов этнографических собраний, коллекций, сотрудники музея выпустили каталог этнографической выставки «Дочери Сарры» (со-

---

[1] *Этнографические* рисунки И.Г. Георги / Сост. Л.А. Тимофеева, Н.А. Тучкова, Т.И. Чернова. Томск, 2002.

[2] *Мифология* селькупов / Н.А. Тучкова, А.И. Кузнецова, О.А. Казакевич, А.А. Ким-Малони, С.В. Глушков, А.В. Байдак; Научн. ред. В.В. Напольских. Томск, 2004.

[3] *Хантыйская* коллекция Томского областного краеведческого музея: Каталог / Сост. Н.А. Тучкова. Томск, 2001.

[4] *Селькупская* этнографическая коллекция Колпашевского краеведческого музея: Каталог / Сост. А.А. Пихновская. Томск, 2007.

ставитель – Т.Ю. Назаренко)[1], посвященной истории сибирских евреев и еврейской женщине. В целом же все эти научно-популярные каталоги музейных собраний, коллекций, выставок предназначены не только для специалистов-этнографов, но и для широкой аудитории и в доступной форме сообщают основные сведения о наиболее популярных предметах музея.

Работа по каталогизации музейных фондов и представлению их общественности продолжается. В 2002 г. вышел первый компакт-диск выставки «Дочери Сарры»[2], в дальнейшем на компакт-дисках было выпущено еще 2 каталога[3], 3 виртуальные выставки[4], виртуальный фотоальбом[5], видеофильм[6] и т.д., тематика которых разнообразна. Электронные издания посвящены коллекциям музея, исследователям Сибири, национальным праздникам, истории Томска и т.д.

Отдельно следует сказать об издательских проектах, связанных с просветительной деятельностью музея, популяризацией истории и культуры Томской области. Начиная с 1982 г. благодаря сотрудникам музея в свет вышел ряд научно-популярных очерков, посвященных возникновению крупнейших административных центров Томского края, их экономической, культурной и общественной жизни. Так, в 1982 г. вышло издание, посвященное г. Колпашеву, в 1984 г. – п. Нарыму, в 1993 г.– Тогуру[7]. В 1995 г. в свет вышел первый сборник научно-популярных краеведческих материалов «Земля Асиновская»[8], который открыл серию изданий материалов и статей, посвященных отдельным административным районам Томской

---

[1] *Выставка* «Дочери Сарры»: Каталог / Сост. Т.Ю. Назаренко. Томск, 2002.

[2] *Виртуальная* выставка «Дочери Сарры». Томск, 2002.

[3] *Каталог* татарской коллекции ТОКМ. Виртуальная презентация. Томск, 2002; *Каталог* хантыйской коллекции ТОКМ. Виртуальная презентация. Томск, 2003.

[4] *Виртуальная* выставка «Открытие Сибири». Томск, 2002; «*Традиционная* художественная береста». Томск, 2003; «*Символика* Томской земли». Томск, 2004.

[5] *Виртуальный* фотоальбом «Виды старого Томска». Томск, 2004.

[6] *Видеофильм* «Сабантуй». Томск, 2004.

[7] *Сергеева Н.Я., Ефимова Е.М.* Колпашево. Новосибирск, 1982; *Мезенцева* Л.В. Нарым. Новосибирск, 1984; *Яковлев Я.А.* Тогур. Томск, 1993.

[8] *Земля* асиновская: Сб. научно-популярных очерков к 100-летию г. Асина / Отв. ред. Я.А. Яковлев Томск, 1995.

области. Серия выходила под руководством Я.А. Яковлева и при участии многих сотрудников музея[1].

В 2000 г. ТОКМ опубликовал материалы из фондов в издании «Усадьба И.Д. Асташева – Томский областной краеведческий музей»[2]. Оно посвящено истории одного из памятников архитектуры федерального значения – усадьбе И.Д. Асташева и некоторым эпизодам создания и становления Томского областного краеведческого музея, расположившегося на площадях зданий усадьбы. В 2003 г. в свет вышел альбом «Томский областной краеведческий музей: из прошлого в будущее»[3], который охватил все многообразие деятельности музея за 80 лет его развития.

В 2004 г., благодаря помощи областной и городской администрации, ряда организаций Томской области, в свет вышла книга «Томск: история города в иллюстрациях. 1604 – 2004 гг.»[4] – иллюстрированная хроника событий, вызвавшая большой общественный резонанс. В ней собраны материалы из фондов ТОКМ, иллюстрирующие четыре века истории нашего города. Многие изображения предметов, документы и фотографии опубликованы впервые. Его основная цель заключалась в популяризации исторического и культурного наследия г. Томска среди горожан, интересующихся прошлым и настоящим своей малой Родины, а также в объединении опыта и знаний местных ученых и краеведов в этом направлении.

---

[1] *Земля* каргасокская: Сб. научно-популярных очерков / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск, 1996; Земля парабельская: Сб. научно-популярных очерков / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск, 1996; *Земля* верхнекетская: Сб. научно-популярных очерков к 60-летию образования Верхнекетского района / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск, 1997; *Земля* александровская: Сб. научно-популярных очерков к 75-летию образования Александровского района / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск, 1999; *Земля* колпашевская: Сб. научно-популярных очерков / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск, 2000; *Земля* чаинская: Сб. научно-популярных очерков к 100-летию с. Подгорного / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск, 2001; *Земля* первомайская: Сб. научно-популярных очерков / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск, 2001; *Земля* кожевниковская: Сб. научно-популярных очерков к 75-летию образования Кожевниковского района / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск, 2006.

[2] *Усадьба* И.Д. Асташева – Томский областной краеведческий музей / Сост. Е.А. Андреева. Томск, 2000.

[3] *Томский* областной краеведческий музей: из прошлого в будущее: Альбом / Отв. ред. Э.И. Черняк. Томск, 2003.

[4] *Томск*: История города в иллюстрациях. 1604–2004. Томск, 2004.

На протяжении всей истории деятельности музеем ведется активная работа по созданию трудов, печатных каталогов, книг, альбомов музейных фондов, буклетов, методических пособий, сборников тезисов и докладов всероссийских и региональных семинаров и конференций.

Результаты издательской деятельности Томского областного краеведческого музея высоко ценятся коллегами и независимыми экспертами. Подводя итоги, отметим, что хорошо поставленная издательская деятельность может занимать не вспомогательные, а ведущие позиции при решении важных целей и задач музея, в том числе направленных на расширение круга заинтересованных лиц, желающих познакомиться с музейными коллекциями, с историей и культурой г. Томска и Томской области.

УЧЕБНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Е.Ю. Ретюнская*

Университетское образование в конце XIX – начале XX в. было призвано «содействовать развитию наук в российском государстве и сообщать лицам, надлежаще к тому подготовленным, как общее, так и специальное высшее образование, а также способствовать приготовлению их к деятельности на различных поприщах государственного и общественного служения, требующих научной подготовки»[1].

В достижении этой цели важная роль отводилась учебно-вспомогательным учреждениям (кабинетам, лабораториям, музеям). Поэтому член, а затем и председатель Строительного комитета по сооружению в Томске университета В. М. Флоринский получил от Министерства народного просвещения особые полномочия: «…наблюдение за правильным устройством специальных учебных

* **Екатерина Юрьевна Ретюнская** – студентка 3-го курса кафедры музеологии и экскурсионно-туристической деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета. Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Н.М. Дмитриенко.

[1] *Устав* Императорских российских университетов 1884 г. Ст. 2.

и научных приспособлений в аудиториях, лабораториях, кабинетах, библиотеке и других помещениях университета, требующих выполнения тех или других специально учебных целей»[1]. В. М. Флоринский привлёк к проектированию Томского университета выдающегося учёного и организатора научных исследований Д.М. Менделеева, который спланировал учебные помещения главного университетского здания, наметил расположение лабораторий, музеев и кабинетов. Эти наметки были переданы автору архитектурного проекта университета А.К. Бруни и были включены в окончательный вариант проекта.

К моменту открытия Императорского Томского университета в главном корпусе были устроены физический, гистологический кабинеты, лаборатория и кабинет по общей, аналитической и медицинской химии, зоологический и археологический музеи и библиотека.

Недостатка помещений для размещения этих учреждений не было, так как при строительстве университета учитывалась возможность последующего его расширения. Кроме того, анатомический институт занимал отдельное 2-этажное здание. На первом этаже имелось 3 рабочих комнаты, а на втором – анатомический музей[2].

Помещения учебно-вспомогательных учреждений были строго специализированы по видам деятельности и хорошо оборудованы. Так, физический и гистологический кабинеты имели много окон для нормального естественного освещения, достаточную температуру и вентиляцию, необходимую по роду занятий в этих кабинетах. Необходимые препараты и посуду хранили в специально изготовленных деревянных шкафах[3].

Особое внимание уделялось оснащению учебно-вспомогательных учреждений необходимыми для работы материалами и инструментами. Большинство приборов и оборудования привозили или заказывали в Германии и Франции. Так, например, профессор химии С.И. Залесский представил университету счёт за выписанные им микроскопы для химической лаборатории[4]. Подобные счета часто удовлетворялись.

---

[1] См.: *Почётные* члены и доктора Томского университета (1891–2007 гг.) / Под ред. Г.В. Майера и С.Ф. Фоминых. Томск, 2007. С. 13–14.

[2] *Отчёт* о состоянии Императорского Томского университета за 1888–1889 гг. Томск, 1889. С. 18.

[3] Там же. С. 22–24.

[4] *ГАТО*. Ф. 102. Оп. 1. Д. 20. Л. 30.

Преподаватели заказывали и необходимую литературу. Как правило, учебники поставлял книгопродавец П.И. Макушин, один из учредителей торгового дома «Михайлов и Макушин». Сохранилось его заявление, сделанное на имя ректора, о том, что торговый дом «Михайлов и Макушин» в Томске предоставил 485 экземпляров книг, изданных им для продажи[1].

Оборудованием вспомогательных учебных учреждений занимались сами профессора, заведующие кафедрами. Например, кабинет и музей нормальной анатомии полностью обустраивали профессор анатомии Н.М. Малиев, а также его помощник прозектор С.М. Чугунов. За время работы в университете они изготовили 597 анатомических препаратов[2]. Ректор университета, профессор Н.А. Гезехус тоже изготавливал приборы для физического кабинета и описывал их[3]. Самый большой вклад в создание учебно-вспомогательной базы Томского университета внёс попечитель Западно-Сибирского учебного округа профессор В.М. Флоринский. Он не только инициировал создание в университете археологического музея, но и долгое время руководил им, участвовал в формировании фондов и составил первые каталоги этого музея[4].

По данным на 1898 г., оборудование 25 кабинетов Императорского Томского университета оценивалось в 215917 руб. В то же время стоимость имущества кабинетов медицинских и естественно-исторических кафедр Казанского университета оценивалась в 317452 руб[5]. Конечно, Казанский университет, учреждённый в

---

[1] Там же. Д. 8. Л. 21.

[2] *Некрылов* С.А. Организация учебного процесса в дореволюционном университете: на примере Императорского Томского университета // Изменения в обществе и классический университете: история и современность. Томск, 2005. С. 20.

[3] *Томский* университет. 1880–1980 / Отв. ред. М.Е. Плотникова. Томск, 1980. С. 27.

[4] См.: *Ожередов Ю. И.* Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета:125 лет служения // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: Сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2008. Вып. 2. С. 22–27.

[5] *Некрылов С.А.* Организация учебного процесса в дореволюционном университете: на примере Императорского Томского университета // Изменения в обществе и классический университете: история и современность. Томск, 2005. С. 20.

1804 г., располагал более мощной материальной базой, но если сравнивать только обеспечение медицинских факультетов в обоих вузах, то Томский университет ненамного уступал Казанскому.

Средства на учебно-вспомогательные учреждения формировались за счёт государственного финансирования и частных пожертвований.

Крупными жертвователями были российские промышленники, купцы. В дар Томскому университету передавались коллекции минералов, археологических предметов, чучела животных и др.[1]

Среди особо крупных жертвователей были В.Т. Зимин и А.М. Сибиряков. Благодаря В.Т. Зимину, который пожертвовал университету сумму в размере 103466 руб., было осуществлено строительство бактериологического института[2]. На пожертвования А. М. Сибирякова были полностью оснащены кабинеты медицинского факультета университета.

Созданные в Императорском Томском университете учебно-вспомогательные учреждения были вполне обеспечены площадями, учебными пособиями, приборами и др. оборудованием и использовались для учебных занятий студентов и научной работы преподавателей.

РУССКАЯ ДЕРЕВЯННАЯ УТВАРЬ В КОЛЛЕКЦИЯХ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ им. В.М. ФЛОРИНСКОГО (МАЭС) ТГУ

И.А. Рогозникова*

Материальная культура любого народа – важный источник информации о его быте и мировоззрении. В настоящее время традиции и быт почти утрачены и забыты. Единственным местом, где они сохранились, был и остается музей. Изучая музейные коллек-

[1] См.: *Краткий* исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913 гг.). Томск, 1917. С. 216.

[2] *Томский* университет. 1880–1980 / Отв. ред. М.Е. Плотникова. Томск, 1980. С. 51.

***Ирина Алексеевна Рогозникова** – студентка 2-го курса кафедры музеологии и экскурсионно-туристической деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета. Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор О.М. Рындина.

ции, можно воссоздать утраченную информацию о народе и его культуре. Одним из важных этапов работы с музейными предметами является их систематизация для их последующего подробного описания с целью выявления общего и особенного в их свойствах.

Существуют различные классификации русской утвари. В основе классификации Д.К. Зеленина[1] лежат материал, техника и форма. Он разделяет всю восточнославянскую утварь по материалу на деревянную, керамическую и металлическую. Деревянную утварь он делит по способу изготовления на долбленую, бондарную и точеную. Глиняную посуду по форме подразделяет на три типа – в виде овала, цилиндра или усеченного конуса. По моему мнению, эта классификация слишком общая и с ее помощью невозможно провести глубокое описание утвари.

С.К. Просвиркина[2] предлагает классификацию утвари по функции: 1) для напитков; 2) обеденная для горячей пищи. Далее идет разделение по форме и месту бытования. Дополнительно учитывается техника изготовления предметов – долблено-резная и точеная. Данная классификация охватывает более широкий спектр признаков для описания, но она также не дает точного описания, так как не учитывает всех возможных применений какого-либо предмета.

Т.А. Воронина[3] предлагает следующую классификацию деревянной утвари, основанную на функциональном признаке: 1) столовая посуда; 2) посуда для напитков; 3) кухонная посуда; 4) погребная бондарная посуда; 5) плетеные вместилища. Данная классификация затрагивает уже более широкий круг употребления утвари, но она также не позволяет полностью описать ее.

В «Тематическом классификаторе этнографических коллекций»[4] представлена подробная классификация деревянной утвари русских по функциональному признаку:

---

[1] *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. С. 138–142.

[2] *Просвиркина С.К.* Русская деревянная посуда. М., 1957. С. 25.

[3] *Воронина Т.А.* Утварь (19–20 века) // Русские. М.: Наука, 1999. С. 397–415.

[4] *Тематический* классификатор этнографических коллекций / Д.А. Горб, Э.Г. Торчинская, О.М. Фишман. Л., 1989. С. 17–19.

– Очажная и печная утварь.
– Утварь для воды.
– Для обработки и хранения зерна, крупы, муки.
– Для выпечки и хранения хлеба.
– Для обработки и хранения молочных продуктов.
– Для обработки и хранения мяса.
– Для обработки и хранения рыбы.
– Для получения и хранения растительных масел.
– Для переработки и хранения лесных и огородных продуктов.
– Для приготовления, хранения и употребления напитков.
– Столовая утварь.
– Для хранения мелких предметов домашнего обихода.
– Для стирки и глажения.
– Предметы личной гигиены.
– Для уборки помещения.
– Дорожная и промысловая утварь для переноски и перевозки грузов, для сбора ягод, для приготовления пищи в дороге.

Познакомившись с классификациями русской деревянной утвари, предложенными в литературе, я пришла к выводу, что нет выработанного общего мнения по поводу описания утвари, каждый автор пользуется собственной классификацией. Наиболее подходящей для целей авторской классификации является разработка, которая представлена в «Тематическом классификаторе…», но данная классификация слишком дробная, особенно это касается утвари, задействованной в обработке, хранении и приготовлении пищи. Она не позволяет выявить общее в рамках одной категории вещей, так как не учитывает их полифункциональность. В результате изучения музейных материалов я попыталась разработать собственную классификацию утвари, главным критерием которой выступает функциональность:

1. Для сбора (совки, грабилки).
2. Для переноски (ведра, туеса).
3. Для хранения (кадки, бочонки, ларцы, шкатулки).
4. Для обработки (ступы, решёта, скалки).
5. Для приготовления пищи (маслобойки, шумовки).

6. Для потребления пищи и других продуктов (ложки, мундштуки, трубки).

7. Для измерения (безмены, весы).

8. По уходу за детьми (люльки, игрушки).

9. Для стирки и глажения (вальки, рубели, шайки).

10. Для освещения (светцы).

11. Для ухода за животными (корыта).

Мною была проделана работа по выявлению и классификации предметов русской деревянной утвари в Музее археологии и этнографии Сибири (МАЭС) ТГУ. Основой для составления методики предварительного описания послужила тематическая таблица «Общие сведения о коллекциях» [1]. В ней 6 пунктов (признаков): номер коллекции, название предмета, фамилия того, от кого поступил предмет, место сбора, год сбора, состав коллекции. Последний пункт был изменен – не состав коллекции, а категория предмета. Опираясь на собственную классификацию утвари, я получила следующие результаты.

Было выявлены 42 единицы хранения русской деревянной утвари. Среди них больше всего ложек (8 ед. хр.) и солонок (5 ед. хр.). Совков, мутовок и рубелей по 2 ед. хр. Остальных предметов по 1 ед. хр.: чашка, корзина, набирка, колыбель, кошка, колотушка, кадочка, лагушок, сельница, сырница, подойник, скалка, шайка, кружка, корытце, «пиала», светец, терка, крошни, бочонок, бирка, бралка, каталка.

Данные экспонаты поступили от следующих исследователей: В.М. Флоринского (11 ед. хр.), П.Е. Бардиной (9 ед. хр.), Е.Е. Ситниковой (8 ед. хр.), Н.А. Томилова (4 ед. хр.), О.М. Рындиной (2 ед. хр.). Из экспедиции 1979 г. П.Е. Бардиной, Е.Е. Ситниковой, Е. Румянцевой, С. Гунашева, В. Шонина было привезено больше всего предметов русской деревянной утвари, таких как колотушка, солонка, лагушок и др.

При анализе места сбора предметов утвари выяснилось, что большинство экспонатов было привезено из деревни Тебеняк Кол-

[1] *Станюкович Т.В.* // Сборник музея антропологии и этнографии. Вып. XXXVIII / Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР. Л., 1982. С. 185, 192.

пашевского района (9 ед. хр.), а также из села Инкины Юрты Колпашевского района (3 ед. хр.), с заимки Вахрушево (2 ед. хр.).

Наиболее успешными для сборов стали 70–80-е гг. XX в., именно в это время в МАЭС поступило большинство предметов утвари.

Самое большое число предметов русской деревянной утвари, выявленных в процессе изучения коллекций МАЭС, предназначено для потребления пищи, это ложки (8 ед. хр.), чашка, «пиала». Также выявлено 7 ед. хр., которые использовались для хранения, – солонки (5 ед. хр.), кадочка, бочонок. Для сбора ягод предназначены 6 предметов – набирка, кошка, совки (2 ед. хр.), «бралка», «бирка». Из утвари, предназначенной для обработки, в коллекции имеется 4 ед. хр.: сельница, скалка, рубель, терка. Для переноски тяжести предназначены 4 предмета: корзина, лагушок, крошни, шайка. Также выявлены 4 предмета для приготовления пищи: колотушка, сырница, мутовки (2 ед. хр.). По 2 предмета из коллекции предназначены для ухода за животными: подойник, корытце. Для стирки и глажения использовались каталка и рубель. В одном экземпляре представлена утварь по уходу за детьми – колыбель и для освещения – светец. Совсем не представлены в коллекции приспособления для измерения.

Имеются музейные предметы без сопроводительной информации о месте их сбора, например некоторые предметы, собранные В.М. Флоринским: скалки, шайка, солонка и др.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Предметы русской утвари начали собираться в музее практически с его основания. Этому направлению собирательской деятельности уделял внимание В.М. Флоринский. Больше всего в коллекции МАЭС таких предметов, как ложки, солонки, совки. Наиболее распространенной в коллекции является утварь для потребления пищи, для хранения продуктов и для сбора ягод. Места сбора охватили территорию Томской области. Большинство предметов собрано в 70–80-е гг. XX в. этнографами ТГУ в ходе полевых экспедиций.

ПОТАНИНСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ В МУЗЕЕ ИСТОРИИ КНИГИ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТГУ

Т.В. Родионова*

Изучение жизни и деятельности выдающегося исследователя и общественного деятеля Сибири Г.Н. Потанина требует дальнейшего поиска и систематизации источников. В этом отношении важно сосредоточиться на выяснении возможностей фондов томских музеев, в которых хранятся письменные и вещественные источники, рассказывающие о Г.Н. Потанине. Начало такой работе положено публикациями Г.И. Колосовой, Г.С. Гурьевой, В.А. Муравской[1]. Однако до сих пор нет описания потанинской коллекции в Музее истории книги Научной библиотеки ТГУ. Решению этой задачи и посвящена данная статья.

Некоторые вещи, книги, фотографии, принадлежавшие Г.Н. Потанину, предположительно еще при его жизни, были переданы в Институт исследования Сибири. В июле 1920 г., когда Ин-

*__Татьяна Валерьевна Родионова__ – студентка 5-го курса кафедры музеологии и экскурсионно-туристической деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета. Научный руководитель – д-р. ист. наук, профессор Н.М. Дмитриенко.

[1] *Колосова Г.И.* История поступления научного наследия Г.Н. Потанина в Научную библиотеку Томского университета // Доклады межрегиональных межвузовских «Потанинских чтений», посвященных 160-летию со дня рождения Г.Н. Потанина. Томск, 1996; *Гурьев Г.С.* К истории формирования интеллектуального потенциала Сибири конца XIX – начала XX в. (Фонд Г.Н. Потанина в Томском областном краеведческом музее) // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2002. Т. 12; *Муравская В.А.* Фонд Г.Н. Потанина в Томском областном краеведческом музее: опыт и проблемы изучения и использования // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе: Материалы Всероссийской научной конференции. Томск, 18–20 марта 2002 г. Томск, 2002; *Васенькин Н.В., Колосова Г.И.* Обзор архива Г.Н. Потанина, хранящегося в фонде Научной библиотеки Томского государственного университета // Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 170-летию Г.Н. Потанина «Г.Н. Потанин – ученый, путешественник, общественный деятель: Российская интеллигенция XIX века и проблемы истории и этнографии казахов». Павлодар, 2005.

ститут закрывался, было принято решение передать рукописи Г.Н. Потанина в библиотеку Томского технологического института, но в декабре 1920 г. потанинское собрание было перевезено в библиотеку Томского университета[1]. В течение многих лет потанинское наследие перемещалось из одного учреждения в другое, было разрознено. В Научной библиотеке сохранилась только часть предметов, имеющих отношение к жизни и деятельности Г.Н. Потанина; другие потанинские вещи были переданы в Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ и Томский областной краеведческий музей[2].

В настоящее время в Музее истории книги находятся на хранении четыре живописные работы, принадлежавшие Г.Н. Потанину: «Портрет Г.Н. Потанина» Л. Мокиевской, «Нечаевская улица в Томске» И.В. Ароновой, «Алтайка» Л.П. Базановой и «Портрет Г.Н. Потанина на реке Катуни» С.М. Прохорова. Все работы написаны маслом на холсте, кроме портрета, выполненного Л. Мокиевской на деревянной основе; оформлены в рамы.

Кроме изобразительных, в Музее истории книги хранится пять вещевых источников. Прежде всего, это пепельница «Лошадь (конь)», изготовленная, предположительно, в России в конце XIX – начале XX в. из металла серого цвета способом литья, чеканки и прессовки. Пепельница представляет собой скульптурную группу: конь, стоящий у привязи, слева от него сидящая собака. Фигурки животных расположены на треугольной подставке, ближе к переднему краю которой находится углубление, имитирующее небольшое озеро (оно и предназначалось для стряхивания пепла). По всему периметру подставки нанесен орнамент в виде выемок, стилизованных изображений растительности. Известно, что Г.Н. Потанин не курил[3], но пепельницу имел, скорее всего, чтобы предложить ее

---

[1] *Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Маркевич Н.Г., Меркулов С.А*. Из истории Института исследования Сибири // Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.). Томск, 2008. С. 42.

[2] *Отчет* о проделанной работе. Комиссия по разбору архива Потанина Г.Н.: Рукопись. Л. 2 / Хранится в Отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки ТГУ.

[3] См.: *Адрианов А.В.* К биографии Г.Н. Потанина // Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич…»: Письма Г.Н. Потанину. Томск, 2007. С. 249.

курящим визитерам, что говорит о его гостеприимности, желании позволить своим гостям расслабиться, почувствовать себя «как дома». Скульптурное изображение лошади и собаки могло также напоминать Г.Н. Потанину о его путешествиях и, вполне возможно, потому и находилось на его рабочем столе.

В потанинской коллекции представлен также канделябр российского производства конца XIX – начала XX в. Канделябр изготовлен из металла желтого цвета, возможно это бронзовые сплавы, методом литья и штамповки. Этот красивый осветительный предмет включает металлическую основу, или стоян, который имеет сложную форму: выступ шарообразной формы, переходящий в конусовидную, и три выступа в виде блюдец. Стоян завершается тремя акантовыми побегами и одним точеным столбиком, на которых крепятся четыре свечника, выполненных в виде рюмок, декорированных штампованным растительным орнаментом. К сожалению, на канделябре имеется зеленоватая коррозия от расплавленного воска свечей, также отсутствует один свечник, а блюдца остальных погнуты. Эти повреждения дают возможность предположить, что канделябром долго и часто пользовались.

Одним из самых замечательных предметов потанинского собрания является костяной нож для вскрытия писем и разрезания бумаги. Нож составной, включает лезвие саблевидной формы и рукоять в форме мифологического существа с головой волка (?) и телом рыбы. Нож, возможно, был привезен Г.Н. Потаниным из какой-то поездки или был подарен.

В Музее истории книги хранится кабинетная мебель Г.Н. Потанина. Это дубовые книжный шкаф и секретер (комод) российского производства, предположительно, начала XX в. Дубовый шкаф прямоугольной формы с двумя дверцами на шарнирах выполнен с помощью рамочно-филенчатого соединения. Дверцы шкафа застеклены. Кроме того, дверцы и верхняя часть шкафа декорированы позолоченным пропильным накладным орнаментом. Декор растительный, а на дверцах в орнамент включены головы ангелочков-путти.

Секретер, как его называют сотрудники Научной библиотеки, скорее всего является кабинетным комодом прямоугольной формы с десятью выдвижными ящиками. Передняя стенка украшена фигурными планками с канелюрами наверху и внизу; правая планка

служила в качестве запора, так как посередине был расположен замок. В настоящее время механизм замка отсутствует, осталась лишь передняя металлическая часть. Ящики комода выдвигаются с помощью металлических ручек овальной формы с растительным орнаментом. В 2005 г. в преддверии Российско-немецкого саммита в Томске шкаф и комод были подвергнуты реставрации, но провели ее непрофессионально: мебель покрасили, лишив ее первоначального вида и, соответственно, информативности и временной принадлежности.

Представленные в Музее истории книги вещи характеризуют повседневную жизнь Г.Н. Потанина. Тот факт, что все вещи имеют кабинетный характер, говорит о занятиях и интересах их владельца, качество предметов – о состоятельности и вкусе. Внешний вид предметов, их стилевая принадлежность, техника изготовления позволяют предполагать, что Г.Н. Потанин пользовался ими в последние десятилетия жизни в Томске. Все предметы имеют мемориальное и историческое значение, характеризуют и жизнь Г.Н. Потанина, и историческую эпоху. Не случайно портрет работы С.М. Прохорова, а также пепельница, канделябр, нож для разрезания бумаг и книжный шкаф представлены в экспозиции музея Истории книги, воссоздают интерьер конца XIX – начала XX в.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ТОМСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ФОНДАХ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ТГУ

К.А. Семенова*

Привлечение вещественных и изобразительных источников в исследования по разнообразной проблематике становится одной из перспективных тенденций в современной исторической науке. При этом все большее научное значение получают музеи как места хранения названных источников и обработки информации, содержа-

*__Ксения Анатольевна Семенова__ – аспирант кафедры музеологии и экскурсионно-туристической деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета. Научный руководитель – д-р. ист. наук, профессор Н.М. Дмитриенко.

щейся в них. В исследованиях по истории медицины и здравоохранения традиционно использовались преимущественно письменные документы, однако расширение источниковой базы позволяет раскрыть малоизученные ранее сюжеты. Немалым потенциалом в разработке проблематики, связанной с развитием медицины и здравоохранения Томска, обладает Музей истории ТГУ.

Созданный в 1953 г. как Музей В.В. Куйбышева, в 1990-х гг. получивший современное название, музей хранит различные материалы, документы, фотографии, вещественные источники, отражающие возникновение и деятельность первого высшего учебного заведения на территории Сибири и его первого факультета – медицинского. Ряд экспонатов, относящихся к дореволюционному периоду работы университета, связан с деятельностью клиник, которые играли большую роль в системе городского здравоохранения.

Источники, находящиеся в музее и освещающие историю здравоохранения, можно разделить на три группы – письменные, изобразительные и вещественные.

В фондах музея истории ТГУ хранятся письменные источники: больничные карты пациентов университетских клиник, дипломы и свидетельства медицинских работников, личные письма и труды профессоров-медиков. Большой интерес представляет текст факультетского обещания, которое в начале XX в. давали медики-выпускники. Текст печатался на оборотной стороне диплома об окончании университетского курса. Будущий врач клялся «ничем не помрачать чести сословия, во всякое время помогать страждущим, свято хранить вверяемые семейные тайны, говорить правду прямо и без лицеприятия»[1]. Данный документ свидетельствует о том, что к лечащим врачам выдвигались не только высокие профессиональные требования, но и накладывались нравственные обязательства по отношению к больным. Кроме факультетского обещания, при поступлении на службу врач приносил клятву верности русскому императору. Она оформлялась документально и подписывалась самим врачом, священником, который приводил к клятве, и одним из высших медицинских чинов города.

В музее истории ТГУ хранится копия правил преподавания по курсу душевных болезней. Правила были приняты в 1909 г. и устанавливали порядок проведения обучения студентов в Томской ок-

[1] *Музей* истории ТГУ. № 276-б.

ружной лечебнице для душевнобольных. По этому документу можно судить о том, что практическое обучение студентов-медиков осуществлялось не только в университетских клиниках, но и в других больницах Томска; казенная больница, таким образом, совмещала роль лечебного заведения и образовательного учреждения.

В музее собраны и находятся на хранении автобиографии, жизнеописания, рукописи, письма, личные документы врачей-сотрудников университета, научные труды, статьи и брошюры университетских преподавателей, посвященные отдельным сюжетам медицины и здравоохранения. Среди них можно назвать такие опубликованные издания, как «Паровая дезинфекционная камера при факультетских клиниках Императорского Томского университета» П.В. Бутягина, «Дневник запасного врача в Русско-японскую войну 1904–1905 г.» В.П. Миролюбова, «Воспоминания первого студента Императорского Томского университета», написанные врачом Л.И. Рубинштейном, брошюра «Что такое холера?» и др.

Большую группу составляют изобразительные источники, в основном фотографии. В музее хранятся личные и семейные фотографии профессоров-медиков А.М. Никольского, Н.А. Роговича, П.В. Бутягина, М.Г. Курлова и др. Несомненный интерес вызывает альбом фотографий «Профессора и первый выпуск студентов Императорского Томского университета. 1893 г.». Этот альбом представлен в экспозиции музея. Экспонируется также фотоальбом профессора Г.Э. Иоганзена «Императорский Томский университет 1888–1910 гг.». На подлинных фотоснимках, вошедших в эти альбомы, изображены студенты и сотрудники университета, а также университетские здания, внутренняя обстановка, процесс обучения студентов, работа клиник, их персонал и даже больные. Также в Музее истории ТГУ находится много фотографий, на которых изображены университетские клиники снаружи, церковь при клиниках и ее внутреннее убранство, парадный вход в клиники, рентгеновский кабинет.

Фотографии хирургической клиники позволяют восстановить обстановку в операционной. Операционный стол располагался в центре комнаты, в которой было, вероятно, два или три окна; занавесок в операционной не вешали. Рядом с операционным столом находился столик с медицинским инструментарием, дезинфекционной жидкостью и небольшими тазами. На стене висела табличка: «Просят во время операции сохранять молчание». Вероятно, на фотографии запечатлен процесс обучения, поскольку в комнате,

кроме хирурга и помощника, находилось еще около 10–15 молодых людей, среди них одна женщина, вероятно студентка. Все одеты в белые халаты, хирург носил также белую шапочку, а ассистент – косынку, остальные стояли с непокрытыми головами. Сложно сказать, были ли на руках хирурга перчатки, поскольку не на всех фотографиях руки попали в кадр, кроме того, качество фотографий не всегда позволяет рассмотреть мелкие детали. Однако на одной фотографии видно, что хирург оперировал без перчаток[1].

Несколько фотографий изображают палаты университетских клиник. В палате обычно находилось от четырех до десяти коек, стены были покрашены светлой краской или побелены. Если больница располагалась в деревянном доме, то, обычно, изнутри помещения не отделывались. На фотографиях не видно окон, но, судя по размерам комнат, их было не более трех-четырех, а, возможно, и всего два. По периметру палат были поставлены узкие кровати, часто они составляли единственную обстановку. Иногда между двумя койками находилась массивная деревянная тумбочка, застеленная скатертью или клеенкой, на ней стояла кружка и графин с водой, вдоль стен располагались в ряд деревянные стулья. Расстояние между койками не превышало 1,5 м. Кровати были застелены покрывалами, на спинках кроватей, в ногах, висели таблички для записей. В отличие от операционной, в палатах окна занавешивались. Помещения освещались либо электрическими, либо керосиновыми лампами. Кроме больных, в палате находился профессор, ординаторы и, по-видимому, студенты. Несколько человек были без халатов, в обычной штатской одежде. Некоторые больные смотрели в объектив фотоаппарата, другие же, наоборот, старались отвернуться.

Детские палаты, судя по фотографиям, мало отличались от взрослых, но по стенам были развешаны рисунки, а кровати по бокам имели откидные решетки, которые, вероятно, ночью поднимались, чтобы предохранить ребенка от падения. Медицинский персонал в детских палатах составляли женщины.

Фонды университетского музея содержат вещественные источники. Прежде всего, это медицинский инструментарий профессоров, цветные стаканчики для лекарств профессора Д.И. Тимофеевского, микроскоп, рецепт из клинической аптеки, записная книжка и карандаш, подаренные благодарной пациенткой профессору А.М. Никольскому в 1917 г.

[1] *Музей* истории ТГУ. № 229/1.

Интересна реконструкция кабинета профессора, представленная в экспозиции музея, она создает ощущение, что за столом недавно работал человек, который ненадолго вышел из кабинета. В экспозиции представлены деревянный стол первого ректора университета Н.А. Гезехуса, рукопись М.Г. Курлова, докторская диссертация С.М. Тимашева, в стальной рамке фотография медика А.А. Введенского с женой, газеты «Утро Сибири», «Сибирская жизнь», «Томские губернские ведомости», чайная пара из китайского фарфора, пенсне, чернильница и некоторые письменные принадлежности. Фотография профессора А.М. Никольского с дочерью в домашнем кабинете подтверждает, что такая обстановка была типичной для университетских медиков[1].

В целом, в фондах Музея истории ТГУ хранятся разнообразные и, часто, уникальные музейные предметы, которые значительно расширяют источниковую базу изучения истории медицины и здравоохранения, дают конкретные представления о научной и лечебной деятельности университетских медиков.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИЙ ТОМСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В 2001 г.*

Сугак Е.С.**

В 2001 г. фонды Томского областного краеведческого музея: оружие; металл; дерево, береста; нумизматика; керамика, стекло; ткани, кожа, шелк; археология; изо; мебель; письменные и естественнонаучные источники – пополнились многими предметами, большинство из которых (74,9%) относятся к области материальной культуры, 14,2% – к изобразительным, 3,7% – к письменным и 3,6% – к биологическим. Утварь, рукоделие, экспедиционные находки поступали из различных источников.

---

[1] Музей истории ТГУ. № 80/73.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-64110 а/Т.

** **Екатерина Сергеевна Сугак** – студентка 2-го курса кафедры музеологии и экскурсионно-туристической деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета. Научный руководитель – ст. преподаватель О.С. Ульянова.

Под утварью понимается совокупность предметов домашнего обихода, включая кухонную и столовую посуду, предметы для переноски и хранения продуктов. Большинство из этих предметов передаются в фонд стекла, керамики, бересты.

24 января приняты несколько бутылок, две из которых – аптечные из синего стекла «Р. КЕЛЕРЪ Москва», «мера на 8^{мъ} бутылок», а также винные бутылки из зеленого стекла и из бесцветного прозрачного стекла с рифленым конусным дном. Также принят флакон из бесцветного стекла украшенный алмазной гранью[1].

7 февраля поступили глубокая и 4 мелкие фаянсовые тарелки[2]. 14 июня – металлический кувшин для воды синего цвета[3], детская вилка и нож-консервовскрыватель[4].

19 октября в дар от Надежды Петровны Уткиной были приняты 3 бутылки молочные (2 по 0,5 и 1 л), из голубоватого стекла с полиэтиленовыми крышечками, 1990 г., баночка из-под сметаны, 0,2 л., 1991 г.[5] Кроме того, 19 октября были приняты и другие стеклянные предметы: склянка аптечная «Бальзам Битнера»; бутылки винные «Клюква»; водка «Ностальгия с Новым 1997 годом»; «Осенний закат»; «Русская водка»; бутылка пивная сувенирная «Юбилейное 1970-1995 гг. 25. День пива». Передан на постоянное хранение коньячный набор. В него входят: 2 стопки, бутылки коньяк «Кизляр», «Лезгинка», «Азербайджанский коньяк «Баку», «Азербайджан», бутылка ликер «Unicum».[6]

23 января принят рукомойник двухрожковый, с шаровидным туловом и округлым дном, 2 носиками-рожками в виде полых, слегка суженных к верхней части цилиндров, и тогда же чугунный умывальник 1969 г. был подарен местным остяком[7]. 23 марта принят рубель и скалка для накатки половиков[8].

---

[1] *ТОКМ*. Акты приема предметов на постоянное хранение в ТОКМ. Оп. 5. Д. 746. Акт № 5.

[2] Там же. Акт приема № 9.

[3] Там же. Акт приема № 40.

[4] Там же. Акт приема № 41.

[5] Там же. Акт приема № 50.

[6] *ТОКМ*. Акты приема предметов на постоянное хранение в ТОКМ. Оп. 5. Д. 747. Акт № 51.

[7] Там же. Акты приема… Д. 746. Акт № 2.

[8] Там же. Акт приема № 12.

23 января у М.Д. Кибок была куплена за 100 р. прямоугольная шкатулка и за 40 рублей шестигранная коробочка из-под румян, изготовленная из жести, меди, стекла и украшенная перегородчатой эмалью. Они были подарены владелице Ниной Семеновной Адамовой, доцентом Томского медицинского университета[1].

23 марта была куплена швейная машинка SINGER с двойным (ручным и ножным приводом) у Э.С. Залесской за 5000 руб. Залесская Эвелина Сергеевна родилась в 1918 г. в г. Анжерке. Отец – Залесский Сергей Михайлович (1877–1938), родился в Москве. Мать – Валентина Павловна, родилась в Беловежской пуще в 1889 г., в Томске она оказалась во время Первой мировой войны, где окончила томскую гимназию. Машинка была куплена после свадьбы родителей в Тобольске в 1914 г. (вероятно, сдатчица ошибается, так как поженились они в 1915 г.). Во время переездов по Сибири машину возили с собой как самую главную ценность.

24 марта были подарены различные рукоделия: 2 полотенца, узорные и кружевные концы, машинное кружево, сквозная аппликация кружевом[2], платок головной; дорожка с ручной вышивкой; дорожка на ткани.

В 2001 г. фонды ТОКМа пополнялись в результате археологических экспедиций. Особенно активно расширялся фонд керамики. В результате проводившихся к.и.н. А.И. Бобровой археологических экспедиций в с. Староюгино Каргасокского района фонд керамики пополнился 1238 единицами[3]; в ходе раскопок Самусьского грунтового могильника, проводившихся В.С. Синяевым и Р.А. Ураевым, – 56 фрагментами неолитического времени и 92 предметами эпохи бронзы Кортульской курганной группы и 5 единицами Арготюльского могильника, случайно найденными местным жителем[4].

В 2001 г. сотрудник ТОКМ Я.А. Яковлев передал 8 фрагментов керамики эпохи Средневековья Парабельского селища[5].

Иногда на постоянное хранение передаются различные по своей тематике предметы или целые коллекции, принадлежавшие одной семье. Они достоверно могут передать историю семьи, того или иного события. Например, 25 января приняты справки, фото-

---

[1] *ТОКМ*. Акты приема… Оп. 5. Д. 746. Акт приема № 1-2.

[2] Там же. Акт приема № 17.

[3] Там же. Акт приема № 36.

[4] Там же. Акт № 37.

[5] *Архив* ТОКМ. Ф. 10. Оп. 22. Д. 15. Л. 3.

графии, личные вещи томской семьи Дудиных. Дудин Николай Николаевич родился в 1940 г. в Дачном городке за рекой, около лесотехнического техникума. Его отец – Николай Иванович, 1933 г. р., работал столяром и плотником. В годы Великой Отечественной войны он погиб на фронте. Среди сданных вещей: свидетельство о рождении Дудина Николая Ивановича; справка № 9 из отдела учета персональных потерь Министерства обороны СССР, командиру в/с п.п. 74318, копия Дудину Н.Н. от 19 июля 1974 г. о месте захоронения отца, 1978 г. справка № 4/2113 из Ленинского районного военного комиссариата в Томске о пропаже без вести Дудина Н.Н., 1978 г. Фотопортрет парный «Николай Иванович Дудин с другом», фотопортрет в медальоне «Алексей Южин» 1941–1943 гг.; фотопортрет «Южина Татьяна Прокопьевна», 1915 г. рождения, начало 1950-х – первая половина 1960-х г.; фотопортрет, «Южина Зоя Прокопьевна»; фотопортрет парный «Коля и Маруся Исаевы», 4 фотографии, 1939 год. Приняты личные вещи Н.Н. Дудина – ложка деревянная, перечница фарфоровая. Фотографии друзей, родителей, З.П. Южина, портрет брата матери в медальоне[1].

7 февраля были приняты вещи из семьи Обуховых, переданные Александром Михайловичем Обуховым: кофейная мельница фабричного производства, стеклянная подставка для вилок и ножей. Фотографии «Александр и Наталья Обуховы с сыном Костей»; «семья Александра Обухова»; «Володя и Люда Обуховы»[2].

25 апреля музею ТОКМ была подарена коллекция материалов Страшковой Эммы Николаевны: швейная машинка «Зингер»; сливочник и кружечка работы И.Е. Кузнецова; коллекция графитовых пластинок; подсвечник; кашпо; аккордеон; кузнецовский фарфор; журналы «Мир Божий» за апрель-март 1902 г.; 3 картины Николая Яковлевича Клявина; 4 фрагмента кружева работы Полющук[3].

11 октября Маргарита Владиславовна Селиверстова подарила: 2 чайные пары, 4 мелкие тарелки, 2 блюдца. Так же были отданы сахарница мелкая с ажурным бортом, 3 скульптуры «утка», «синица», «собака и лягушка», щетка платяная женская, щетка головная детская, полочка-кронштейн настенная. Эти предметы принадлежали Еве Константиновне Ижик, 1920 г. р., жене офицера Советской армии Ижик Юзефа. После смерти мужа Еву Константиновну

[1] *ТОКМ*. Акты приема… Оп. 5. Д. 746. Акт приема № 6.

[2] Там же. Акт приема № 10.

[3] Там же. Акт приема № 31.

взяла к себе жить ее родственница М.В. Селиверстова. Все вещи, со слов сдатчицы, трофейные (кроме чугунной полочки) и были вывезены из Польши[1].

15 июня приняты ордена, медали, документы, вещи Петра Александровича Селиванова. Переданы: орден Отечественной войны I степени, орденская книжка, орден Красной звезды №32568781, орденская книжка к ордену Красной звезды. Медаль «За отвагу», удостоверение к медали «За отвагу», медаль «За боевые заслуги», медаль «За освобождение Варшавы», удостоверение к медали «За освобождение Варшавы», медаль «За взятие Берлина», удостоверение к медали «За взятие Берлина», медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», удостоверение к медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», китель военный[2].

В 2001 г. пополнился изо- и фотофонд ТОКМ. В различное время поступили на хранение альбомы для фотографий и стихов[3], фотографии с изображением Томского краеведческого музея, фрагменты выставки «Хозяин тайги», рисунок «Голова лося»[4], 14 этнографических рисунков Л.П. Чистяковой «Якутская коллекция ТОКМ 1924» и «Верхоянские эвены ТОКМ 1924»[5]. Поступили фотографии «Памятник А.П. Дульзону», «Могила А.П. Дульзона», кладбище на Томске-II, сюжетные фотографии[6], 4 фотографии «Мусульманский обряд имянаречения»[7], генеральный план участка Томской почтовой губернской конторы с планами всех строений, фасад по ул. Садовой[8], коллекция фотографий «Экспедиционные фотографии Д. Хорн: иванкинские селькупы», 22 единицы хранения[9]. 27 марта приняты 6 фотографий этнографического музея г. Сыктывкар, 1999 г.[10].

---

[1] *ТОКМ*. Акты приема… Оп. 5. Д. 746. Акт № 48.
[2] Там же. Акт приема № 43.
[3] Там же. Акт приема № 19.
[4] Там же. Акт приема № 3.
[5] Там же. Акт приема № 13.
[6] Там же. Акт приема № 22.
[7] Там же. Акт приема № 27.
[8] Там же. Акт приема № 28.
[9] Там же. Акт приема № 32.
[10] Там же. Акт приема № 27.

16 мая приняты 14 фотографий: групповой портрет на фоне бюста А.С. Пушкина, в томском Городском саду 1962 года; фотография Городского сада; вид с колеса обозрения на аттракционы в Городском саду; вид с колеса обозрения; аллея перед входом в Городской сад; фотопортрет художника Г.И. Тригорлова на фоне своей работы; фотопортрет художника Тригорлова Г.И., открытка: икона Преподобного Сергия Радонежского; фрагмент выставки Л.В. Пилевской «Песня дерева», фрагмент выставки Л.В. Пилевской в залах ТОКМ, фрагмент выставки «Ты удайся, мой лен» в залах ТОКМ, вид здания театра Е.И. Королева после пожара 1905 г., портрет Николая Михайловича Петрова. 14 июня передана в дар от Г.И. Тригоролова фотография «Тригорлов Г.И. в окрестностях Томска»[1]. 14 июня приняты картины неизвестного художника «Старец Федор Кузьмич», багет, рама, 75,8×58 см, конец XIX века; «На реке»; «Внутренний вид Святотроицкого кафедрального собора». 26 июня принята открытка черно-белая «С праздником Пасхи»[2].

22 октября была принята коллекция фотографий. Фотопортрет пожилой женщины А.А. Хаймович, датированный 1910 г., Якова Рохмана, 1930 г., фотопортрет Ц. Биргер с детьми, 1915 г., Сарра Юровская (Биргер), 1920 г., Борис Наимарк, 1930 г., Григорий Юровский, 1970 г., Сестры Неля и Софа, 1943 г., Семья Могилевских, 1960 г., Ида Могилевская, 1950 г., Сарра Биргер, 1914 г., Софа с сыном Вовой, Чита, 1948 г., Фаина с дочерью Нелей и сестрой Саррой Биргер (Юровской), нач 1920-х г., портрет девушки, 1938 г., Нелли и Софа 1920 г., Григорий Портнев с дочерью Неллей, 1921 г., Фоня (сестра Сарры Биргер и Ривы, жена Григория Портнева), 1929 г., Неля Пологина с сыном Гришей, Чита 1950 г., Рива (сестра Сарры Биргер). Фотоальбом Прибытновой Елизаветы Исаевны конец XIX – нач. XX в., Мария Рахман, 1953 г., фотопортрет девушки (Мария Рахман), 1890-е гг., фотопортрет девушки, начало XX в., Яков Рахман, 1953 г., Яков Рахман 1958 г., Вовочка (сын Софы), 1949 г., Сарра Биргер 1914 г., М. Штейн, 1950-е г., Ц. Биргер с детьми, 1915 г., фотопортрет женщины средних лет (Фаня, сестра Сарры Биргер и Ривы), Яков Рахман, 1930 г., Гриша и

[1] *ТОКМ*. Акты приема… Оп. 5. Д. 746. Акт приема № 33.

[2] Там же. Акт приема № 33.

Боря Пологины с бабушкой Фаиной, 1952 г., Сестры Неля и Софа, 1940 г., Вовочка и Софочка Могилевская, фотопортрет ребенка в возрасте 1 г., семья Пологиных на курорте Дарасун, 1958 г., Сара Юровская-Биргер с дочерью Аней, 1937 г., Сарра Биргер с братом О. Биргер, Сарра Биргер с сестрой Ревекой, Рива, 1910-е, Софа, 1940-е, Миля и Эля, 1900–1910 гг., Ося Флеер, Иосиф Флеер, погрудный портет молодой женщины (Фаины), фотопортрет молодого человека в очках, 1920-е г., Г. Юровский, 1920 г., фотопортрет девушки, 1900–1910, Шлейма и Меиня Наймарк, 1910-е г., Хае Сара Наймарк, 1900 г., Броня Сампин, Герш Абрам Портнов, парный фотопортрет молодых мужчины и женщины, 1890–1910 г., фотопортрет пожилой женщины А.А. Хаймович, 1910 г. (Яков Рахман), А.А. Хаймович, 1900–1910 гг., Люба Еселевич, кабинетный портрет, парный портрет мужчины и женщины, 1900–1910 гг., парный фотопортрет двух женщин средних лет, 1880-е гг., Герш Абрам Портнов на фотооткрытке, О.А. Биргер с другом, кабинетный портрет, 1912 г., «братья», кабинетный портрет на паспарту, 1910 г., Маня Мееровна Майзис, кабинетный портрет на паспарту, 1906 г., фотопортрет женщины и мужчины средних лет, 1900 г., портрет женщины средних лет, 1910 г., фотопортрет женщины средних лет, 1900 г., брат и сестра С.А. и О.А. Биргер, 1912 г. [1].

30 октября приняты различные фотографии: «На репетиции в Краеведческом музее» (В. Жершнев, Б. Соколов, В. Кулемзин); «В помощь информантам» (В. Кулемзин на сенокосе с семьей Слюсоревых в Айполове); занятия со студентами в музее палеонтологии ТГУ (В.М. Кулемзин и костные останки мамонта)[2]. Принята афиша выставки художественных работ «Этюды о жизни Жеравина А.И., Боршина В.Л., Яковлева Н.К.». 6 ноября приняты карта Европейской России и Томской губернии. 9 ноября приняты художественно-этнографические рисунки Сибири, редактор-издатель П. Кошаров. Вид Телецкого озера, Алтай; Группа алтайских инородцев. Вид Колыванского озера, Жилище алтайских инородцев, Впадение реки Чили в Телецкое озеро, Семейство алтайских черневых калмыков или татар во время употребления ими пищи. 14 ноября составлен акт на принятие плана земли по р. Иртыш, 1765 г.; Планы шурфованных речек Томской губернии; Карта Томской губер-

[1] *ТОКМ*. Акты приема… Оп. 5. Д. 746. Акт приема № 53.
[2] Там же. Д. 747. Акт № 54.

нии; Карта Томского округа (без Нарымского края) Сибирского края. 20 ноября приняты фотографии изразцовой печи и изразцовой потолочной розетки в доме №33 по ул. Октябрьской[1].

20 ноября приняты фотографии Грини Дондо. На одной в возрасте 3 лет, 1913 г., на оборотной стороне сделана надпись: «Дондо Гриша лет трех даже еще не было. Сыночек Вениамина Афроимовича и Деборы Гершевны». На другой фотографии Гриня Дондо в возрасте 5–6 лет, 1915 г., внизу в рамочке на паспарту, карандашом, неуверенной детской рукой сделана подпись: «Гриня Д…» Лия Вениаминовна Дондо в возрасте 2,5 лет.[2] Семья Дондо появилась в Томске в 1876 г. Из Мариинска переселяются Афроим Яковлевич Дондо, его родные братья Леонтий и Абрам и их двоюродный брат Моисей. Дондо Афроим Яковлевич, дедушка Лии Вениаминовны, место и дата рождения не известны, проживал в г. Томске с 1876 года. Держал баню по Акимовской улице на берегу реки Ушайки и небольшую мясную лавку возле дома, которой занималась жена. Умер в июне – июле 1915 г. Дондо Сарра Алексеевна, его жена, место и год рождения неизвестны, проживала в Мариинске, а оттуда приехала в г. Томск с мужем. Умерла летом 1922 г.[3]

20 ноября были приняты еще 2 фотографии: «Группа красноармейцев со станковым пулеметом» и «Отряд земской милиции со знаменем»[4].

Фонды ТОКМ пополнялись и скульптурой. 24 января Г.П. Ревухиной передана в дар скульптура «Киров Сергей Миронович»[5]. 23 марта на постоянное хранение передан бюст Ф.Э Дзержинского.[6] 18 апреля принят бюст Фридриха Энгельса[7].

25 января для пополнения фонда документов и редких книг были приняты в дар от Ю.Т. Малкова литературные ребусы для учащихся, 2000 г.[8] 7 февраля передана газета «Соседи» №1 декабря

---

[1] *ТОКМ*. Акты приема… Оп. 5. Д. 746. Акт приема № 52.

[2] Там же. Акт приема № 64.

[3] *Выставка* «Дочери Сарры»: каталог. Сост. Т.Ю. Назаренко. Томск, 2002. С. 61.

[4] *ТОКМ*. Акты приема… Оп. 5. Д. 747. Акт № 69.

[5] *ТОКМ*. Акты приема… Оп. 5. Д. 746. Акт № 4.

[6] Там же. Акт приема № 16.

[7] Там же. Акт приема № 29.

[8] Там же. Акт приема № 7.

2000 г. Это журнальная версия передачи «Здравствуйте, соседи», которая выходит в эфир с 1995 г.[1].

18 апреля принята газета «Скоморох», брошюра «Бенефис актрисы театра куклы и актера «Скоморох» Татьяны Ермолаевой; программа театрального спектакля «Игры с привидениями»; афиша театральная на английском языке со снимками из спектакля «Котлован». Передано в дар Н.А. Чатуровой[2].

1 июня поступили бытовые рукописи из состава «Заимочной коллекции» (сборы В. И. Косточко 1982–1984 гг.). Записки, письма, записи из дневника. Все записки можно разделить на 4 категории: 1 – записки с подсчетом яиц; 2 – записки с рисунками, рисунки, песни; 3 – личная переписка Н.Ф. Коноваловой (письма, записки, дневники); 4 – записки с религиозными текстами. 30 октября принята «Программа общественного признания» в виде брошюры[3].

30 октября принято 8 книг по истории Калымской ссылки от И.А. Паникорова[4].

6 ноября принята книга «Материалы для орнитофауны степей томского края», автор Г.Э. Иоганзен, 1902 г.[5].

21 ноября принят диплом академика русского живописца Валерия Ивановича Якоби, выданный 15 сентября 1868 г., и сертификат ордена Почетного легиона за участие в качестве помощника генерального комиссара России на Всемирной выставке в Париже в 1878 г.[6] Он учился в Петербургской академии художеств в мастерской А. Т. Маркова. Работы В.И. Якоби раннего периода выдержаны в бытописательском духе изображения характерных русских народных типов («Разносчик фруктов», 1858 г.). В своём наиболее известной картине «Привал арестантов» (1861 г.) он первым из русских художников обратился к теме каторги и ссылки. Со 2-й половины 1970-х гг. В.И. Якоби главным образом писал исторические картины[7], занимательно решая сюжеты преимущественно из русской истории.

---

[1] *ТОКМ*. Акты приема… Оп. 5. Д. 746. Акт приема № 8.

[2] Там же. Акт приема № 30.

[3] Там же. Акт № 46.

[4] *ТОКМ*. Акты приема… Оп. 5. Д. 747. Акт № 58.

[5] Там же. Акт приема № 63.

[6] Там же. Акт приема № 71.

[7] http://www.bigsoviet.ru/word/1056/94772

В 2001 г. также поступили предметы в естественнонаучный фонд ТОКМ. 11 апреля приняты кости и зубы животных: зубы лошади, нижний левый, нижний правый, правая локтевая кость зайца, плюсна лошади; 1-я фаланга пальца лошади; пясть бизона; фрагмент ребра бизона. Они были переданы в дар В.А. Фадеевым, который нашел их в д. Воронцово Кожевниковского района[1]. Кроме того, В.И. Изотов передал левую плечевую кость и правый роговой стержень бизона, найденые им на р. Басандайка около поселка Лучанова[2]. Фонд также пополнился первым шейным позвонком мамонта[3], палеонтологической коллекцией «Моллюски и отпечатки растений»: колонией кораллов, головоногим моллюском, брахиопадом, стеблями членистостебельных растений, псилофитом, вязом Ulmus Linne 1754 г.[4], коллекцией окаменелостей и отпечатков. В нее вошли сублепидодендрон альтернанс, отпечаток ствола и ветки; перловица, обломок раковины; окаменелое дерево, часть ствола, мезозой[5]. Последним пополнением фонда стала принятая 5 декабря левая ветвь нижней челюсти шерстистого носорога[6].

В целом, можно отметить, что в 2001 г. пополнились все фонды ТОКМ. Многие из экспонатов были переданы в дар – 99,3%, часть закуплены – 0,7%. Часто к экспонатам прилагается легенда, в которой рассказывается о том, кому принадлежал этот предмет, и его история. Большинство предметов поступили в фотофонд ТОКМ. Фонды оружия, металла, мебели, практически не пополнялись.

[1] *ТОКМ*. Акты приема… Оп. 5. Д. 746. Акт № 23.
[2] Там же. Акт приема № 24.
[3] Там же. Акт приема № 25.
[4] Акт приема № 45.
[5] Там же. Акт приема № 72.
[6] Там же. Акт приема № 74.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ БЫТОВОГО МУЗЕЯ СОРОКОВЫХ ГОДОВ (НА ОСНОВАНИИ НОВЫХ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ)

М.С. Тимофеева*

Бытовой музей Сороковых годов был создан в Москве в 1919 г. Это один из самых интересных музеев послереволюционной России, который, к сожалению, не дожил до наших дней и просуществовал недолго – всего десять лет, до 1929 г.

Музей Сороковых годов был создан для того, чтобы наиболее достоверно показать московский городской домашний быт сороковых годов девятнадцатого века, типичный для состоятельной семьи. Один из создателей музея, Б.В. Шапошников, говорил о том, что только в бытовом музее можно полностью прочувствовать эпоху, которой он посвящается.

Музей Сороковых годов не обделен вниманием исследователей, историков, музеологов – это известный музей, о нем немало написано[1]. Проблема заключается в том, что, несмотря на признанную роль в истории музейного дела, Музей Сороковых годов – от формирования фондов до его функционирования – изучен еще недостаточно. Несмотря на то, что Музей был закрыт в конце 1920-х гг., его коллекция сохранилась в Государственном историческом музее (далее ГИМ). Именно поэтому пролить свет на историю музея позволил тщательный поиск документов, связанных с музеем, в отделе письменных источников ГИМа. В результате изучения архивных дел мною были найдены новые документы, которые позволили более полно восстановить картину создания музея от замысла до воплощения.

---

* **Тимофеева Мария Сергеевна –** студентка 5-го курса кафедры музеологии факультета истории искусств Российского государственного гуманитарного университета. Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент М.А. Полякова.

[1] См.: *Историко-культурные* музеи Москвы: Исторические и бытовые, мемориальные, музеи-храмы и монументы: Путеводитель / Общ. ред. В.В. Згура. М., 1926; *Музеи* Москвы и Московской области / Сост. В.Н. Мордвинова. М., 1930; *Фролов А.И.* Московские музеи. М., 1996 и др.

Рассказ о Музее Сороковых годов стоит начать с объяснения самой сущности бытовых музеев. В послереволюционные годы немало выдающихся деятелей культуры и искусства задавались вопросом о том, чему должен служить бытовой музей, в чем его смысл. Создание музея привлекало внимание научного сообщества. Концепция музея обсуждалась в научных обществах деятелями культуры и искусства, государственными организациями в сфере культуры. Над ролью и задачами бытового музея размышляли крупнейшие представители сферы охраны культурного и природного наследия, деятели искусства и художники, музееведы. С названием Бытового музея Сороковых годов связаны не только имена его прямых создателей, но и всех тех, кто внес лепту в формирование представления о сути бытового музея: А.Н. Бенуа, Ф.И. Шмит, Д.Д. Иванов, В.В. Згура, сотрудники музейного отдела и др.

Наиболее ярко замысел создания Музея Сороковых годов отразил искусствовед Дмитрий Дмитриевич Иванов.

Дмитрий Дмитриевич Иванов (1870–1930) – крупнейший искусствовед, с 1922 по 1930 г. был директором Оружейной палаты Московского Кремля. Вклад Дмитрия Дмитриевича в сохранение историко-культурного и художественного наследия страны сложно переоценить – во времена, когда предметы старины и искусства не ценились высоко, продавались и вывозились за границу, он боролся за каждый экспонат. Ему не раз удавалось доказать историческую или художественную ценность предмета, спасая его из плавильного цеха или не давая уйти ему на продажу. К числу важнейших заслуг Дмитрия Дмитриевича Иванова относится написание «Объяснительного путеводителя». Это первый русский туристический путеводитель по Эрмитажу и другим крупнейшим музеям.

В архиве мною был найден доклад, в котором Дмитрий Дмитриевич говорил, в частности, что Музей Сороковых годов устроен по принципу так называемых бытовых музеев, которые только начинали появляться в Западной Европе, а в России это было новым явлением. Задача музеев, как писал Иванов, состоит в том, чтобы составить возможно более верную картину какой-нибудь отдельной эпохи[1].

Дмитрий Дмитриевич сравнивал бытовые музеи с «куском жизни, вырванным из действительности». Если говорить конкрет-

[1] *ОПИ ГИМ*. Ф. 54. Д. 231. Л. 1.

нее о Бытовом музее Сороковых годов, то он задумывался по плану, который являл собой новинку не только для России, но и для Европы. Иванов подчеркивал, что музей Сороковых годов был задуман не как дом какого-нибудь определенного лица с более или менее случайными семейными портретами и набором бесхитростных вещей, а дом-тип, образный и выразительный, передающий особенности своего времени не по принципу педантичной точности, а по принципу колоритной жизненности. Это отразило чрезвычайно важную идею, которая лежала и лежит в основе представлений о бытовом музее. Это мысль о том, что действительность бывает случайна. В ней попадаются черты нехарактерные, недостаточно или слишком живые и путающие научные представления. Иванов считал, что подчас желательно удалить какой-нибудь предмет, достаточно характерный, заменить его другим, более правдоподобным, хотя бы в действительности и не стоявшим на данном месте[1]. И вот в Музее Сороковых годов поставлена задача воссоздания бытовой обстановки художественно, творчески и свободно.

В этой концепции, как становится ясно, одной из ключевых является сложная проблема музеефикации быта. Эта проблема занимала таких выдающихся представителей культуры и искусства, как Александр Николаевич Бенуа, Федор Иванович Шмит, Эрих Федорович Галлербах, Николай Дмитриевич Бартрам, один из создателей Музея Сороковых годов.

Имя Николая Дмитриевича Бартрама заслуживает отдельного рассказа. Николай Дмитриевич был художником, писателем по вопросам декоративного искусства, художественной промышленности и воспитания. Он был инициатором и одним из создателей Музея игрушки, одним из наиболее активных создателей Бытового музея Сороковых годов. Стремясь поддержать народные промыслы, по окончании Московского училища живописи, ваяния и зодчества, он вернулся на родину – в деревню Семеновка Курской губернии – и создал учебную мастерскую игрушечно-столярного производства, которой руководил десять лет – с 1893 по 1903 г. Для собирания коллекции игрушек в начале XX в. несколько раз выезжал за границу. В 1918 г. он организовал в Москве Государственный музей игрушки. Музей в пору самой большой популярности размещался в нынешнем здании Государственного музея

[1] *ОПИ ГИМ*. Ф. 54. Д. 231. Л. 1.

А.С. Пушкина на Пречистенке. В работе с посетителями Николай Дмитриевич использовал новаторские приемы, например, позволял детям трогать игрушки руками. Он считал, что музейные предметы должны быть достоянием общественности, поэтому целиком поддерживал идею создания общедоступных музеев. Например, свою коллекцию головных уборов он передал Археологической комиссии Курской губернии.

Говоря о проблеме музеефикации быта, стоит упомянуть Александра Николаевича Бенуа, который вплотную занимался дворцами-музеями как видом бытовых музеев. Он призывал не рассматривать дворцы-музеи «как захваченный историей в определенный момент и подлежащий мумифицированию труп». Напротив, бытовой музей – это живой организм, который не только требует правильного хранения предметов, но и растет по определенным законам развития.

С Александром Николаевичем полностью соглашался выдающийся ученый Федор Иванович Шмит, который много писал об острой проблеме правдоподобности. Он был уверен, что воссоздание бытовой обстановки не должно копировать все описания интерьера, но должно быть воплощено в ярком и характерном облике, отвечать духу того времени, при этом делая акцент и на уникальных экспонатах. Федор Иванович приводил пример такого «захваченного историей в определенный момент трупа»: очень красивую заводную игрушку-клоуна невозможно было показать нигде, так как те комнаты, где она находилась (в Зимнем дворце) были преобразованы, а во дворце в пригороде Петербурга она никогда не была, следовательно, выставить ее там нельзя[1].

Дмитрий Дмитриевич Иванов описывал это же явление, опираясь на произведение Льва Николаевича Толстого: «Толстой в «Войне и мире» изобразил выбранный им этап более живо, чем некоторые подлинные письма и записки того времени». И приводил более конкретный пример: в сохранившихся в Кремле теремах привлекает именно то, что в них можно видеть «более или менее связную картину русского искусства XVII в. в том виде, как оно было воспринято жизнью тем временем, как оно существовало в действительности». Дмитрий Дмитриевич также писал: «Интересно видеть характерный для своей эпохи дом со всей уцелевшей его обстановкой – тут соединяются все виды и роды искусства: и жи-

[1] *Шмит Ф.И.* Музейное дело. Вопросы экспозиции. М., 1929. С. 192.

вопись, и ткацкое дело, и обработка металла, и обделка дерева, и все они показаны так, как воспринимала их подлинная жизнь, как дополняла их повседневная действительность»[1]. Таким образом, интерес состоит как раз в том, чтобы видеть характерный для своей эпохи объект: будь то терем, или дом с уцелевшей обстановкой. В данном случае ключевым является определение «характерный».

Остановимся подробнее на этапах формирования музея. Оно протекало с трудом, но проводилось с особой тщательностью и с активным участием музейного сообщества. Об этом говорят найденные в архиве протоколы и стенограммы заседаний различных организаций. Например, согласно стенограмме заседания от 6 апреля 1919 г., Историческое общество при Московском университете решило поддержать ходатайство о принятии мер к сохранению дома на Собачьей площадке. Члены общества подчеркивали историко-мемориальную ценность особняка. «Ввиду редкой сохранности всей старинной обстановки, – отмечалось в стенограмме, – а также ввиду тесной связи его с историей русской образованности – в доме пребывали А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, В.А. Жуковский, П.Я. Чаадаев, братья И.В. Киреевский и П.В. Киреевский, Елагины, Погодин, Свербеев и др.»[2].

По маршрутам сбора предметов для музея можно составить карту размещения музейных ценностей в революционной Москве. Музей собирали буквально по всей столице и окраинам.

Так, из бывшего Дворянского – земельного Банка было вывезено имущество, принадлежащее Лобановой-Ростовской[3]. Из Нескучного были вывезены стол и портьеры[4], из Петровского дворца – часть мебели. После этого на имя заведующего Кремлевским дворцом была подана записка с просьбой о предоставлении материи для мебели из Петровского дворца на замену испорченной обивки[5].

Из Английского клуба были взяты акварели и часть картин[6]. Богатый список растений для музея вывезли из садового хозяйства Общества благоустройства при МКС – это и резеда, и гелиотропы, и бальзамин, лилии, фуксии, розы, азалии, камелии, гортензии, а

[1] *ОПИ ГИМ*. Ф. 54. Д. 231. Л. 1.
[2] Там же. Л. 30.
[3] Там же. Л. 46.
[4] Там же. Л. 100.
[5] Там же. Л. 78.
[6] Там же. Л. 92.

также плющ и даже пальма[1]. Из Сергиева Посада были вывезены костюмы и вышивки[2].

Необычным является тот факт, что витрины для экспозиции Музея Сороковых годов были взяты из бывшего магазина «Мюр и Мерилиз» (ныне – ЦУМ). Если верить документам, то после закрытия музея 15 витрин были возвращены обратно[3].

Сбор предметов из разных домов разных семей ставил перед создателями проблему мемориальности музея. Во-первых, поскольку музей располагался в бывшем доме А.С. Хомякова, необходимо было акцентировать внимание на вещах, принадлежавших хозяину дома. Во-вторых, нельзя было забывать о вещах, принадлежавших другим лицам, например, упомянутой выше Лобановой-Ростовской. Нельзя забывать и о проблеме подлинности: создатели не могли и в мыслях допустить замену музейного предмета копией, если существовала вероятность нахождения подлинника или его реставрации. И сегодня проблема подлинности стоит как никогда остро, только решается чаще всего не в пользу сохранения памятника культуры: зачастую уничтожить его и создать на его месте макет дешевле и проще, чем проводить реставрационные работы.

Чтобы не упустить никаких важных деталей в создании музея, организаторами была подготовлена анкета[4] для родственников А.С. Хомякова. Она включала в себя 12 вопросов, которые были направлены на получение доскональной информации о внутреннем убранстве комнат, а также о документах, из которых можно почерпнуть новые сведения о здании и его владельцах. Например, вопрос №7 звучал так: «Какого цвета были обои или стены в кабинете и диванной при нем при А.С. И подвергали ли эти комнаты переделке?». Вопрос №8 касался плана здания: «Каково было распределение комнат (назначение) в доме при А.С. (желательно до 1855 г.). Комната с колоннами? Комната в крыле, правая и та, что при лестнице? Если была отдельная столовая, то в какой комнате? В каких комнатах жила прислуга?» Также задавались вопросы о том, из каких источников еще можно получить данные об убранстве дома и его жильцах. В архиве доступны ответы на анкету одной

[1] *ОПИ ГИМ*. Ф. 54. Д. 231. Л. 124.
[2] Там же. Л. 99.
[3] Там же. Л. 105.
[4] Там же. Д. 111. Л. 4.

из потомков А.С. Хомякова, Марии Александровны[1]. Она не смогла дать плана дома, не располагала данными о документах на покупку дома, не указала известных ей мемуаров и других книг с упоминанием описаний дома, зато смогла описать элементы внутреннего убранства здания.

Наряду с чисто музеологическими проблемами перед создателями Музея Сороковых годов вставали проблемы, порожденные революцией: упадок культуры, пренебрежительное отношение масс к ценностям. Найденный в архиве акт о посещении музея членами Отдела по делам музеев Н.Д. Бартрамом и архитектором Е.В. Шервинским от 18 октября 1920 года наглядно это иллюстрирует. Осмотр музея, предпринятый Николаем Дмитриевичем Бартрамом, показал, что из-за неправильного использования уборных жильцами верхних этажей музея, залы музея были частично затоплены: были испорчены потолки, стены, пол и музейные предметы[2]. Это ли не проявление той самой разрухи 20-х годов, которая была в головах живущих?

Поэтому Н.Д. Бартрам и Е.В. Шервинский рассматривали вероятность переселения жильцов с верхних этажей по флигель здания. Осмотр флигеля показал, что для жизни в нем необходимо установить русскую печь с плиткой, навесить входную дверь и произвести очистку всего помещения[3].

А вот еще один яркий штрих к истории жильцов: в архиве была найдена записка чиновника на имя главы отдела по делам музеев Наркомпроса Н. И. Троцкой. В ней он просит отдать «ответственным коммунистам», занимавшим второй этаж здания, пианино из музея, так как на нем никто не играет. А среди жильцов есть музыканты, которые, согласно записке, «дают импровизации в рабочих и Красной армии клубах» – им необходимо пианино на временное пользование для репетиций[4]. Кажущаяся на первый взгляд незначительной, эта записка отражает в себе, как в зеркале, состояние целой эпохи.

Изучение архивных документов позволило выявить важную информацию для изучения истории Бытового музея Сороковых годов. Во-первых, они показали, как понималась сущность Музея

[1] *ОПИ ГИМ*. Ф. 178. Д. 111. Л. 5.
[2] *ОПИ ГИМ*. Ф. 54. Д. 231. Л. 101.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 106.

Сороковых годов и бытовых музеев вообще деятелями культуры и искусства. Важнейшим для нас здесь является доклад Дмитрия Дмитриевича Иванова о концепции Бытового музея Сороковых годов. Во-вторых, по архивным документам удалось составить хронологию формирования музея. В-третьих, получено представление о том, в каких нелегких условиях музей создавался и работал.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КЛЮЕВ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ 1973–1988 гг.

М.В. Чернышёва*

Николай Алексеевич Клюев – один из поэтов Серебряного века, который посвятил свое творчество воспеванию Руси и русского народа. Прожив яркую, но недолгую жизнь, потомкам он запомнился своим творчеством и трагичной судьбой: ссылка в Нарымский край и безвестная гибель, факт которой долгое время скрывался. Реабилитированного Военным трибуналом Сибирского округа еще в 1960 г., Н.А. Клюева прокуратура РСФСР полностью реабилитировала только в 1988 г.

Однако в советской периодике публикации, посвященные жизни и творчеству поэта, начали активно появляться только после 1973 г., когда вышла в свет статья А.К. Грунтова, опубликованная в журнале «Русская литература» в 1973 г., под заголовком «Материалы к биографии Н.А. Клюева». В ней автор уделяет большое внимание Николаю Клюеву как революционному деятелю и защитнику крестьян, как бы оправдывая поэта перед тогдашней властью.

Кроме того, А.К. Грунтов упоминает о пребывании Н.А. Клюева в большевистской партии в 1919–1920-х гг., косвенно указывая причину, по которой он был исключен. А именно, религиозность поэта, так неугодная партии.

*__Марина Васильевна Чернышёва__ – студентка 5-го курса кафедры музеологии и экскурсионно-туристической деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета. Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Э.И. Черняк.

«Третья уездная конференция РКП (б) уделила большое внимание вопросу о Клюеве. <…> Вопрос о совместимости веры в победу социализма с религиозной верой был в то время острым вопросом»[1].

Необходимо отметить, что автор статьи прослеживает биографию Н.А. Клюева только до 1923 г., т.е. до отъезда поэта в Петроград. И это не случайно. Ведь в начале 70-х гг. прошлого века было практически невозможно узнать информацию о судьбе жертв режима, пусть даже реабилитированных. И к тому же публикаций биографов Н.А. Клюева на тот момент было крайне мало.

Понимая это, автор в заключительных строках статьи призывает исследователей к изучению биографии и творчества поэта после 1923 года: «Дальнейший путь Клюева – это уже особая тема, требующая сбора новых материалов, в том числе воспоминаний людей, близко знавших поэта[2]«.

Значимость данной статьи для клюеведов велика, поскольку ее автор был «первопроходцем» в изучении биографии Н.А. Клюева. Именно он в сложное время, когда люди по-прежнему опасались даже вспоминать о ссыльном поэте, записывал устную историю со слов вытегорских старожилов, искал и находил документы, относящиеся к Н.А. Клюеву, в местных архивах, часть которых и была опубликована в журнале «Русская литература».

Спустя почти десять лет вышла в свет статья С.И. Субботина «Проза Николая Клюева в газетах «Звезда Вытегры» и «Трудовое слово» (1919–1920 гг.). Вопросы атрибуции», опубликованная также в журнале «Русская литература».

Автор объясняет, почему он исследует именно эти газеты. Так, например, он пишет: «В 1919 г. (по нашему подсчету), каждый четвертый номер «Звезды Вытегры» этого года содержит произведения поэта[3]». В номерах других газет встречаются как рецензии на спектакли, так и статьи Н.А. Клюева, которые С.И. Субботин разделяет на три группы по тематическим признакам. Таким образом,

---

[1] *Грунтов А.К.* Материалы к биографии Н.А. Клюева // Русская литература. 1973. № 1. С. 125.

[2] Там же.

[3] *Субботин С.И.* Проза Николая Клюева в газетах «Звезда Вытегры» и «Трудовое слово» (1919–1921 гг.). Вопросы атрибуции // Русская литература. 1984. № 4. С. 137.

в первую группу входит проза Н.А. Клюева, посвященная бойцам революции («Красные орлы», «Скоро будет радость»); вторая группа – материалы темы «Искусство и революция» («Музей в опасности», заметки о поэтах) и выступление на уездном съезде учителей «Слово о ценностях народного искусства»; и, наконец, в третью группу С.И. Субботин включает отзывы о спектаклях, шедших на вытегорской сцене в 1921 г., и отклик Н.А. Клюева на спектакль «Девушка с фиалками».

Однако автор статьи не только группирует прозу Н.А. Клюева, но дает ее подробный стилистический анализ и делает следующие выводы: «Характерные черты поэтики древнерусской литературы действительно проявляются в прозе Клюева как типичные приметы его индивидуального стиля. Казалось бы, это обстоятельство должно было непременно повести к архаизации клюевского прозаического текста, что серьезно затруднило бы его читательское восприятие. Однако в большинстве случаев статьи поэта воспринимаются как сочинения, несомненно, оригинальные и жизнеспособные, поражающие своей внутренней свободой даже при сугубой традиционности исполнения»[1]. Таким образом, автор подчеркивает характерную манеру письма Н.А. Клюева. А именно, «орнаментальность, функционально близкая поэтической речи; стремление к художественному абстрагированию изображения[2]«, характерные для сочинений древнерусских авторов.

Таким образом, в статье С.И. Субботина уделяется внимание Н.А. Клюеву-прозаику, что в очередной раз доказывает многогранность его личности: синтез талантливого поэта и прозаика.

Яркая биография самобытного писателя и поэта Н.А. Клюева представлена в 1988 г. в журнале «Нева» в статье К.М. Азадовского «Личность и судьба Николая Клюева». В отличие от статьи А.К. Грунтова в 1973 г., К.М. Азадовский подробно раскрывает факты биографии поэта, такие как первые публикации его стихов, общение с А.А. Блоком, арест и ссылка в Нарымский край и т.д. Кроме того, в статье опубликованы документы Н.А. Клюева: его отрывок из автобиографии, заявление Н.А. Клюева в Союз писате-

[1] *Субботин С.И*. Указ. соч. С. 139.
[2] Там же. С. 140.

лей и три письма к Н.Ф. Христофоровой (приятельнице поэта, активно помогавшей ему в период ссылки).

В первых строках статьи автор предупреждает читателя о том, что даже не всем документам, принадлежавшим Н.А. Клюеву, можно верить. Так, он подчеркивает: «Автобиографическая проза Клюева – скорее «художественное», нежели реальное жизнеописание, где правда и вымысел слиты зачастую неразделимо»[1]. И здесь автор не оригинален, так как страсть к мистификации заметили еще современники Н.А. Клюева.

Необходимо отметить, что данная статья явилась предтечей документально-биографического очерка К.М. Азадовского «Николай Клюев: путь поэта», вышедшего в 1990 г.

Важным событием для клюеведов в 1988 г. стал выход в свет статьи Г.С. Клычкова и С.И. Субботина «Николай Клюев в последние годы жизни: письма и документы. По материалам семейного архива», опубликованной в журнале «Новый мир».

По сути, данная статья представляет собой сборник писем поэта, которые он отправлял своим друзьям и знакомым, находясь в ссылке. А это двадцать восемь сочинений, среди которых письма к дирижеру Н.С. Голованову, певице Н.А. Обуховой и другу, творческому соратнику Н.А. Клюева С.А. Клычкову, который был посредником между Н.А. Клюевым и адресатами его писем.

Опубликованы письма в хронологическом порядке, что помогает выстроить картину событий, происходивших в то время с поэтом. Кроме того, это оригинальные свидетельства жизни Н.А. Клюева в Нарымском крае. Его своеобразная манера письма по канонам древнерусской литературы, описания природы края «небо в лохмотьях, косые, налетающие с тысячеверстных болот дожди, немолчный ветер – это зовется здесь летом, затем свирепая 50-градусная зима[2]«, описание быта и состояния поэта: «живу в углу на окраине Томска у жестяника-старика со старухой. Очень мучительно на чужих глазах со своими нуждами душевными и те-

---

[1] *Азадовский К.М.* Личность и судьба Николая Клюева // Нева. 1988. № 12. С. 177.

[2] Из письма Н.А. Клюева к С.А. Клычкову. *Клычков Г.С.*, *Субботин С.И.* Николай Клюев в последние годы жизни: письма и документы. По материалам семейного архива // Новый мир. 1988. С. 168.

лесными. Комнатки отдельной здесь не найти, как в Москве. Это очень удручает. Дрова сорок руб[лей] возик. Везде железные топки с каменным углем. Смертельно скучаю»[1].

Кроме писем, в статье опубликованы официальные документы, принадлежавшие Н.А. Клюеву: заявление во ВЦИК с просьбой о помиловании, опись имущества и вещей поэта, которая представляет для нас особый интерес, как для организаторов проекта литературно-мемориального музея Н.А. Клюева в Томске.

В описи представлены наименования личных вещей, находившихся в доме поэта в Гранатном переулке: мебель, утварь, одежда и иконы, переданные на хранение В.Н. Горбачевой, супруге С.А. Клычкова.

К сожалению, мы не знаем, где теперь находятся эти вещи, но тем не менее благодаря публикации этого документа мы имеем представление о них.

Таким образом, статья «Николай Клюев в последние годы жизни: письма и документы» благодаря опубликованным письмам и документам из личного архива семьи Клычковых может оказать помощь в организации экспозиции музея Н.А. Клюева.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ СПЕЦИАЛИСТОВ-МУЗЕЕВЕДОВ В ПРОЦЕССЕ РАБОТЫ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОТРЯДЕ «ПУЛЬС»

Е.А. Чиркова*

В последнее время в стране возросла потребность общества в квалифицированных специалистах, обладающих профессионально значимыми характеристиками. Эта потребность с необходимостью ставит задачу повышения качества профессионального образования, подготовки профессионалов нового поколения, умеющих ра-

[1] Из письма Н.А. Клюева к В.Н. Горбачевой. Там же. С. 177.

*__Екатерина Александровна Чиркова__ – студентка 3-го курса кафедры документоведения и музееведения факультета книжного бизнеса, документоведения и музееведения Института документальных коммуникаций Челябинской государственной академии культуры и искусств. Научный руководитель – канд. пед. наук, доцент А.В. Лушникова.

ботать в условиях развивающегося информационного общества. Современная система профессионального образования служит не только для передачи специальных знаний, но и для развития будущего специалиста как представителя и носителя определенной культуры, характеризующегося совокупностью знаний, умений, а также определенным мировоззрением, жизненными установками и ценностями.

Способность молодого человека проявить себя в какой-либо деятельности, быть инициативным, является показателем его уровня готовности социальной активности дальнейшей жизни, помочь ему – в этом одна из основных задач общества в целом и разных общественных объединений в частности. Молодежь должна иметь практический опыт самореализации, управления своими действиями, конкретизации себя. Студентам необходимы условия для саморазвития, для реализации своих идей.

В настоящее время существует множество вариантов формирования профессиональных навыков у специалистов разной направленности, и у музееведов в том числе. Человек, пришедший в музей, – не объект воспитательного воздействия, а равноправный собеседник, поэтому общение музея с аудиторией должно выстраиваться не в форме монолога, а диалога, тем более, если эту аудиторию составляют дети. Поэтому музеевед должен владеть отличной педагогической и психологической практикой, вести организационно-массовые работы.

Работа в студенческом педагогическом отряде (далее СПО) «Пульс» во многом способствует формированию таких навыков у студентов-музееведов. СПО «Пульс» представляет собой добровольное, самоуправляемое формирование учащихся, объединяющихся на основе интереса к социально значимой деятельности и активной гражданской позиции, с целью осуществления социально-педагогических инициатив среди детей, подростков и молодежи и одновременного самосовершенствования. Участники СПО могут попробовать себя в нескольких социальных ролях: корреспондента, информатора, организатора, оформителя, дизайнера, что способствует его самосовершенствованию, реализации творческих способностей, а главное приобретения навыков работы с детьми, что, в свою очередь, помогает музееведам в организационно-массовой работе в музее.

Существует множество форм культурно-образовательной деятельности музея: лекции, экскурсии, консультации, конкурсы, различные клубы. Музей может организовать встречи с интересными людьми, проводить концерты, праздники, исторические игры, а навыки, приобретенные в процессе работы в СПО «Пульс», во многом помогут специалистам-музееведам в организации такого рода мероприятий.

Детей-экскурсантов невозможно заинтересовать формой проведения экскурсии, предназначенной для взрослой аудитории, ведь внимание детей рассеивается, если они воспринимают на слух ту информацию, которая им непонятна и отдалена. Поэтому выигрышной для экскурсовода формой общения с детьми является форма с элементами игры, конкурсов, проведения мастер-классов, это позволит музееведам найти общий язык с данной аудиторией. Такой опыт работы с детьми можно получить в условиях работы в СПО «Пульс». Но не нужно забывать и о том, что возрастная категория детей тоже может быть разной, и их взгляды на окружающую обстановку постоянно изменяются, это во многом зависит от того, как экскурсовод преподнесет им свою информацию.

Работа в СПО «Пульс», а также работа в детских оздоровительных лагерях позволяет специалистам-музееведам не только получить огромную педагогическую и психологическую практику, но и повысить свои коммуникативные возможности.

Организационно-массовая работа, которая входит в функции музееведов, предполагает в первую очередь:

- организацию встреч студентов и школьников с деятелями культуры и искусства
- проведение познавательных бесед, позволяющих сформировать у детской аудитории представления о культуре и быте разных народов, воспитать в них чувство патриотизма, повысить уровень знания в области истории, культуры.
- проведение в музеях различных праздников с участием детской аудитории, приближая их этим к мировой культуре.

СПО «Пульс» предоставляет специалистам-музееведам возможность приобрести навыки в процессе работы с детьми в детских оздоровительных лагерях, работы с детьми детских домов и реабилитационных центров, что, в свою очередь, позволяет сформировать профессиональные навыки работы с разной ауди-

торией. А специалистам-музееведам такая практика только пойдет на пользу.

Подводя итог, можно сказать, что профессиональное образование будущего специалиста можно рассматривать как основу самоопределения личности, так как оно обеспечивает стандарт подготовки к профессиональной деятельности и основу формирования профессиональной культуры, поэтому первым условием является оптимизация программно-методического обеспечения образовательного процесса по формированию педагогической практики студентов в вузе в социокультурной деятельности. По нашему мнению, общеобразовательная подготовка должна быть направлена на достижение оптимального уровня информированности, действенности, глубины, осознанности знаний, на стимулирование самообразования в профессиональной сфере. СПО «Пульс» в ЧГАКИ во многом позволяет будущим специалистам получить знания в психологии и педагогике, а также приобрести навыки общения с детской аудиторией, а это дело не из легких для начинающих специалистов.

Научное издание

ЭТЮДЫ КУЛЬТУРЫ – 2009

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции

Редактор *В.С. Сумарокова*
Оригинал-макет *Д.М. Кижнер*

Подписано в печать 10.10.2009.
Формат 60х 84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Печ. л. 9,5; усл. печ. л. 8,4; уч.-изд. 8,9. Тираж 300. Заказ №

ОАО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ОАО «Издательство Иван Федоров», 634003, г. Томск, Октябрьский взвоз, 1